

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА:
КАК ПОГИБАЛА
РУССКАЯ АРМИЯ**

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА: КАК ПОГИБАЛА РУССКАЯ АРМИЯ

1917

XX военные
тайны
века

С.Н. БАЗАНОВ

XX *военные
тайны
века*

С.Н. БАЗАНОВ

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА:
как погибала Русская армия

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611
Б17

Базанов, С.Н.

Б17 Великая война: как погибала Русская армия / С.Н. Базанов. — М. : Вече, 2014. — 384 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-2020-1

Знак информационной продукции 12+

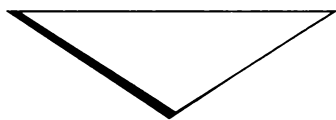
Книга доктора исторических наук С.Н. Базанова посвящена истории развала русской действующей армии начиная с марта 1917 г. и заканчивая ее демобилизацией в начале 1918 г. На основе разнообразных источников автор показывает, насколько разрушительна была военная политика Временного правительства по отношению к вооруженным силам, что в значительной степени ускорило их развал. Подробно рассмотрена борьба большевиков за власть в действующей армии с их политическими противниками в послеоктябрьский период. Раскрыто влияние первых советских декретов о мире, о земле, о демократизации и о демобилизации на процесс борьбы за власть в армии, закончившийся ее полным роспуском.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611

ISBN 978-5-4444-2020-1

© Базанов С.Н., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Прошло ровно 100 лет с начала Первой мировой войны. Официальная пропаганда того времени назвала ее Великой, затем Второй отечественной, а иногда даже Второй великой отечественной войной. И таковой бы ей и остаться в памяти потомков. Но грянул 1917 год...

Изучение роли русской армии в переломных событиях 1917 г. началось в 1920-х гг. и продолжается по настоящее время. Анализ соответствующего комплекса научной литературы посвящено немало обстоятельных работ, в том числе монографий, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ее разборе. Отметим только, что революционное движение в армии в целом рассматривается в разделах крупных трудов по истории революций 1917 г., ряде книг, кроме того, несколько десятков исследований опубликовано по отдельным проблемам этого явления. При этом до последнего времени у тех, кто изучает этот период, нередко возникает вопрос: кто ответствен за развал Русской армии? Одни специалисты продолжают отстаивать точку зрения, что все беды — от Временного правительства, другие обвиняют большевиков. По мнению же автора, доля ответственности лежит на тех и на других. Причем по количеству вышедших научных публикаций преобладает критика военной политики Временного правительства.

Необходимо отметить, что практически вся имеющаяся литература по послеоктябрьскому периоду страдает та-

ким серьезным недостатком, как весьма поверхностный показ событий на фронте в целом, не говоря уже об истории борьбы за власть в действующей армии, приведшей к ее развалу. Отчасти это вызвано значительно меньшим по сравнению с дооктябрьским периодом количеством документальных источников, сохранившихся в фондах государственных архивов. Дело в том, что в период германского наступления в феврале 1918 г. многие штабы полков, дивизий, корпусов и даже армий на Северном и Западном фронтах были захвачены противником (в плен попал даже штаб Западного фронта). А на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах значительная масса документов вместе с огромным военным имуществом действующей армии стали добычей вооруженных формирований украинской Центральной рады и правительства Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии) — Закавказского комиссариата.

Надо сказать, что в известной степени эти пробелы восполняются таким важным источником, как периодическая печать 1917—1918 гг. Предметом изучения автора предлагаемой читателю книги стали многие десятки газет, выходивших в тот период как в центре, так и в действующей армии и прифронтовых районах. В них освещались (по-разному, в зависимости от партийной принадлежности) послеоктябрьские события на фронте, публиковались письма солдат и офицеров, резолюции фронтовых, армейских, корпусных и прочих съездов, митингов, собраний, указы солдат различным властным структурам, постановления солдатских комитетов, приказы большевистских ревкомов и советских комиссаров и многое другое.

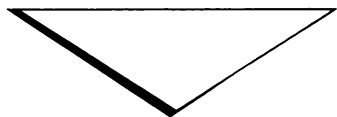
Однако главный недостаток предшествующей научной литературы состоит в том, что революционные процессы

в вооруженных силах в 1917 г. рассматривались по одной схеме, а события унифицировались. Исследователей в основном интересовали вопросы, связанные с проведением Октябрьской революции. Все работы заканчивались главным образом безапелляционным утверждением о том, что советская власть окончательно установлена на том или ином фронте либо в армии такого-то числа такого-то месяца. Как правило, для подобного заключения хватало резолюции, в поддержку (или о признании) новой власти, вынесенной съездом солдатских депутатов изучаемого объекта. Но почему тогда армия, в основном лояльная к советской власти, в течение менее чем четырех месяцев была ею демобилизована и в марте 1918 г. прекратила существование? Ответу на этот вопрос и посвящена данная книга.

В предлагаемой вниманию читателей работе, подготовленной на основе разнообразного круга источников и научной литературы, предпринята попытка дать общую картину процессов, происходивших на протяжении 1917 г. в русской действующей армии, насчитывавшей около 7 млн человек, что составляло 80% состава вооруженных сил государства. Рассматривается ее демократизация от Февраля к Октябрю, приведшая к необратимым последствиям, причем основное внимание уделяется послеоктябрьскому периоду, так как именно в конце октября — ноябре разгорелась острая борьба за власть между большевиками и их политическими противниками на всех пяти фронтах, каждый из которых обладал своей спецификой. В работе показано отношение солдатских масс к этому противостоянию, их участие в претворении в жизнь первых советских декретов, влияние последних на исход борьбы за армию, закончившейся ее ликвидацией.

Глава I

ПРОЛОГ КАТАСТРОФЫ: РУССКАЯ АРМИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ДЕМОКРАТИЗАЦИИ АРМИИ ВЕСНОЙ 1917 г.

После победоносного наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г., вошедшего в историю как Брусиловский прорыв, произошел перелом в Первой мировой войне в пользу Антанты. Многим в то время даже стало казаться, что предстоящая военная кампания будет последней и победа уже не за горами. Сам главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов, хорошо знавший сложившуюся к концу 1916 г. обстановку на фронтах, с большим оптимизмом смотрел на исход войны и верил в скорую победу. «Война уже выиграна нашими союзниками, — заявил генерал корреспонденту английской газеты «Таймс», — хотя невозможно еще определить, сколько понадобится времени, чтобы убедить неприятеля, что дело, из-за которого он залил кровью Европу, безвозвратно потеряно»¹. Та же мысль прозвучала в беседе полководца с репортером другой английской газеты — «Дейли Кроникл»: «Победа держав Согласия обеспечена, война может окончиться в 1917 году»².

Но этим вполне реалистичным прогнозам не суждено было сбыться: наступал февраль 1917-го. Об этих днях Брусилов впоследствии писал в своих мемуарах: «в Став-

ке, куда уже вернулся Алексеев (Гурко принял опять «Особую» армию), а также в Петербурге было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и *уничтожившие и армию, которая была на фронте* (курсив наш. — С.Б.). Глухое брожение всех умов в тылу невольно отражалось на фронте, и можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия, — на одном фронте больше, на другом меньше, — была подготовлена к революции. Офицерский корпус, в это время также поколебался и, в общем, был крайне недоволен положением дел. Лично я был в полном недоумении, что из всего этого выйдет. Было ясно, что так продолжаться не может, но во что выльется это общее неудовлетворение — никак предугадать не мог... Вот при этой-то обстановке на фронте разразилась Февральская революция в Петрограде»³.

Перед отречением Николая II от престола начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев запросил главнокомандующих фронтами об их мнении по поводу создавшегося положения. Небезынтересно, что одним из первых высказался по этому поводу главнокомандующий Кавказской армией генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (Младший), отправив императору следующую телеграмму: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывалую роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасение династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего

Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте Ему — Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас»⁴.

Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А.А. Брусилов был более краток. Как он впоследствии вспоминал, «Алексеев просил меня и всех главкомандующих телеграфировать царю просьбу об отречении. Я ему ответил, что со своей стороны считаю эту меру необходимой и немедленно исполню»⁵. За отречение Николай II от престола высказались также главкомандующие армиями Северного, Западного и Румынского фронтов — генерал от инфантерии Н.В. Рузский, генерал от инфантерии А.Е. Эверт и помощник главкомандующего армиями Румынского фронта генерал от кавалерии В.В. Сахаров. 1 марта Николай II находился в Пскове, в штабе главкомандующего армиями Северного фронта. Там, после получения телеграмм от командующих фронтами, 2 марта, император отрекся от престола за себя и за своего сына Алексея. Трон передавался младшему брату царя, великому князю Михаилу Александровичу. Однако и он тоже после переговоров с общественными деятелями отказался от верховной власти, заявив, что согласен принять ее только по решению Всероссийского учредительного собрания. Подобные заявления написали и все другие члены царской фамилии, которые могли иметь право на престол в будущем. Таким образом, с монархией в России было покончено.

В столице страны Петрограде события развивались столь же стремительно, как и в действующей армии. Еще днем 27 февраля, после занятия восставшими резиденции Государственной думы — Таврического дворца, там был

организован Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а чуть позже — «Временный комитет Государственной думы для сношения с лицами и учреждениями». Это были зачатки новой правительственной системы. В ночь на 2 марта делегации обоих учреждений на переговорах согласовали состав правительства и его программу. Она включала ряд немедленных демократических преобразований и амнистии. В первоначальный состав Временного правительства вошли члены Государственной думы, а министром-председателем был избран князь Г.Е. Львов.

В действующей армии также произошла смена верховной власти. Одним из своих последних указов Николай II вновь назначил Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича (Младшего), занимавшего эту должность ранее, с 20 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. (до того как принял главнокомандование Кавказской армией). Вскоре великий князь покинул Тифлис, где находился штаб Кавказского фронта, и выехал в Ставку в Могилев для принятия дел. Начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев докладывал Временному правительству: «Назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывается с надеждой на более скорый и победоносный конец войны»⁶. Позже генералы А.А. Брусилов, А.И. Деникин и другие также отмечали в мемуарах, что назначение Верховным главнокомандующим Николая Николаевича (Младшего) было встречено офицерским корпусом с пониманием и надеждой.

Однако Временное правительство признало пребывание великого князя на посту Верховного главнокоман-

дующего нежелательным в связи «с негативным отношением народа к династии Романовых». В доверительном письме министр-председатель Временного правительства Г.Е. Львов писал Николаю Николаевичу (Младшему) по этому поводу: «Создавшееся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага Родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего»⁷. Это письмо нашло великого князя уже в Могилеве. Глубоко огорченный позицией Временного правительства, он тем не менее немедленно сдал командование начальнику штаба Ставки М.В. Алексееву, а затем отправил Временному правительству письмо, в котором писал: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась»⁸. Вскоре Николай Николаевич (Младший) покинул Ставку и уехал в Петроград, а 11 марта был уволен от службы.

Военный министр Временного правительства А.И. Гучков выдвинул на должность Верховного главнокомандующего кандидатуру начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М.В. Алексева. Но большинство членов правительства высказалось против, находя его неподходящим для такой должности (они предложили на этот пост А.А. Брусилова). Для решения этого вопроса Временное правительство прибегло к запросу по телеграфу мнения 18 командующих

фронтами и армиями о кандидатуре Алексева. Из них 13 генералов дали положительный отзыв, а 5 хотя и признали достоинства Алексева, но с разными оговорками. Наконец, 1 апреля Алексеев приказом Временного правительства был назначен Верховным главнокомандующим. Пост начальника штаба Ставки 5 апреля занял генерал-лейтенант А.И. Деникин, командовавший до этого 8-м армейским корпусом 9-й армии Румынского фронта.

К сожалению, подавляющее большинство высшего руководства действующей армии постигла та же судьба, что и Николая Николаевича (Младшего). Только в течение марта—апреля Временное правительство сместило с постов 4 из 5 главнокомандующих фронтами (кроме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилова) и 11 — из 14 командующих армиями. В целом же в марте—октябре в отставку были уволены 374 генерала, причем в первую очередь представители высшего армейского руководства. Так, из 225 полных генералов (от инфантерии, кавалерии и артиллерии), состоявших на службе к кануну Февральской революции, Временным правительством были уволены 68. В то же время присвоило оно это звание лишь 7 генералам⁹. Главным критерием оценки личности военачальника в тот момент стала политическая благонадежность, хотя нелишне напомнить, что присягу Временному правительству принял практически весь офицерский корпус. Исключение составили лишь немногие генералы и офицеры — например, командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал от кавалерии хан Г. Нахичеванский, командир 3-го кавалерийского корпуса генерал от кавалерии граф Ф.А. Келлер, командир 2-го конного Прибалтийского полка полковник Ф.В. Винберг.

Однако несмотря на почти поголовную преданность новой власти, Временное правительство направило на все фронты и в каждую армию своих комиссаров с целью контроля над командным составом. Кроме того, для поднятия собственного авторитета в глазах солдатских масс оно всемерно поддержало Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в вопросе о демократизации армии. Так, изданный 1 марта Исполнительным комитетом Петросовета знаменитый Приказ № 1 о создании солдатских комитетов в армии, положивший начало демократизации вооруженных сил, был полностью одобрен и поддержан Временным правительством. Он был принят 1 марта на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Петроградского совета по инициативе и при непосредственном участии солдатских депутатов. Выработала Приказ № 1 избранная Петроградским советом комиссия под председательством члена его исполкома Н.Д. Соколова.

Приказ № 1 узаконил стихийно возникшие солдатские комитеты (советы) в армии, установил, что воинские части во всех политических выступлениях подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и выборным солдатским (т.е. войсковым) комитетам. Приказы военной комиссии Государственной думы предписывалось выполнять, только если они не противоречили приказам и постановлениям Петроградского совета. Согласно Приказу № 1 оружие должно было находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Приказ наделял солдат гражданскими правами, ставил их в равное положение с офицерами вне службы и строя, воспрещал обращение на «ты», отменял титулование.

Действие приказа распространилось далеко за пределы столичного гарнизона. Он способствовал демократизации

армии и организации солдат в активную политическую силу, однако не отразил главного их требования — выборности командного состава. Впрочем, несмотря на отсутствие в Приказе № 1 такого пункта, солдаты многих частей сменили неугодных им офицеров, избрав на их должности тех, кто пользовался у них авторитетом. Принятый Петроградским советом 5 марта Приказ № 2 ограничивал действие Приказа № 1 Петроградским гарнизоном и не подтвердил безусловного права солдатских комитетов контролировать использование оружия. Но солдатские комитеты стали возникать явочным порядком в действующей армии, на флотах и в тыловых гарнизонах. Ротные, батальонные, полковые избирали на соответствующих общих собраниях, а бригадные, дивизионные, корпусные, армейские — на съездах.

Верховное главнокомандование, видя невозможность остановить распространение солдатских комитетов, попыталось поставить их под свой контроль. 10 марта Ставка Верховного главнокомандующего распорядилась ввести в их состав офицеров, чтобы через них направить это стихийное движение в организованное русло. Приказом Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М.В. Алексеева от 30 марта было введено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», устанавливавшее обязательное создание солдатских комитетов во всех подразделениях, частях, соединениях и объединениях от роты (батареи, команды, эскадрона, сотни) до Ставки и закреплявшее за офицерами $\frac{1}{3}$ мест в солдатских комитетах всех степеней. «Временное положение» ограничивало сферу деятельности солдатских комитетов решением хозяйственных и бытовых вопросов, культурно-просветительной работой. Военный

министр Временного правительства А.И. Гучков не менее известным приказом № 213 от 16 апреля ввел временное положение о комитетах, направлявшее их деятельность на урегулирование недоразумений между солдатами и офицерами. Приказ имел целью обеспечить каждому воину осуществление его гражданских и политических прав, расширил права солдатских комитетов, уменьшил в них число офицеров до $\frac{1}{3}$.

В мае завершилось создание системы солдатских организаций, начиная от ротных и кончая фронтовыми. Число солдатских комитетов различных степеней в действующей армии приближалось к 50 000, в них состояло до 300 000 членов. На всех флотах, флотилиях и кораблях также были созданы матросские комитеты. Сложилась система солдатских организаций и в тылу. Ее составляли полковые, бригадные, гарнизонные комитеты (солдатские секции местных советов или отдельные советы солдатских депутатов), солдатские секции областных и губернских советов, в ряде мест — военно-окружные комитеты. Состоявшееся 29 марта — 3 апреля в Петрограде Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов определило, что солдатские комитеты являются составной частью системы советов. Так на фронте, как и в тылу, установилось двоевластие.

Весной 1917 г. революционная эйфория охватила значительную часть российского общества, коснулась она и действующей армии. В научной литературе до сих пор господствует точка зрения о разделении армии после Февральской революции на два лагеря — революционеров и контрреволюционеров. Естественно, революционеры — это солдатская масса, а «контра» — офицерский корпус. Однако в действительности офицеры, особенно моло-

дые, главным образом прапорщики военного времени «из студентов», с восторгом встретили революцию. Именно из них первоначально состояло руководство солдатских комитетов, военных организаций партий меньшевиков и эсеров, комиссариаты Временного правительства на фронте. Генералитет же, как уже отмечалось, весьма спокойно встретил отречение Николая II и, за исключением нескольких генералов, присягнул на верность Временному правительству. В целом же и офицерский корпус, и генералитет остались на патриотических позициях и прилагали все усилия, чтобы довести войну до победного конца.

Солдаты же, в своей массе малограмотная сельская молодежь, особенно те, кто сравнительно недавно прибыл в действующую армию, слабо разбирались в быстроменяющейся политической обстановке и восприняли революцию как сигнал к вседозволенности. В результате дисциплина на фронте резко упала. К тому же солдатская масса легко поддавалась любой негативной пропаганде, особенно антивоенной, чем и воспользовались австро-германское командование и большевики. На фронте с небывалым доселе размахом развернулось братание наших солдат с противником¹⁰. Лишь меньшая их часть осталась в то время верна долгу и была готова защищать Отечество (фронтовики «со стажем», георгиевские кавалеры, солдаты-добровольцы). Таким образом, действующая армия разделилась не по политическому признаку сторонников и противников (их практически не было) революции, а на патриотов и, как тогда говорили, «шкурников».

Весной 1917 г., как уже упоминалось, началось массовое братание. Его широкому развертыванию способствовала и сложившаяся тогда на Восточно-Европейском теа-

тре военных действий обстановка. Руководство Германии и Австро-Венгрии после Февральской революции предписали своим вооруженным силам не предпринимать боевых действий на Восточном (Русском) фронте, но начать там широкую пропаганду, о чем подробно писал бывший в то время начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.И. Деникин: «Немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривалось: разведка наших сил и позиций; демонстрирование внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы»¹¹.

А.И. Деникина дополнил бывший тогда министром юстиции Временного правительства А.Ф. Керенский: «Расположения русских войск были засыпаны листовками с призывом к русским солдатам «замиряться с германскими братьями по другую сторону окопов...». Далее Керенский признавал, что четко организованная германская пропаганда давала хороший результат. Расчет противника был прост: «уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму, становилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, представители высшего российского сословия, выступают против него». Касаясь непосредственно вопро-

са братания, Керенский писал: «Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползать к русским «товарищам» и брататься с ними»¹².

А как реагировали на эти действия противника русские солдаты? «Сначала разбегались от окрика своего офицера, — вспоминал командующий 5-й армией Северного фронта генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, — затем приходилось пускаться в направлении братающихся один-два выстрела с соседней батареи, а под конец стало уже так, что хозяином положения на фронте оказалась пехотная масса; сохранившая же дисциплину артиллерия должна была во избежание нападения отгораживаться даже проволокой от своей же пехоты»¹³.

Австро-германское командование выражало удовлетворение ходом братания, так как оно мало задевало солдат их армий, на что наивно рассчитывали большевики¹⁴, но наносило непоправимый ущерб русским войскам на Восточном фронте. Так, за один лишь май 1917 г. только австро-венгерская разведка осуществила через братание с русскими солдатами 285 разведывательных контактов¹⁵. И все это происходило на глазах эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, фронтовых и армейских комиссаров Временного правительства и, конечно, командования. Безответственными выглядят на этом фоне заверения большевистской газеты «Правда», лидеров большевиков, например прапорщика Н.В. Крыленко, занимавшего в то время пост председателя армейского комитета 11-й армии Юго-Западного фронта, в том, что их партия не допустит использования братания для «выведывания военных тайн»¹⁶.

Здесь уместно привести цитату А.И. Деникина: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм

явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»¹⁷. Можно уточнить сказанное генералом: разлагаемом именно правящими партиями в лице Временного правительства и его комиссаров в действующей армии.

Вместо того чтобы укрепить пошатнувшуюся после Февральской революции дисциплину в армии, покончить с братанием и усилившимся дезертирством, Временное правительство по настоянию входивших в его состав лидеров партий эсеров и меньшевиков приняло в мае 1917 г. «Декларацию прав военнослужащих». Эта декларация, вслед за знаменитым Приказом № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, продолжила дело разложения Русской армии. Значительная часть ее положений вполне справедливо была направлена на защиту прав солдат: это и уравнивание военнослужащих в правах с гражданским населением, и закрепление за солдатами права свободно высказывать свои политические, религиозные и социальные взгляды. Однако положение о том, что военнослужащим разрешалось быть членом любой политической партии, прямо вовлекало солдатские массы в разгоравшуюся политическую борьбу в самой армии (разжигаемую большевиками), что, конечно же, не делало ее более сплоченной. Естественно, «Декларация прав военнослужащих» была отрицательно встречена командованием. По его мнению, она явилась «последним гвоздем, заколоченным в гроб русской армии»¹⁸. Но к голосу командования ни Временное правительство, ни его комиссары в действующей армии не прислушивались.

Единственным русским фронтом, которого в значительно меньшей степени коснулись «революционные вихри»,

был Кавказский. Братания здесь вообще не было (русские солдаты не хотели брататься с турецкими офицерами в солдатской форме, хотя последние с подачи их германских хозяев, пытались предпринять такие попытки), а дезертиров было гораздо меньше, чем на других фронтах. После того как великий князь Николай Николаевич (Младший) отбыл в Ставку в Могилев, вместо него главнокомандующим войсками Кавказского фронта был назначен генерал от инфантерии Н.Н. Юденич. Официально он продолжал оставаться на должности командующего Кавказской армией до 4 апреля.

Напомним, что на весну 1917 г. Юденичем были подготовлены две наступательные операции. Первая на Мосульском направлении, вторая — на левом фланге армии. На остальных направлениях он предложил Ставке Верховного главнокомандующего вести активную оборону. Этот план был одобрен. В конце января 1917 г. в Тифлис, где располагался штаб Кавказского фронта, прибыл представитель английского командования. Он высказал руководству фронта пожелания своего командования в ближайшее время оказать давление на фланг и тыл 6-й турецкой армии, находившейся в Персии. Идя навстречу просьбам союзников, русские войска в феврале перешли в наступление на багдадском и пенджвинском направлениях. 1-й Кавказский армейский корпус вышел к границам Месопотамии (Ирак), а 7-й Кавказский армейский — к Пенджвину. Используя успех русских войск, англичане уже в конце февраля заняли Багдад.

На следующий день после назначения на пост главнокомандующего войсками Кавказского фронта (3 марта) Юденичу пришлось принимать срочные меры по просьбе командира 1-го Кавказского кавалерийского корпуса

генерала от кавалерии Н.Н. Баратова, находившегося в Персии. Дело заключалось в том, что части корпуса, выдвинувшиеся в долину реки Дияла, испытывали острые затруднения в продовольствии. Английские союзники отказались помочь нашим войскам. Тогда по постановлению солдатского комитета корпуса был арестован прикомандированный к корпусу Баратова представитель английского военного атташе. К тому же и настроение в частях корпуса становилось все более неустойчивым, а также приближался сезон тропической жары. Юденич принял решение прекратить наступление и с 6 марта перейти к позиционной обороне. Одновременно с корпусом Баратова приказом Юденича прекращали наступление находившиеся в Персии 1-й и 7-й Кавказские армейские корпуса. Они отводились в районы с лучшим базированием.

Такие действия главнокомандующего войсками Кавказского фронта негативно встретило Временное правительство. Из Петрограда последовало несколько телеграмм с требованием возобновить наступление в Персии. Глубоко убежденный в обоснованности принятого решения, Юденич отправил Временному правительству аргументированный доклад о положении дел на Кавказском фронте и возможных перспективах вверенных ему войск. Реакция правительства была незамедлительной. Генерала обвинили в том, что он «игнорировал требования момента» и ничего не предпринял для «решительного наступления революционной армии». 25 апреля Юденич был отстранен от должности главнокомандующего войсками Кавказского фронта, как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства», и вызван в Петроград¹⁹, а на его место назначен генерал от инфантерии М.А. Пржевальский. Однако и он уже не мог ничего поделать — волна антивоенных

настроений достигла Кавказского фронта. В сложившейся ситуации новый главком также решил перейти к обороне и не вести активных боевых действий.

ПОПЫТКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АКТИВИЗИРОВАТЬ ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПРОВАЛ ИЮньСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Невзирая на создавшуюся в России чрезвычайно сложную политическую ситуацию, союзники по Антанте настойчиво требовали от нее выполнения данных ранее обязательств — начать крупные наступательные операции в течение апреля. Но русскому верховному командованию при определении даты начала и места наступления в тот период приходилось больше всего считаться именно с антивоенными настроениями солдатской массы. Участники проходившего в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве 1 мая совещания главнокомандующих армиями фронтов, признавая необходимость наступления, были вынуждены констатировать, что в настоящее время действующая армия не готова вести успешные крупномасштабные боевые действия. По убеждению большинства участников совещания провести наступление в лучшем случае можно будет не ранее середины июня. При этом генералы исходили не только из неудовлетворительного морально-политического состояния русской армии, но также из недостаточной подготовленности войск в материально-техническом отношении. В ряде выступлений отмечалось, что если бы в армии и сохранялся наступательный дух, то все равно недостаток продовольствия, фуража, конского состава исключил бы возможность успешного наступления. Участники совещания прекрасно понимали, что ни

они сами, ни Временное правительство в существующем составе не смогут подготовить солдатские массы к наступлению без помощи наиболее популярных в тогдашнем российском обществе партий эсеров и меньшевиков. Главнокомандующие фронтами исходили из того, что представители этих социалистических партий, несмотря на заверения о «мире без аннексий и контрибуций», фактически поддерживали политику продолжения войны. Учитывая это чрезвычайно важное обстоятельство, участники совещания высказались за необходимость создания коалиционного правительства с участием эсеров и меньшевиков, надеясь с помощью министров-социалистов и используя их сильное влияние в солдатской среде, двинуть русскую армию в наступление.

Временное правительство прислушалось к мнению авторитетных генералов. В опубликованной 6 мая декларации уже коалиционного Временного правительства наряду с обещанием скорейшего достижения «всеобщего мира без аннексий и контрибуций» указывалось: важнейшей задачей верховной власти является укрепление боевой мощи Русской армии «как в оборонительных, так и в наступательных действиях». Вместо октябриста А.И. Гучкова военным и морским министром был назначен эсер А.Ф. Керенский.

После майского совещания в действующей армии началась усиленная агитационная подготовка к наступлению, в ходе которой большое место отводилось морально-политической работе среди солдатских масс. По всем фронтам разъезжали представители правящих партий, пытавшихся своими зажигательными речами убедить солдатские массы перейти в последнее мощное наступление и «сокрушить германский милитаризм». Пожалуй, глав-

ную роль в этой агитационной кампании сыграл новый военный и морской министр Керенский. Так, уже 12 мая он прибыл в Каменец-Подольский, где находился штаб Юго-Западного фронта, и выступил с агитационной речью на проходившем там фронтовом съезде (7—20 мая). Подчеркнем, что именно Юго-Западному фронту отводилась главная роль в готовящемся наступлении.

Необходимо отметить, что в период работы этого съезда была создана инициативная группа военнослужащих Юго-Западного фронта, которая 13 мая обратилась к главнокомандующему армиями этого фронта генералу от кавалерии А.А. Брусилову и А.Ф. Керенскому с заявлением о необходимости формирования «особых ударных революционных батальонов» из добровольцев. Цель их создания — влить в армию веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов, «чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся»²⁰. «Вполне сочувствуя этой идее, — писал в приказе Брусилов, — я и спросил у военного министра Керенского согласие на формирование революционных батальонов»²¹. Ободренный поддержкой военного и морского министра, генерал в тот же день пригласил его на смотр одной из первых «ударных частей», созданных на Юго-Западном фронте в 7-й армии, в местечке Бучач, где располагался штаб армии. Керенский остался весьма доволен и самой идеей и бравым видом бойцов. Так было положено начало созданию добровольческих воинских формирований в русской армии²².

Вскоре вопрос о создании добровольческих ударных частей по предложению Брусилова включили в повестку дня продолжавшего работу съезда Юго-Западного фронта.

И уже 16 мая в телеграмме, отправленной в Ставку Верховного главнокомандующего, Военное министерство и Петроградский совет, генерал торжественно сообщал: съезд, «обсудив предложение инициативной группы революционных солдат и офицеров фронта, к которой всецело присоединилась делегация Черного моря (Черноморского флота. — С.Б.), нашел необходимым для усиления мощного и революционного духа армии, для защиты свободы и закрепления завоеваний революции, от успеха которой зависит свобода демократии не только России, но и всего мира, пополнить армию добровольческими революционными батальонами для образования ударных групп. В полной мере сочувствуя идее такого формирования, — писал он далее, — я утвердил исполнительный комитет группы и ходатайство о разрешении немедленно приступить к вербовке волонтеров»²³.

В тот же день Брусилов отправил вторую телеграмму лично Верховному главнокомандующему генералу от инфантерии М.В. Алексееву: «Для поднятия наступательного настроения армии и морального впечатления весьма желательно скорейшее появление на фронте первых революционных батальонов, что возможно при условии Вами срочно начать вербовку волонтеров в военно-учебных заведениях, во флоте и крепостях Черного моря с указанием, какой процент состава военных училищ, школ прапорщиков и частей Черного моря можно вербовать». И далее извещал Главковерха: в Ставку в Могилев, накануне (15 мая) выехали делегаты съезда полковник Яснаков и черноморский матрос А. Баткин, которые «доложат Вам подробно идею создания революционной армии, изложенную в (вышеприведенной. — С.Б.) телеграмме»²⁴.

Кроме того, генерал телеграммой известил о решении съезда военного и морского министра, а также просил его

отдать «распоряжения всем воинским начальникам по предложению местных советов депутатов немедленно отправлять волонтеров одиночным порядком или группами в указанный вербовочный карточный пункт при условии предъявления ими этих вербовочных карточек исполнительного комитета по формированию революционных батальонов тыла»²⁵. Керенский, все еще находившийся в те дни на Юго-Западном фронте, подтвердил свое согласие и отправил в Военное министерство телеграмму с распоряжением приступить к созданию ударных частей²⁶.

И если военный министр всецело поддержал начинание Брусилова, то Верховный главнокомандующий в ответной телеграмме, отправленной ему лично из Ставки 18 мая, высказал известный скептицизм и даже серьезные возражения. «Совершенно не разделяю надежд Ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной меры. — писал Алексеев. — **Разрешаю только потому, что Вы эту мысль поддерживаете** (выделено нами. — С.Б.). Военно-учебные заведения мне не подчинены, и разрешить в них вербовку не могу, на это нужно согласие и распоряжение военмина (т.е. Керенского, который согласие уже дал. — С.Б.), которому телеграфирую, но считаю, что мы не имеем права расходовать в качестве рядовой силы наших будущих офицеров, пополнение коих становится все труднее. Вербовка из состава Черноморского флота парализует флот, ибо судовые команды не имеют штатного состава. Разрушение морской силы допустить не могу, запрашиваю, однако, адмирала Колчака (командующего Черноморским флотом. — С.Б.), какое число он мог бы выделить... Что касается крепостей Черного моря, то от туда можно извлекать элементы только из крепостной ар-

тиллерии и небольшого числа инженерных рот. Пехота состоит исключительно из ополчения, которое придется кем-либо пополнить, ибо наличных людей едва хватает для гарнизонной службы».

В то же время Главковерх обещал Брусилову просить военмина «разрешить вести широкую агитацию и вызов охотников (т.е. добровольцев. — С.Б.) в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно Москвы с тем, чтобы составленные батальоны спешно отправлялись в Ваше распоряжение». И в заключение Алексеев советовал генералу «сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не рассчитывая широко на спасение извне. Все, что может дать страна, придет не так скоро. Эти, быть может, и воодушевленные элементы нужно еще спаять, обучить. Выражаю свое мнение, что в недрах [Юго-Западного] фронта... можно найти материал на 12 батальонов, если только от такого числа зависит общее спасение»²⁷.

Уже через день, 20 мая, Брусилов, несмотря на прохладное послание Алексева, восторженно отвечал ему: «мероприятия для создания ударных групп на фронте армий уже проводятся мной в широких размерах в полном контакте с фронтовым съездом делегатов армий, причем я лично имею данные рассчитывать на успех. Я поддерживаю мысль о формировании также ударных революционных батальонов в тылу, потому что считаю полезным все, что клонится к поднятию настроения и будит лучшие чувства в тылу и на фронте в нынешний решающий час». Далее генерал обещал Главковерху: «части Черноморской дивизии и волонтеры Черноморского флота будут ядром и головой формируемых батальонов, успех набора которых, конечно, зависит от подъема духа и агитации в этом

направлении в тылу». В заключение Брусилов извещал о ближайших своих действиях: «Сейчас, согласно Вашему разрешению, отдаю предварительные технические распоряжения о формировании в первую очередь 12 батальонов... Местом формирования мною избран район южнее Проскурова при 290-м пехотном запасном полку»²⁸. Вскоре во исполнение распоряжения Брусилова там скомплектовали 14 ударных батальонов, из которых 7 направили на передовые позиции²⁹.

Однако на следующий день, 21 мая, в ответной телеграмме Верховный главнокомандующий снова выразил сомнения в целесообразности создания таких частей. Особенно его насторожила мысль генерала о «формировании ударных революционных батальонов в тылу»³⁰. В достаточно жесткой форме Алексеев возражал: «Сбор [в] тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла Ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования»³¹.

К счастью для Брусилова, это была последняя телеграмма его непосредственного начальника, ставившая «палки в колеса» его патриотическому начинанию. 22 мая приказом Временного правительства армии и флоту Алексеева сместили с поста Верховного главнокомандующего и вместо него назначили Брусилова (как раз в годовщину победоносного Брусиловского прорыва)³². Еще не зная об этом, Брусилов утром 22 мая издал приказ № 561 по армиям Юго-Западного фронта (полностью игнорировавший телеграмму Алексеева): «Утверждаю при штабе [Юго-Западного] фронта «Исполнительный комитет по формированию революционных батальонов тыла» в составе

членов-инициаторов: солдата 46-го саперного батальона Белкина, капитана 21-й автомобильной роты Муравьева, матроса Черноморского флота Кривоконь, подполковника Генерального штаба Манакина, солдата Севастопольского гарнизона Тюпина, подпоручика 46-го саперного батальона Данаусова, прапорщика Севастопольского гарнизона Аристов, подпрапорщика того же гарнизона Хандобина, кондуктора того же флота Булычева и рабочего Севастопольского порта Черникова»³³. Почин был положен.

Став Верховным главнокомандующим, А.А. Брусилов распространил это патриотическое движение на другие фронты. Особенно горячо оно было поддержано Западным фронтом, которым в то время командовал генерал-лейтенант А.И. Деникин. Отметим, что поначалу такие добровольческие части не имели единого названия («ударные батальоны», «батальоны смерти», «дружины смерти» и так далее). Вместо кокарды на фуражках они носили изображение черепа («Адамовой головы»). Тот же череп со скрепленными костями стали изображать на их знаменах.

Тогда же родилась еще одна патриотическая идея — создать женские ударные батальоны. Ее выдвинула старший унтер-офицер М.Л. Бочкарева. Напомним: в 1914 г. она с высочайшего разрешения императора Николая II (женщинам было запрещено служить в армии) пошла рядовым на фронт, четырежды была ранена, стала полным георгиевским кавалером. 1 мая 1917 г. председатель Государственной думы М.В. Родзянко, находясь в агитационной поездке на Западном фронте, узнал об этой необыкновенной женщине. «Родзянко пожелал меня увидеть лично, — вспоминала впоследствии Бочкарева, — я подошла к нему, и он меня поцеловал и приказал сшить для меня новое обмундирование и отправить меня в Петроград»³⁴.

В столице Родзянко представил ее солдатским делегатам, собравшимся на сессии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце.

Там Бочкарева впервые выступила с идеей создать женский добровольческий батальон смерти. Затем доложила свой проект на заседании Временного правительства, на котором присутствовал А.Ф. Керенский. «Мне сказали, что моя идея великолепная, — писала она, — но нужно доложить Верховному главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним. Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова... Брусилов в кабинете мне говорил, что надеетесь ли вы на женщин и что формирование женского батальона является первым в мире. Не могут ли женщины осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я и сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не осрамит России... Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона»³⁵.

М.Л. Бочкарева с честью выполнила обещание, данное ею Верховному главнокомандующему. В мае-июне она сформировала в Петрограде женский ударный батальон. А 22 июня ему устроили пышные проводы на фронт: вручили боевое знамя с надписью «1-я женская военная команда смерти Марии Бочкаревой», командующий в то время 8-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов от имени фронтового командования преподнес Бочкаревой именной револьвер и шашку с золотым эфесом, а военный и морской министр А.Ф. Керенский зачитал приказ о производстве её в прапорщики.

Почин был дружно подхвачен женщинами России. Уже в июне явочным порядком были сформированы жен-

ские батальоны в Саратове, Мариуполе, Баку, Екатеринбурге, Киеве, Ташкенте и других городах. А после того как 29 июня Военное министерство утвердило положение «О формировании войсковых частей из женщин-добровольцев», женское военное движение, начатое М.Л. Бочкаревой с благословения Брусилова приняло поистине всероссийский размах.

3 июня в Петрограде на организационном заседании делегация Черноморского флота (отправленная в столицу Брусиловым) совместно с представителями Всероссийского союза георгиевских кавалеров, союза казачьих войск и Военного союза личного примера создали Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии, известный также как Всероссийский центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла. Его председателем избрали капитана М.А. Муравьева³⁶.

В выпущенном вскоре воззвании исполком призывал граждан России вступить в ряды добровольцев: «Для усиления боевой мощи и поднятия революционно-наступательного порыва армии во имя защиты свободы, закрепления завоеваний революции, от чего зависит свобода демократии не только России, но всего мира, приступлено к формированию добровольческой революционной армии, батальоны которой вместе с доблестными нашими полками ринутся на германские баррикады во имя скорого мира без аннексий, контрибуций, на началах самоопределения народов. Граждане! Настал час спасти Отечество... Все, кому дороги судьбы Родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины, юнкера, студенты, офицеры, чиновники, идите к нам под красные

знамена добровольческих батальонов. Записывайтесь в организационное бюро Всероссийского центрального комитета по созданию Добровольческой армии»³⁷.

Согласно выработанной на организационном заседании инструкции набор добровольцев возлагался на специальные областные комитеты и отделы. Комитет учредил также должности комиссаров для вербовки добровольцев на местах. Вскоре началось формирование ударных батальонов тыла. Основным источником их комплектования стали учащиеся, рабочие, интеллигенция и другие категории населения, не подлежащие призыву или еще не призванные в армию, в возрасте не моложе 17 лет. Запись их вели в запасных полках военных округов, тыловых частях и соединениях, обслуживающих действующую армию. Помимо этого, разрешалась вербовка добровольцев в военно-учебных заведениях. Командный состав батальонов укомплектовывался тоже офицерами-добровольцами, состоявшими в резерве при штабах военных округов или служившими в тыловых частях.

Брусилов горячо приветствовал создание Всероссийского центрального комитета по созданию Добровольческой армии. Но, как известно, действующая армия подчинялась непосредственно Верховному главнокомандующему, поэтому деятельность комиссаров по вербовке во фронтовой полосе была бы сильно осложнена. Чтобы устранить это препятствие, Брусилов 13 июня издал приказ № 439: «признавая организацию добровольческих батальонов крайне полезной для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и в России, дабы показать армии, что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир, предлагаю при всех штабах фронтов организовать комитеты по

формированию революционных батальонов по типу и с полномочиями комитета при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (имеется в виду Брусиловский приказ № 561 по армиям Юго-Западного фронта от 22 мая 1917 г. — С.Б.). При Ставке мною утверждается Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов. От всех начальствующих лиц ожидаю широкого содействия в деле формирования революционных батальонов и предоставляю главнокомандующим армиями фронтов видоизменить в деталях план формирования по представлению комитетов в соответствии с местными условиями. Настоящим планом, как более полным, заменяется первое издание плана, утвержденного мною 23 мая сего года для Юго-Западного фронта, по которому начата вербовка волонтеров»³⁸.

Председателем Центрального исполнительного комитета по формированию революционных батальонов Брусилов утвердил подполковника В.К. Манакина, членами комитета — подпрапорщика И. Хандобина, капитана 2-го ранга Тихменева, подполковника Добродеева и корнета М. Куракина³⁹. Таким образом, добровольческое движение получило второй крупный организационный центр, став всероссийским.

Кроме того, Брусилов предложил Временному правительству сохранить добровольцам, ушедшим в ударные батальоны с государственной службы, их должности и оклад, а учащимся, в том числе студентам, гарантировать возвращение в учебные заведения, добровольцам же из военно-учебных заведений — досрочное производство в офицеры за отличие в боях. Такая забота о будущем бойцов ударных батальонов, несомненно, повышала их приток.

Интенсивность процесса создания ударных батальонов в тылу и действующей армии поначалу порождала известный параллелизм и путаницу. Поэтому Брусилов издал 27 июня приказ № 547, в котором разъяснял разницу между фронтовыми и тыловыми ударными батальонами: «1. Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников (т.е. добровольцев. — С.Б.) данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка. В пехотном полку формируется от одной роты до батальона, за исключением тех случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью». Они, согласно брусиловскому приказу, оставались «в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения... долга для остальной части полка, и идти на штурм во главе своего полка». В ряде случаев такие роты сводились в батальоны при своих дивизиях. «2. Революционные же батальоны» формировались из добровольцев, учащих военно-учебных заведений, солдат запасных полков и других тыловых частей военных округов и фронтов, и их не следует смешивать с ударными частями, создаваемыми непосредственно в действующей армии⁴⁰.

Спустя месяц, 8 июля, Верховным главнокомандующим А.А. Брусиловым был издан приказ о создании добровольческих подразделений непосредственно в частях и соединениях действующей армии. Согласно приказу в каждом полку формировались роты ударников, которые затем сводились в батальоны, входившие в состав своих дивизий. Одновременно с приказом генерал разослал главнокомандующим фронтами письмо, где обосновал необходимость создания таких частей в действующей армии: «Большевизм сделал свое дело, и армия, в значи-

тельной своей части отравленная ядом этой пропаганды, не только не спасает свободу, но, оставаясь непасомым стадом, погубит ее. Настало время действовать энергично и приложить все усилия, дабы сберечь армию и довести до Учредительного собрания что-либо стройное, а не банду вооруженных людей»⁴¹.

Вскоре, 15 июля последовал очередной приказ А.А. Брусилова, согласно которому к «частям смерти с почетным правом умереть за Родину» причислялись четыре корпуса (2-й гвардейский, Гвардейский кавалерийский, 6-й и 7-й кавалерийские), пять дивизий (4, 35, 155-я пехотные, 6-я Сибирская стрелковая и 7-я кавалерийская), а также 33 различные воинские части: полки, артиллерийские бригады и отдельные артиллерийские дивизионы, ряд рот, батарей, эскадронов и команд⁴².

В течение июня—июля Всероссийский центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла организовал около 80 вербовочных пунктов, через которые в действующую армию за вышеуказанный период поступило около 40 тысяч человек. Из них в дальнейшем создали 2 ударных полка и свыше 50 батальонов смерти.

Однако для семимиллионной действующей армии это была «капля в море». На фронте господствовали «шкурные» настроения. Здесь с каждым днем увеличивалось число антивоенных выступлений. И если в марте—апреле солдатские массы стихийно боролись с выдвинутым Временным правительством лозунгом «Война до победного конца», то уже в период непосредственной подготовки летнего наступления в мае — начале июня командование все чаще сталкивалось с организованными сознательными отказами солдат идти в предстоящее наступление.

Между тем обещание, данное Временным правительством союзникам, надо было выполнять, и несмотря на мощное антивоенное солдатское движение, русское верховное командование усиленно готовилось к предстоящему наступлению. 4 июня Верховный главнокомандующий А.А. Брусилов отправил главнокомандующим фронтами телеграмму, в которой определялись сроки наступления: для Юго-Западного фронта — 14 июня, Западного — 22 июня, Северного и Румынского — 1 июля. По плану Брусилова, главный удар должны были нанести армии Юго-Западного фронта. В связи с этим его главнокомандующий генерал-лейтенант А.Е. Гутор поставил перед армиями фронта задачи: 11-й (командующий генерал от инфантерии И.И. Федотов) и 7-й (командующий генерал-лейтенант Л.Н. Белькович) армиям прорвать фронт и развивать наступление на Львов, 8-й армии (командующий генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов) наносить вспомогательный удар в направлении на Калуш, Болехов. А Особой армии (командующий генерал от инфантерии П.С. Балугев) — сковать активными действиями противника и противодействовать ему, перебрасывая войска в район главного удара. На участках прорыва создавалось превосходство над противником в живой силе в три раза и в артиллерии в два раза.

Таким образом, создав достаточно мощную группировку войск на Юго-Западном фронте, А.А. Брусилов стремился как можно быстрее начать наступление. Однако оно было отложено на четыре дня в связи с тем, что находившийся в очередной раз на Юго-Западном фронте военный и морской министр А.Ф. Керенский решил объехать войска и поднять их наступательный дух. «Весь день 17 июня, — писал впоследствии Керенский, — я

провел, объезжая полки, которые готовились на рассвете следующего дня начать наступление. Утром 18 июня над всей линией фронта воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Такую атмосферу можно ощущать в российских деревнях в канун пасхальной Всенощной. Мы поднялись на наблюдательный пункт, расположенный на одном из холмов, идущих вдоль нашей передовой линии. Воздух сотрясался от залпов тяжелых орудий, над головами с пронзительным воем проносились снаряды... Вдруг наступила мертвая тишина: настал час наступления. На мгновение нас охватил дикий страх: а вдруг солдаты не захотят пойти в бой? И тут мы увидели первые линии пехотинцев, с винтовками наперевес атаковавших первую линию немецких окопов»⁴³.

Начавшееся 18 июня наступление 11-й и 7-й армий, наносивших наиболее мощный главный удар на Львов на участке Поморжаны—Бережаны, развивалось очень медленно. Но 23 июня в наступление перешла 8-я армия Л.Г. Корнилова, наносившая вспомогательный удар с фронта Галич—Станислав на Калуш и Болехов. Войска Корнилова (до 10 дивизий) в течение 23—24 июня прорвали оборону противника на всю тактическую глубину, захватив при этом более 7 тыс. пленных и 48 орудий. В последующем, развивая успех, 8-я армия взяла города Калуш и Галич и к концу июня вышла на реку Ломница. Здесь необходимо отметить, что за эти успешные боевые действия приказом Временного правительства от 27 июня Корнилов был произведен в чин генерала от инфантерии, а вскоре, 7 июля, назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Однако, не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества боеприпасов, войска 8-й армии

вынуждены были приостановить продвижение. В целом же за 12 дней боев войска Юго-Западного фронта взяли в плен 800 офицеров и около 36 тыс. солдат неприятеля, захватили 127 орудий и минометов, свыше 400 пулеметов и другое военное имущество.

Пользуясь затишьем на Западном (французском) фронте, противник перебросил на Юго-Западный фронт 3 австро-венгерские и 13 германских дивизий. 6 июля австро-германские войска перешли в контрнаступление, нанося главный удар вдоль железной дороги Львов—Тарнополь. Первоначально развитый тактический успех армий Юго-Западного фронта сменился беспорядочным (главным образом из-за падения воинской дисциплины) отходом, что грозило прорывом всего этого фронта. Новый главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Л.Г. Корнилов увидел выход из стремительно развивающейся катастрофы в планомерном отступлении войск фронта. Сначала отошла 11-я армия, где было наиболее угрожающее положение, а затем — 7-я и 8-я армии. Во время отхода Корнилов в очередной раз проявил сильную волю и высокие организаторские способности. Отход прекратился лишь к 15 июля на рубеже Броды — Збараж — Гримайлов — река Збруч — река Серет. Установленный Корниловым рубеж и стал впоследствии новой линией фронта. Кроме того, генерал точно предопределил направление главного удара противника, что спасло войска 7-й и 8-й армий от разгрома.

Необходимо отметить, что и в этой не приведшей к победе операции многие солдаты и офицеры шли на самоотверженные поступки. Напомним лишь об одном из них. Его совершил командир 7-го авиационного отряда истребителей 7-й армии корнет Ю.В. Гильшер. Он окончил

Военную авиационную школу в городе Гатчина. С 1916 г. находился в действующей армии, где во время одного из полетов потерпел аварию и лишился ноги. Однако после лечения вернулся на фронт, где продолжал принимать участие в воздушных боях, из которых не раз выходил победителем. За проявленную храбрость он был награжден рядом орденов, в том числе Святого Георгия 4-й степени. Отличился отважный летчик и в воздушных боях в период Июньского наступления. 4 июля он один вступил в поединок с технически более совершенным двухместным неприятельским самолетом. Знали бы вражеские летчики, что против них двоих вышел инвалид, да еще на латаном-перелатаном легком истребителе! В этом неравном бою Гильшер одержал победу. За этот подвиг он был представлен к высокой награде — Георгиевскому оружию. Вечером 7 июля над аэродромом 7-го авиаотряда, находившимся недалеко от города Бучач, пролетело 8 самолетов противника в направлении на Тарнополь, где находился крупный железнодорожный узел, где образовалось большое скопление санитарных поездов с ранеными в ходе наступления русскими солдатами. Чтобы помешать неприятелю провести бомбардировку узла, Гильшер, прапорщик В. Янченко и поручик Макиенок подняли свои самолеты в воздух и полетели догонять противника, которого настигли уже вблизи Тарнополя. Но тут сзади показалось еще восемь вражеских самолетов. Наши летчики оказались в окружении 16 самолетов противника. Но отважные асы не стали прорываться из окружения, а смело вступили в воздушный бой. Вскоре Гильшер сбил один вражеский самолет, затем подошел снизу к другому и открыл огонь. Атакованный в это время сверху сразу несколькими самолетами противника, самолет Гильшера был буквально

разорван на части. Тело героя было извлечено из-под обломков и отправлено в его авиаотряд. Здесь, недалеко от аэродрома в городе Бучач, он был и похоронен. Как реквием герою, звучат слова из приказа по 7-му авиаотряду истребителей: «Вступив в бой, несмотря на значительный перевес противника, доблестный командир отряда был сбит, будучи атакован несколькими неприятельскими самолетами сразу. Да послужит всем боевым орлам этот святой героический подвиг военного летчика корнета Гильшера, как пример безграничной преданности Родине и безупречного выполнения своего долга»⁴⁴.

С Июньским наступлением по общему плану были связаны вспомогательные удары на Вильно 5-й армии Северного фронта у Двинска и 10-й армии Западного фронта у Крево, проведенные в середине июля.

8 июля на участке 5-й армии (командующий генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов) рано утром началась артиллерийская подготовка. Перед ударной группой, сформированной из нескольких частей 1, 13, 14-го армейских корпусов и одной дивизии 37-го, ставилась задача нанести германцам удар на фронте озеро Медум — озеро Скирна с целью захватить их главную укрепленную полосу. Затем, взаимодействуя с войсками соседней 10-й армии Западного фронта, надо было наступать в направлении железной дороги Двинск—Вильно. Соседней, правофланговой 12-й, армии Северного фронта предстояло поддержать боевые действия 5-й армии. После окончания артподготовки на правом фланге 5-й армии перешли в наступление три пехотные дивизии — 24, 36 и 182-я 1-го и 13-го армейских корпусов. Они прорвали укрепления противника, но, не имея резервов и поддержки с тыла, развить наступление не смогли. Не лучше было положение и на левом фланге

армии в районе озера Дрисвяты, где наступали части 14-го армейского корпуса в составе 18, 70 и 120-й пехотных дивизий. Лишь одна из них — 70-я — прорвала сильно укрепленную оборону немцев, но, не сумев закрепить успеха, 10 июля отошла на исходные позиции. В итоге трехдневных боев потери 5-й армии составили более 12 тыс. убитых и раненых. При таких многочисленных потерях во время наступления было взято в плен всего около 200 немецких солдат. 15 июля командующий 5-й армией генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов в приказе отмечал, что причина неудачи наступления — отсутствие порыва пехоты, явившееся результатом «злостной пропаганды большевиков» и общего длительного разложения армии⁴⁵.

Одновременно с 5-й армией Северного фронта в наступление перешла 10-я армия (командующий генерал-лейтенант П.Н. Ломновский) соседнего Западного фронта, также не добившаяся военного успеха. Здесь, пожалуй, стоит рассказать об участии в этом наступлении женского батальона прапорщика М.Л. Бочкаревой. 27 июня 200 его бойцов прибыли из Петрограда на Западный фронт, в район города Молодечно, где сначала были размещены в тыловом районе 1-го Сибирского армейского корпуса, входившего в состав 10-й армии. 7 июля 525-й Кюрюк-Дарьинский пехотный полк (132-я пехотная дивизия) получил приказ выдвинуться на позиции в местечко Крево. Входивший в его состав женский батальон Бочкаревой расположился на правом фланге полка. В течение двух суток (9 и 10 июля) полк отразил 14 атак противника и, несмотря на сильный пулеметный огонь, несколько раз переходил в контратаки. В этих кровопролитных боях участвовали 170 женщин-добровольцев. Полковник В.И. Закржевский, в подчинении которого они находились, писал

в донесении: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами. При атаке немцев по своему почину бросился как один в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии»⁴⁶. Отметим, что сама М.Л. Бочкарева была в этих боях ранена (в пятый раз) и отправлена в госпиталь. После полуторамесячного лечения вернулась на фронт в свой батальон. За проявленный героизм она была произведена в поручики.

С Июньским наступлением была также связана и совместная операция русских и румынских армий на Румынском фронте (помощник главнокомандующего армиями фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев. Главнокомандующим номинально числился король Румынии Фердинанд I), вошедшая в историю как Мэрэшештское сражение. 11 июля русско-румынские войска начали наступление в районе Мэрэшешти. Поначалу оно развивалось успешно, но 24 июля австро-германское командование осуществило операцию по нанесению ответного удара у Мэрэшешти, а через два дня — у села Ойтуз, рассчитывая захватить еще не оккупированную противником часть Румынии и затем прорваться на территорию России. Однако в результате упорных боев австро-германские войска вынуждены были отступить, понеся значительные потери.

Общая численность потерь на всех четырех задействованных в Июньском наступлении русских фронтах составила свыше 150 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Самые большие потери — 132 тыс. чело-

век — понес Юго-Западный фронт, где наносился главный удар. Однако несмотря на неудачный исход Июньского наступления, действия русских войск в тот период явились серьезным испытанием для противника. Немецкий генерал пехоты Э. Людендорф, бывший в то время начальником штаба Главнокомандующего на Востоке, в мемуарах так оценивал тогдашнюю ситуацию на Восточно-Европейском театре военных действий: «Когда теперь я мысленно прикраиваю июльские успехи на апрель или май (время наступления союзников на Западном (Французском) фронте. — С.Б.), то я с трудом себе представляю, как бы верховное командование вышло из создавшегося положения»⁴⁷. Генерал четко указывал на одну из важных причин неудачи Июньского наступления — оно не получило развития из-за отсутствия поддержки со стороны союзников, но главной же причиной его неудачи считал нежелание русских солдат продолжать войну⁴⁸.

16 июля в Ставке в Могилеве состоялось совещание, посвященное неутешительным итогам прошедшего наступления. На нем присутствовал морской и военный министр А.Ф. Керенский, крайне недовольный результатом операции, на которую возлагал большие надежды. Верховный же главнокомандующий А.А. Брусилов в своем выступлении в резких тонах говорил о необходимости введения железной дисциплины на фронте, настаивал на существенном ограничении прав солдатских комитетов и тому подобное. Керенский не выдержал, прервал выступление Брусилова и произнес короткую речь, в конце которой заявил: «кто не может примириться с новым порядком, пусть не насилует себя и пусть уходит»⁴⁹. Совещание закончилось поздно ночью. Керенский сразу же уехал в Петроград. Через три дня, 19 июля, Брусилов получил

короткую телеграмму: «Временное правительство постановило назначить вас в свое распоряжение. Верховным главнокомандующим назначен ген. Корнилов»⁵⁰.

Меньше чем за две недели генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов сделал поистине головокружительную карьеру: от командующего армией до Верховного главнокомандующего. Сразу же после утверждения в должности он энергично взялся за дело спасения армии от развала. Уже через неделю после прибытия в Ставку в Могилев, он изложил на совещании свою «Военно-политическую программу», в которой, кстати, далеко выходил за рамки полномочий, очерченных статусом Верховного главнокомандующего, и смело вторгся в политическую сферу. В ней содержались политические претензии общегосударственного характера и требования резкой перемены правительственного курса. В те дни Л.Г. Корнилов наедине заявил своему соратнику и единомышленнику А.И. Деникину, бывшему тогда главнокомандующим армиями Западного фронта генерал-лейтенанту: «Нужно бороться, иначе страна погибнет. Предлагают мне войти в состав правительства. Ну нет! Эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу»⁵¹.

На Л.Г. Корнилова стали возлагать надежды не только либеральная интеллигенция, но крупные промышленники и вообще все политические силы, стоявшие правее Временного правительства. Они стали смотреть на генерала как на лидера зарождавшегося Белого движения. Видя усиление этих настроений, глава Временного правительства А.Ф. Керенский попытался перехватить инициативу, созвав Государственное совещание с участием умеренно правых и умеренно левых политических деятелей. Оно со-

стоялось в Москве 12—15 августа. На совещании Керенский пытался выступить в роли объединителя центристских сил, однако оказалось, что самой заметной фигурой среди присутствующих стал не он, а Корнилов, которого восторженно приветствовала публика, буквально нося его на руках. Московское государственное совещание показало, что противники левых сил готовы к консолидации и решительным действиям. Кроме того, у них появился лидер. Следует отметить, что Корнилов не только произносил речи о необходимости наведения порядка в стране и армии, но и действовал в этом направлении. Так, в день открытия Государственного совещания он подписал приказ о создании Георгиевских запасных полков (из георгиевских кавалеров) — личной гвардии Верховного главнокомандующего. Правда, был создан всего один такой полк, названный Корниловским.

Наставшее после Июньского наступления затишье вскоре было прервано. Германское командование решило воспользоваться тем, что одна из трех армий Северного фронта — 1-я — была еще в июле переброшена на Юго-Западный фронт для участия в готовящемся там наступлении. Поэтому главный удар противник планировал обрушить на занимавшую правый фланг Северного фронта 12-ю армию (командующий генерал-лейтенант Д.П. Парский) с целью ее разгрома, овладения Ригой и создания военной угрозы непосредственно Петрограду. Рижская наступательная операция 8-й германской армии началась на рассвете 19 августа: вражеская артиллерия открыла массированный огонь химическими снарядами по русским позициям в районе станции Икскуль, затем вражеские войска форсировали Западную Двину (Даугаву). Два дня шли упорные оборонительные бои, части

12-й армии неоднократно контратаками отбрасывали неприятеля назад.

В этих боях массовый героизм совершили солдаты и офицеры 5-го Земгальского латышского стрелкового полка (командир полковник И.И. Вацетис) — им пришлось выдержать натиск целой германской дивизии. Причем позиция стрелков состояла из траншей, оборудование которых не было закончено. Утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки противник перешел в наступление. Хотя неприятельская артиллерия местами разрушила окопы и причинила ущерб их защитникам, они отразили первую атаку немцев, нанеся им большие потери. После нового артиллерийского обстрела противник снова пошел в атаку, но опять был отброшен на исходные позиции. Такие атаки повторялись несколько раз, и постоянно перед траншеями, защищаемыми стрелками, оставались сотни трупов противника. После полудня кончились снаряды и положение защитников позиций, понесших значительные потери, стало очень тяжелым. Бои почти всюду шли уже у самых наших окопов, а на отдельных участках немцам удалось в них ворваться. Несмотря на это уцелевшие стрелки стойко обороняли свои позиции.

Один из участников этого сражения впоследствии вспоминал: «Резервы бригады были исчерпаны, пришлось полагаться лишь на собственные силы. Неприятельские цепи одна за другой шли на нас. Для нас начался самый ужасный эпизод боя. В ход были пущены пулеметы, ручные гранаты, приклады, котелки, камни и кулаки. Именно здесь латышские стрелки доказали свою храбрость и стойкость. В некоторых местах стрелки под руководством своих офицеров бросались на немцев и с помощью штыков отбрасывали их далеко от наших окопов»⁵². Только

получив указание вышестоящего командования, командир полка И.И. Вацетис дал распоряжение об отходе. Но перед отступлением он собрал последние резервы полка: рота, охранявшая штаб полка, связисты и другие оказавшиеся у штаба стрелки под непосредственным руководством командира полка последний раз пошли в контратаку и отбросили противника. После этого остаткам полка удалось отступить без преследования со стороны немцев.

Героизм, проявленный стрелками 5-го Земгальского латышского стрелкового полка, дал возможность вывести из-под угрозы окружения 2-й и 6-й Сибирские армейские корпуса и избежать окружения всей 12-й армии. За проявленную стойкость и мужество Георгиевскими крестами были награждены 642 стрелка этого полка, то есть более трети его боевого состава, что в годы Первой мировой войны было чрезвычайно редко. Справедливости ради следует отметить, что в Рижской оборонительной операции проявили героизм и другие латышские полки. Храбро сражались также солдаты многих русских полков, особенно сибирских. Проявленный массовый героизм многих частей 12-й армии лишил германские войска возможности продвигаться дальше, так как они были обескровлены.

Однако, опасаясь окружения, командующий армией Д.П. Парский отдал приказ об отступлении к Вендену. В ночь на 21 августа войсками 12-й армии были оставлены Рига и Усть-Двинск. С 21 по 24 августа войска армии совершили отход до Венденской позиции, где и закрепились. Замысел германского командования окружить и уничтожить основные силы 12-й армии был сорван. Следует отметить, что немалую роль в этом сыграла активная деятельность русской армейской разведки, своевременно добывшей исчерпывающую информацию о намерениях

противника. Потери 12-й армии составили 25 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Отметим, что в стратегическом отношении Рижская оборонительная операция не оказала существенного влияния на ход кампании 1917 г. на Восточно-Европейском театре военных действий, но она имела большое политическое значение для России, так как была использована Верховным главнокомандующим Л.Г. Корниловым для своего рокового выступления.

Еще в период боев под Ригой Корнилов начал готовить план наведения порядка в Петрограде. Напомним, что 25 августа он двинул с фронта в сторону столицы 3-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта А.М. Крымова. На следующий день Корнилов предложил А.Ф. Керенскому ввести в Петрограде военное положение, передав власть Верховному главнокомандующему, а самого главу Временного правительства вызвал в Ставку в Могилев. Действия генерала Керенский расценил как начало военного мятежа и в ночь на 27 августа послал ему телеграмму о смещении с поста Верховного главнокомандующего. Утром 27 августа в экстренных выпусках многих газет уже называли Корнилова государственным изменником.

В тот же день генерал ответил на это ставшим знаменитым заявлением, которое было разослано телеграммой по линиям железных дорог и адресовано всем начальствующим лицам и учреждениям: «Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском

побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молитте Господа Бога об явлении величайшего чуда, спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, — сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь, довести народ — путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой Государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени и сделать народ рабами немцев, — я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!»⁵³.

К 30 августа движение частей 3-го кавалерийского корпуса было остановлено. Генерал А.М. Крымов, командовавший корпусом, 31 августа застрелился. И все же Л.Г. Корнилов не желал сдаваться. В тот же день он написал новые требования Временному правительству, обещая быть лояльным, «если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка». Корнилов еще раз подчеркнул, что для себя он «ничего не искал и не ищет», а добивается лишь установления в стране твердой власти, способной вывести Россию и армию из позора, в который они ввергнуты нынешним правительством. Тогда А.Ф. Керенский решил захватить Ставку и выделил войска для похода на Могилев. Узнав об этом, Корнилов созвал совещание своих единомышленников. У присутствующих на совещании

генералов и офицеров было боевое настроение. Бывший Верховный главнокомандующий предлагал принять бой. Однако начальник штаба Ставки генерал от инфантерии М.В. Алексеев убедил его подчиниться правительству «во имя блага Родины». Наконец, 1 сентября Корнилов решил добровольно сложить полномочия Верховного главнокомандующего и пойти под арест. Небезынтересно привести оценку выступления Л.Г. Корнилова, данную А.А. Брусиловым и содержащуюся в воспоминаниях последнего: «Считаю, что этот безусловно храбрый человек, провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров. Но должен сказать, что все, что он делал, он делал, не обдумав, не вникая в глубь вещей, но с чувством честного русского патриота»⁵⁴.

Прибывшая 2 сентября в Ставку в Могилев созданная Временным правительством в связи с корниловским выступлением Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова незамедлительно провела аресты ряда генералов и офицеров. По ее распоряжению Л.Г. Корнилов и другие арестованные содержались под домашним арестом в местной гостинице «Метрополь». После первых допросов Корнилову предложили письменно изложить показания, что он и сделал. Через четыре дня «Объяснительная записка генерала Корнилова» была напечатана в газете «Общее дело». В ночь на 12 сентября его вместе со сподвижниками перевезли в маленький городок Быхов, находившийся в 50 км от Могилева. Здесь они, а всего было арестовано 32 генерала и офицера Ставки, были помещены в здание женской гимназии, размещавшейся в бывшем католическом монастыре. Для охраны узников было выделено три сотни с пулеметной командой из Текинского полка и рота караула из Георгиевского

батальона. Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова начала готовить судебный процесс.

Здесь необходимо отметить, что корниловское выступление повлекло за собой новые гонения Временного правительства на и так уже сильно поредевший с Февральских дней офицерский корпус. Во всех армиях были созданы «чрезвычайные следственные комиссии по расследованию всех дел, возникающих в связи с заговором Корнилова», куда входили комиссары Временного правительства и члены солдатских комитетов. Эти органы весьма рьяно выискивали «активных корниловцев». Причем под подозрение часто попадали просто честные и принципиальные командиры. Буквально за одну неделю действующая армия лишилась многих талантливых генералов и офицеров, а освободившиеся вакансии заняли их менее образованные коллеги, ради карьерного роста готовые служить любой власти. Сам же «победитель заговора генералов» А.Ф. Керенский, ни дня не прослуживший в армии, 30 августа назначил себя Верховным главнокомандующим.

РУССКАЯ АРМИЯ В КАНУН ОКТЯБРЯ

В начале осени 1917 г. в стране, как известно, разразился Общенациональный кризис, завершившийся 25 октября свержением Временного правительства и взятием власти большевиками. Естественно, социально-политические процессы, происходившие в то время в стране, не могли не отразиться и на действующей армии.

9 сентября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М.В. Алексеев отказался от занимаемой должности и подал в отставку. На его место А.Ф. Керенский назначил генерал-лейтенанта

Н.Н. Духонина. «В лице Духонина, ставшего фактически Верховным главнокомандующим, — писал по поводу его назначения находившийся в «Быховском заточении» по корниловскому делу генерал-лейтенант А.И. Деникин, — Керенский и революционная демократия, представленная комиссарами и комитетами, нашли действительно тот идеал, который они долго и напрасно искали до тех пор. Духонин — храбрый солдат и талантливый офицер генерального штаба принес им добровольно и бескорыстно свой труд, отказавшись от всякой борьбы в области военной политики и примирившись с ролью «технического советника» — той ролью, которую революционная демократия мечтала навязать всему командному составу. Духонина никто из них не заподозривал в малейшем отсутствии лояльности. Он не препятствовал продолжавшимся упражнениям новоявленных творцов «революционной армии». Но в противовес другим генералам, видевшим в этом направлении новые перспективы для неограниченного честолюбия или более покойные условия личного существования, — он шел на такую роль, заведомо рискуя своим добрым именем, впоследствии и жизнью, исключительно из-за желания спасти положение. Он видел в этом единственное и последнее средство»⁵⁵.

Другой известный военный деятель, исполняющий в то время должность начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта, генерал-лейтенант Н.Н. Головин также был высокого мнения о новом начальнике штаба Верховного главнокомандующего. «Обладея такою же личною храбростью и таким же мужеством, как ген. Корнилов, — писал впоследствии Головин, — ген. Духонин, кроме того, обладал еще одним громадным качеством: он обладал большим спокойствием духа, позво-

лявшим его разуму трезво оценивать существующую реальную обстановку, а это гарантировало Русскую Армию от каких-либо авантюрных мероприятий. Будучи горячим патриотом, он в то же время соединял этот патриотизм с большой терпимостью ко взглядам инакомыслящих, а это, в свою очередь, содействовало широкому государственному кругозору. Отсутствие честолюбия облегчало ему не только в сознательных своих действиях, но и в подсознательных, руководствоваться одной только идеей — спасением России; какая бы то ни была примесь стремления, хотя бы бессознательного, соединить непременно спасение России со своим «Я» отсутствовала у него. Ген. Духонин в полном смысле слова был человеком, который смотрел на служение Родине как на жертвенный подвиг, вовсе не сопровождающийся обязательно личной славой.

Если ген. Алексеев представлял собою генерала старой формации, умудренного громадным опытом Верховного Главнокомандования, то ген. Духонин являлся молодым генералом, по своим личным качествам наиболее отвечавшим творческой работе по воссозданию Российской Армии в новых условиях, создавшихся с падением Царской власти. Но подобно генералу Алексееву, генерал Духонин был слишком скромен и потому не отвечал облику «революционного» генерала, создавшемуся в представлении нашей интеллигенции, воспитанной на идеализации большой французской революции. По этой причине такие лица, как генерал Духонин, не могли быть призваны вовремя.

Подобно тому как возвращение генерала Алексеева на верховождение Действующей Армии явилось запоздалым, так же точно запоздалым было появление на этих верхах генерала Духонина»⁵⁶.

Менее чем за два месяца Н.Н. Духонин провел огромную работу, далеко выходящую за рамки обязанностей начальника штаба Верховного главнокомандующего. «Он внес большой вклад, — писал о генерале его непосредственный начальник А.Ф. Керенский, — в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами. После ряда совещаний в Петрограде и Могилеве, в которых приняли участие не только министр армии и флота, но также главы гражданских ведомств — министры иностранных дел, финансов, связи и продовольствия, — он составил подробный отчет о материальном и политическом положении вооруженных сил. Из отчета следовал один честный вывод: армию следует сократить, реорганизовать и очистить от нелояльных лиц среди офицерского состава и рядовых. После этого армия будет способна охранять границы России и, если не предпринимать крупных поступательных операций, защитить ее коренные интересы»⁵⁷. Здесь необходимо пояснить, что А.Ф. Керенский имел в виду составленную Ставкой Верховного главнокомандующего по заданию Временного правительства «Программу мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 года», одним из основных авторов которой был Духонин.

К этому следует добавить, что генерал разрабатывал также проект создания Русской народной армии, в основу которого был положен принцип территориального и добровольного комплектования частей. Несомненной заслугой Духонина является также создание национальных частей в составе русской армии. Так, по его приказу № 613 от 26 сентября был создан Отдельный Чешско-Словацкий корпус, объединивший в своих рядах все чехословацкие части, сформированные к этому времени на

территории России⁵⁸. Корпус состоял из двух дивизий и запасной бригады, основную массу его офицеров и солдат (около 45 000 человек) составляли бывшие военнопленные австро-венгерской армии, готовые сражаться на стороне России за свободу своей Родины. Однако многим другим духонинским планам, весьма полезным для русской армии, так и не суждено было осуществиться.

После ликвидации Временным правительством корниловского выступления в действующей армии еще в большей степени, чем весной 1917 г., упала воинская дисциплина. Авторитет правительства и его главы А.Ф. Керенского резко понизился в глазах как офицерского корпуса, так и солдатских масс. С одной стороны, этому способствовали слухи о том, что Корнилов и Керенский якобы заранее договорились занять войсками Петроград и разогнать советы, но Керенский в последний момент струсил. Эта версия, как известно, распространялась и крайне правой, и крайне левой прессой. С другой стороны, Керенский сам собственными последующими действиями способствовал дальнейшему падению авторитета Временного правительства. Речь идет об изданных им в начале сентября приказах, по содержанию очень похожих на подписанные Корниловым июльские, — об установлении на фронте железной дисциплины. Однако разница состояла в том, что они уже не оказывали влияния на солдат.

Авторитет командования, комиссаров Временного правительства и солдатских комитетов, состоящих из эсеров и меньшевиков, также резко упал. Именно период сентября—октября характерен значительным оживлением антивоенных выступлений в действующей армии и многочисленными братаниями с противником. Резкой активизации братания способствовало и то обстоятельство, что новый

состав переизбранных солдатских комитетов, где руководство перешло к большевикам, практически легализировал братание и взял проведение его в свои руки. Осенью 1917 г. оно приобрело черты, которых не имело весной, — большую массовость и организованность, в чем, несомненно, сказалась большевизация солдатских комитетов.

Следует еще раз подчеркнуть: для дезорганизации армии наиболее серьезным видом нарушения воинской дисциплины, свидетельствовавшим о действительном падении боеспособности, как справедливо считала и Ставка Верховного главнокомандующего, было именно братание. Например, в объяснительной записке Военно-политического отдела Ставки о состоянии армии в октябре так и указывалось: «в целом ряде таких нарушений самым важным является, несомненно, братание с противником, так как, с одной стороны оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны, сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины, вызывая целый ряд эксцессов и осложнений»⁵⁹. В этой характеристике содержится ответ на вопрос, почему большевики так настойчиво вновь взялись за организацию братаний, а немецкое командование, как и весной 1917 г., снова прекратило активные военные действия на Восточном (русском) фронте, чтобы не мешать дальнейшему разложению русской действующей армии.

Генерал-лейтенант Н.Н. Головин впоследствии писал об этом периоде: «На самом же фронте Действующей Армии, после победы над Корниловым, развал пошел уже полным ходом. Большевики и наши враги германцы энергично эксплуатируют создавшееся положение. “Настроение фронта, — доносит в своей сводке комиссар Западного фронта Жданов, — ухудшается в связи с пораженческой агитаци-

ей, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма; распространяются газеты “Буревестник”, “Товарищ”, немецкая газета “Русский вестник”...»⁶⁰

Впрочем, не мешая братанию на сухопутном Восточно-Европейском театре военных действий, германское командование готовило морскую операцию. После занятия Риги 21 августа противник решил уничтожить Морские силы Рижского залива и захватить Моонзундские острова, чтобы сделать из них исходный плацдарм для удара по Петрограду. Пользуясь бездействием английского флота, германское командование сосредоточило в восточной части Балтийского моря две трети своих военно-морских сил, сведенных в отряд особого назначения под командованием вице-адмирала Э. фон Шмидта (свыше 300 кораблей и судов, в том числе 10 линкоров, 1 линейный крейсер, 9 крейсеров, 69 эсминцев и миноносцев, 6 подводных лодок, около 100 тральщиков). Десантные войска неприятеля насчитывали около 25 тыс. человек, вооруженных 40 орудиями, 85 минометами и 225 пулеметами. Их воздушное прикрытие обеспечивали 94 самолета и 6 дирижаблей. Общее руководство Моонзундской операции германского флота (кодовое название — «Альбион») осуществлял командующий 8-й германской армией генерал пехоты О. фон Гутьер. Обороняли Моонзундские острова 116 русских кораблей и судов (в том числе 2 устаревших линкора, 3 крейсера, 36 эсминцев и миноносцев, 3 подводные лодки, 5 минных заградителей, 3 канонерские лодки), 30 самолетов, 10 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов, располагавших 64 полевыми орудиями и 118 пулеметами. Моонзундская минно-артиллерийская позиция состояла из минных заграждений, 9 береговых батарей (37 орудий) и 12 зенитных батарей (37 орудий).

Надо признать, что командующий Морскими силами Рижского залива вице-адмирал М.К. Бахирев и начальник обороны Моонзундского архипелага контр-адмирал Д.А. Свешников не приняли эффективных мер по организации противодействия германскому флоту. 29 сентября высадкой десанта в бухте Тага-Лахт на острове Эзель противник начал наступательную операцию. Пользуясь численным превосходством, германские войска 3 октября овладели островом Эзель, 5 октября — островом Моон и 6 октября — островом Даго, однако понесли огромные потери. Так, оборона острова Моон продолжалась с 2 по 5 октября. Трое суток Ревельский ударный морской батальон вел бой с превосходящими силами противника. Морские пехотинцы-ударники отвергли все предложения врага о сдаче. Пришедшие русские корабли под огнем неприятеля эвакуировали оставшихся в живых героев.

1 октября 17 германских эсминцев при поддержке огня линкора после боя с 4 нашими эсминцами и одной канонерской лодкой (позже поддержанной 8 эсминцами и одной канонерской лодкой), прорвались в Кассарский плес. В сражении было выведено из строя четыре германских эсминца. Поврежденный же русский эсминец «Гром», команду которого сняла канонерская лодка «Храбрый», мог стать трофеем противника. Однако минный машинист Ф.Е. Самончук остался на его борту и при попытке германского миноносца взять эсминец на буксир потопил вражеский корабль торпедой, затем взорвал свой. Взрывной волной отважного моряка сбросило в море, где он был подобран кораблем противника и взят в плен (отметим: за этот подвиг Самончука спустя много лет, в 1955 г., наградили орденом Красного Знамени).

3 октября германская эскадра вошла через Ирбенский пролив в Рижский залив, на следующий день русские

линкоры «Слава» и «Гражданин» встретили ее у Куйвасту и не допустили прорыва в пролив Моонзунд. Первый из них, ведя бой против двух германских линкоров, получил серьезные повреждения. Тогда миноносец «Сторожевой» торпедами потопил «Славу» (с целью перекрыть фарватер и задержать продвижение противника в Моонзундский пролив), предварительно эвакуировав ее команду.

5 октября русские корабли были отведены на север, в Балтийское море, а два дня спустя германское командование из-за больших потерь отказалось от продолжения операции и вывело свои военно-морские силы из Рижского залива. Таким образом, русские матросы и солдаты героическим сопротивлением сорвали план германского командования и нанесли значительные потери флоту неприятеля. Было потоплено 10 эсминцев и 6 тральщиков, повреждено 3 линкора, 13 эсминцев и миноносцев противника. Русский же флот потерял гораздо меньше боевых кораблей — 1 линкор и 1 эсминец; были повреждены 1 линкор, 1 крейсер, 3 эсминца и 2 канонерские лодки. Позже в своих мемуарах бывший глава Временного правительства А.Ф. Керенский, отдавая дань подвигу моряков-балтийцев, писал, что «морское сражение за Моонзунд внесло славную страницу в историю русского флота. Как и бои под Ригой, оно показало, на что способны русские люди и что они могут вынести, если их родине грозит опасность»⁶¹.

Подчеркнем, что это было последнее сражение вооруженных сил России в Первой мировой войне. Тем временем на сухопутных фронтах все оставалось по-прежнему, как отмечалось выше, в армии медленно, но неуклонно падала воинская дисциплина, все ниже становился авторитет командования, комиссаров Временного правительства и солдатских комитетов. К тому же на протяжении

периода от Февраля к Октябрю не прекращались антивоенные выступления.

Следует отметить, что Временное правительство, солдатские комитеты, правительственные комиссары, военные организации эсеров и меньшевиков, командование прилагали немало усилий в борьбе с подобными прецедентами. Лишь одна партия большевиков всемерно поддерживала и зачастую организовывала антивоенные акции, особенно братания солдат с противником, чем сводила на нет все усилия не только «лиц официальных», но и патриотически настроенных солдат и офицеров.

Изучение истории антивоенных выступлений на фронте в период от Февраля к Октябрю показало, что их волна поднималась неравномерно — то опускалась, то вздымалась, но в целом по нарастающей. Условно этот процесс можно разделить на четыре этапа. Начало и конец каждого из них, как показывают многочисленные источники, были связаны с теми или иными политическими событиями в стране и получали резонанс на фронте в виде всплеска различных антивоенных акций.

Итак, первый этап — период от кануна Февраля до известной ноты министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова (конец февраля — 17 апреля), т.е. время возникновения и становления сети солдатских комитетов на фронте, активизации большевиков и австро-германского командования по организации братаний, а также вседозволенности для солдатской массы.

Второй этап охватывает период от Апрельского кризиса до кануна Июньского наступления на фронте (18 апреля — 17 июня). Этот хронологический отрезок характерен новым валом антивоенных выступлений, вызванным как нотой Милюкова (18 апреля), так и активной кампанией

Временного правительства по пропаганде в действующей армии готовящегося Июньского наступления. Именно тогда наблюдались массовые братания солдат с противником, связанные с празднованием 1 Мая и Святой Пасхи, коллективные отказы целых полков заступать на боевые позиции и многочисленные антивоенные митинги.

Третий этап обозначен хронологическими рамками от начала Июньского наступления до ликвидации Корниловского движения (18 июня — 31 августа). Этот период характерен принятием Временным правительством и командованием «строгих мер» по отношению к любым проявлениям антивоенных выступлений (запрещение братаний солдат с противником, несанкционированных митингов, а главное — введение смертной казни за нарушения воинской дисциплины. Попутно отметим: случаев приведения таких приговоров в исполнение зарегистрировано не было). В те месяцы наблюдается резкое снижение волны братаний солдат с противником (главным образом из-за начала крупномасштабных наступательных операций), а также появление нового вида антивоенных выступлений — восстаний, в которых иногда участвовали целые полки, напрямую связанных с отказом идти в наступление.

Четвертый этап хронологически совпадает с начавшимся в стране Общенациональным кризисом и завершается взятием власти большевиками (начало сентября — 24 октября). В этот период большевики развернули на фронте активную работу по большевизации солдатских комитетов, что напрямую было связано с проблемой братания солдат с противником. Стихийные антивоенные митинги, массовые братания, отказы солдат исполнять боевые приказы, как и весной 1917 г., уже стали нормой. И все эти явления неуклонно усиливались по мере при-

ближения к Октябрю. В такой военно-политической обстановке действующая армия, неотвратимо выходявшая из-под контроля не только комиссаров Временного правительства и командования, но и своих же солдатских комитетов, подошла к Октябрю.

ПРЕДОКТЯБРЬСКАЯ ПОДГОТОВКА ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ К БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ В СТРАНЕ И АРМИИ

Одним из главных инструментов борьбы большевиков за власть в стране и армии, как известно, были военно-революционные комитеты. Идея их создания принадлежала В.И. Ленину. Еще в апреле 1905 г. на III съезде РСДРП в «Проекте резолюции об отношении РСДРП к вооруженному восстанию» лидер большевиков указывал на необходимость приступить «к организации особых групп для приобретения и распределения оружия, выработки плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым»⁶².

Подводя итоги первого года революции 1905—1907 гг., Ленин в статье «Роспуск думы и задачи пролетариата», написанной в июле 1906 г., указывал, «что для организации восстания «советы» и подобные массовые учреждения еще *недостаточны*. Они необходимы для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партий выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации *непосредственно боевых сил*, для *организации восстания* в самом тесном значении слова», подчеркивая далее необходимость создания специальной «*военной организации* наряду с организацией советов для их защиты,

для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы»⁶³.

Развивая эту мысль, Ленин в статье «Кризис меньшевизма», опубликованной в декабре того же года в газете «Пролетарий», отмечал: «когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата *должна* иметь «аппараты» для «обслуживания» *именно этих* форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские»⁶⁴.

Осенью 1917 г. Ленин вновь вернулся к этому вопросу. В своих письмах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», написанных в сентябре и направленных в ЦК РСДРП(б), Петербургский и Московский комитеты партии большевиков, Ленин указал на важнейшую в данный момент для них задачу — непосредственную практическую подготовку к вооруженному восстанию. В качестве центрального оперативного органа восстания В.И. Ленин предложил ЦК партии большевиков немедленно «организовать *штаб* повстанческих отрядов... поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д.»⁶⁵. Перед этим штабом ставились задачи разработки оперативного плана восстания, подготовки и управления вооруженными отрядами в ходе взятия власти.

Ленин настаивал на необходимости создания таких органов восстания и на местах. Это требование Ленин изложил в письме председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И.Т. Смильге, написанном 27 сентября, в котором он предложил «создать *тайный* комитет из *надежнейших* военных, обсудить с ним *всесторонне*, собрать

(и проверить *самому*) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т.д.»⁶⁶. Имеются в виду части 42-го отдельного армейского корпуса, дислоцировавшегося в Финляндии, войсковые комитеты которого в сентябре встали на большевистские позиции.

Вопрос о практической подготовке восстания В.И. Ленин изложил в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» от 1 октября, в статье «Советы постороннего», «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», написанных 8 октября⁶⁷.

Как известно, 10 октября ЦК РСДРП(б) приняло решение о вооруженном восстании, а вскоре, 12 октября, на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета по инициативе большевиков было принято решение о создании при Петроградском Совете Военно-революционного комитета. Одновременно было принято Положение о нем, его составе и функциях. Согласно этому положению Петроградский Военно-революционный комитет являлся легальным органом Петроградского совета. В состав Петроградского ВРК вошли члены президиума Исполнительного комитета Петроградского совета, представители Центрального исполнительного комитета военного флота ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов (Центрофлота), Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, советов фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и других организаций. Большинство его членов составляли большевики, заключившие блок с левыми эсерами⁶⁸.

В своих воспоминаниях один из руководителей Петроградского ВРК Н.И. Подвойский отмечал, что на вопрос

Ленина, как он мыслит себе работу этого органа, Подвойский ответил, что ВРК представляется ему расширенным Бюро военной организации при ЦК РСДРП(б). В ответ на это Ленин решительно возразил: «Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам». И далее Ленин указывал Подвойскому, что «ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете». Ленин подчеркивал, что «основное — победа восстания. Этой и только этой цели должен служить Военно-революционный комитет». В то же время Военной организации при ЦК РСДРП(б) вменяется в обязанность внимательно следить за тем, чтобы «комитет не уклонился от правильной большевистской линии»⁶⁹.

По предложению Ленина на расширенном заседании ЦК партии большевиков 16 октября был создан Военно-революционный центр для непосредственного руководства вооруженным взятием власти. В его состав вошли А.С. Бубнов, Ф.Э. Дзержинский, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, М.С. Урицкий. Этот большевистский партийный орган вошел в Петроградский ВРК и стал его руководящим звеном. Во главе Петроградского ВРК встало избранное 21 октября бюро, состоявшее из пяти членов — большевиков Н.И. Подвойского, В.А. Антонова-Овсеенко, А.Д. Садовского и левых эсеров П.Е. Лазимира и Г.Н. Сухарькова. Петроградский ВРК сосредоточил в своих руках оперативное руководство Красной гвардией, назначил своих комиссаров во все воинские части и важнейшие пункты столицы.

За время существования, с 12 октября по 5 декабря, Петроградский ВРК провел огромную работу по взятию власти как в центре, так и на местах, в том числе и в действующей армии.

В канун Октября по примеру Петроградского ВРК в действующей армии местными большевиками стали создаваться военно-революционные комитеты, а непосредственным призывом к их созданию послужило обращение 12 октября съезда Советов Северной области, проходившего в Петрограде с 11 по 13 октября, ко всем местным Советам: «Следуя примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты»⁷⁰. Этим решением большевистская партия взяла курс на создание широкой сети ревкомов не только на местах, но и в действующей армии, так как на этом съезде помимо представителей советов Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, Финляндии и Эстонии, были делегаты Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов⁷¹.

Вскоре, 16 октября, в городе Валк (Валка), находящемся в тыловом районе Северного фронта, состоялась Чрезвычайная конференция социал-демократии Латвии, на которой было принято решение о создании первого большевистского ревкома в действующей армии⁷². В соответствии с этим решением представители ЦК социал-демократии Латвии и его Военной организации, Исполнительного объединенного комитета советов депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрела), Исполнительного комитета совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколата), ряда местных Советов в ночь на 19 октября в городе Вольмар (Валмиера) образовали ВРК района 12-й армии Северного фронта во главе с председателем ЦК социал-демократии Латвии

Я.М. Круминь-Пилатом. В дооктябрьский период этот орган работал нелегально⁷³.

Создание ВРК района 12-й армии послужило местным большевикам сигналом к формированию ревкомов в войсках этой армии. Эти ВРК были созданы (также нелегально) в ряде распропагандированных большевиками сибирских стрелковых и во всех латышских стрелковых полках и бригадах⁷⁴. Под руководством ВРК района 12-й армии они развернули активную работу по подготовке к захвату власти в своих частях. Об этом периоде деятельности ВРК 3-го Курземского латышского стрелкового полка писал его председатель Бружевиц: «Сначала он работал тайно и собирал вокруг себя тех, кто был готов в любой момент на борьбу... Он поддерживал тайно связь с высшими инстанциями, и его деятельность была тесно связана с полковым комитетом»⁷⁵.

20 октября собрание представителей большевистских военных организаций 12-й армии обсудило разработанный ВРК района 12-й армии план подготовки к взятию власти на этом участке Северного фронта. Общее политическое руководство армейским ревкомом оставалось за ЦК социал-демократии Латвии и бюро военной организации большевиков этой армии. Непосредственное руководство осуществляли К.Х. Данишевский от ЦК социал-демократии Латвии и С.М. Нахимсон от бюро военной организации большевиков 12-й армии. Командующим вооруженными формированиями ВРК района 12-й армии был назначен Ю. Чаринь⁷⁶.

По инициативе Ленина в Псков, где находился штаб Северного фронта, 16 октября прибыла группа петроградских большевиков для инструктирования, агитации и связи. В нее вошло более 30 человек, в том числе К.А. Ме-

хоношин, П.В. Дашкевич, Б.П. Позерн, М.М. Лашевич, В.И. Зоф, А.Д. Садовский, М. Ефремов⁷⁷. Они входили в состав делегации Петроградского совета, направлявшейся в штаб фронта. Командование последнего настаивало на выводе на фронт Петроградского гарнизона. Однако делегация Петроградского совета, состоявшая в основном из большевиков и левых эсеров, отклонила это требование. После совещания большевики, разделившись на группы, выехали в 12-ю и 5-ю армии этого фронта⁷⁸.

22—23 октября в Пскове по инициативе вернувшихся из поездки в армии фронта представителей ЦК партии большевиков М.М. Лашевича, Б.П. Позерна, А.Д. Садовского, В.Л. Панюшкина и М. Ефремова было проведено заседание местного большевистского партийного комитета. На нем был намечен план взятия штаба фронта и избран Псковский ВРК (27 октября переименован в ВРК Северного фронта) в составе В.Л. Панюшкина (председатель), Б.П. Позерна и местных большевиков А. Иванова, М. Иванова и М. Ушарнова⁷⁹. Псковский ревком нелегально повел подготовку к захвату власти в городе. Надо сказать, что для петроградских большевиков его создание имело особое значение, так как здесь был штаб ближайшего к столице Северного фронта, а также важный железнодорожный узел на пути в нее с фронта.

Другим военным опорным пунктом большевиков в этом регионе страны была Эстляндская губерния (Эстония). Как уже отмечалось, на съезде советов Северной области были и представители большевизированных советов Эстляндии. В информации о работе съезда в местной печати сообщалось, что более чем двухмиллионная армия рабочих, матросов и солдат, сплотившихся вокруг Петрограда, решительно потребовала передать власть Советам,

а если Временное правительство попытается сопротивляться, оно будет свергнуто силой⁸⁰.

14 октября 2-й съезд Советов Эстляндии, состоявшийся в Ревеле (Таллинн), принял большевистскую резолюцию о власти. А уже 22 октября в Ревеле Совет рабочих и солдатских депутатов Эстляндии, Ревельский совет рабочих и солдатских депутатов, представители комитетов Ревельской морской базы и сухопутных войск района на совместном заседании создали Военно-революционный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Эстонского края (Эстляндский ВРК). Председателем его стал большевик И.В. Рабчинский, заместителем председателя — большевик В.Э. Кингисепп. Одновременно возник ВРК Ревельской укрепленной позиции.

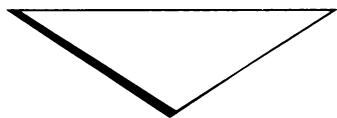
Первое заседание Эстляндского ВРК состоялось уже на следующий день после его создания. Здесь были намечены конкретные меры по захвату власти в этом регионе. Решено было взять под контроль ревкома стратегически важные пункты Ревеля и его окрестностей: железнодорожные станции, телеграф, почту и телефон. Во все эти пункты были назначены комиссары ВРК. Особое внимание было уделено железной дороге, связывавшей Северный фронт и Ревель с Петроградом. Одновременно ревком провел большую организационную работу по подготовке восстания с военно-технической стороны, причем все ответственные задания поручал только большевикам. Кроме того, Эстляндский ВРК оказывал помощь в создании большевистских ревкомов в Юрьеве (Тарту), Нарве и других городах этого региона страны⁸¹.

Такова в общих чертах предыстория создания основных органов борьбы большевиков за власть как в стране в целом, так и в действующей армии — военно-

революционных комитетов — и начала процесса их образования на Северном фронте, одном из решающих для исхода Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. На других же фронтах, в том числе и в большинстве частей и соединений Северного фронта, военно-революционные комитеты были созданы большевиками уже в послеоктябрьский период. О процессе их создания, деятельности и роли в борьбе за власть в действующей армии речь пойдет в последующих главах данного исследования.

Глава 2

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА БЛИЖНИХ К СТОЛИЦАМ ФРОНТАХ

ВЗЯТИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКАМИ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

Напомним: Северный фронт (12, 5, 1-я армии и 42-й отдельный армейский корпус) прикрывал Петроград. Несмотря на близость к столице и значительное по сравнению с другими фронтами количество присланных из нее комиссаров, эмиссаров и агитаторов, созданные в армиях этого фронта большевистские военно-революционные комитеты не смогли сразу взять власть. Меньшевики и эсеры занимали еще достаточно крепкие позиции, а солдатская масса проявляла свойственные ей колебания и зачастую склонялась к выжиданию и нейтралитету.

Исключение составлял 42-й отдельный армейский корпус, дислоцировавшийся в Финляндии (он был на правах армии, в связи с чем его солдатский комитет именовался армейским), штаб которого располагался в Выборге. Созванное там 26 октября экстренное заседание армейского исполнительного комитета корпуса, заслушав телеграмму II Всероссийского съезда Советов об образовании в действующей армии военно-революционных комитетов, приняло решение образовать (из своего числа) ВРК 42-го отдельного армейского корпуса. В состав избранного ревкома вошли 5 человек: большевик, председатель армискома Г.З. Заонегин (председатель ВРК), Власенков, Волков, Ежов и А. Жук¹. По решению арми-

скома, принятому в тот же день, на ВРК была возложена задача контроля над деятельностью штаба 42-го корпуса. На другой день, 27 октября, корпусной ВРК обратился ко всем частям корпуса с телеграммой, в которой провозгласил, что «военно-революционный комитет стоит на страже завоеваний революции», и призвал солдатские массы быть «в полной готовности к отражению натиска врага и контрреволюционных походов»². Корпусной ВРК установил контроль над деятельностью штаба корпуса, приказал комиссару Временного правительства при корпусе К.М. Соколову сдать все дела, а 1 ноября отдал приказ о назначении во все части корпуса советских комиссаров³. 7 ноября Петроградский ВРК назначил советским комиссаром корпуса председателя корпусного ВРК большевика Г.З. Заонегина⁴.

Армейский исполнительный комитет 42-го отдельного армейского корпуса, заслушав 28 октября телеграмму А.Ф. Керенского о продвижении к Петрограду верных Временному правительству войск с указанием разослать ее по частям, постановил: «Телеграмму принять к сведению, не рассылая ее по частям»⁵. В тот же день общее собрание солдатских комитетов корпуса заявило о поддержке новой власти, подчеркнув, что «походы против власти Советов мы готовы подавлять по первому зову всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, охраняя при этом боеспособность фронта»⁶.

Такая благоприятная для большевиков политическая обстановка позволила армейскому комитету 42-го корпуса дать 28 октября твердое обещание о помощи Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии в ответ на его предложение послать войска в распоряжение Петроградского ВРК⁷. В тот же день состоялось совместное

заседание президиума дивизионного комитета и военно-революционного отдела 106-й пехотной дивизии, входившей в состав этого корпуса. После обсуждения телеграммы, поступившей от Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии и корпусного ВРК «о высылке от дивизии отряда в 2000 штыков и возможно большего количества пулеметов в Петроград» оно постановило «отправить целиком 422-й пехотный Колпинский полк со всеми пулеметами» в столицу. При этом было специально оговорено, что «для несения же гарнизонной службы вместо ушедшего полка вызвать 1-й батальон 423-го пехотного Лужского полка»⁸.

Уже 2 ноября на заседании корпусного ВРК была оглашена телеграмма, поступившая из 106-й пехотной дивизии, в которой сообщалось, что из дивизии было направлено в столицу около 1500 солдат 422-го пехотного Колпинского полка с 34 пулеметами, а также две роты 424-го пехотного Чудского полка с 4 пулеметами⁹. И в дальнейшем 106-я пехотная дивизия, как наиболее большевизированная, продолжала выделять вооруженные отряды для борьбы с политическими противниками новой власти. Один из примеров — 30 октября на совместном заседании президиума дивизионного комитета и военно-революционного отдела этой дивизии было решено (в связи с организацией на станциях Скуро и Тюрвя финских вооруженных формирований) просить полковой комитет 421-го пехотного Царскосельского полка отдать распоряжение, чтобы роты, стоящие вблизи частей 34-й Смоленской пешей дружины, были в контакте с ней и оказали помощь в случае нападения на охрану железной дороги¹⁰. Впоследствии вооруженные отряды, выделенные из 106-й дивизии, также принимали активное участие в

разгорающейся гражданской войне. Так, в донесении от 14 декабря помощника комиссара этого корпуса Власенкова в ВРК при Ставке сообщалось, что «сегодня... отправлены три эшелона (423-го пехотного) Лужского и (422-го пехотного) Колпинского полков в количестве 765 штыков при 16 пулеметах на Петроград-Курск товарищу Антонову против Каледина»¹¹.

Кроме вышеперечисленных частей, корпусной ВРК организовал и направил в столицу на помощь большевикам еще несколько вооруженных отрядов. Так, 1 ноября комиссар Свеаборгской крепости сообщал в штаб Северного фронта, что 28 октября 14 офицеров и 526 солдат 511-го пехотного Сычевского полка, а 29 октября все роты и команды 509-го пехотного Гжатского полка отправились по железной дороге в Петроград¹².

Попытки командования Северного фронта воспрепятствовать отправке вооруженных отрядов из 42-го отдельного армейского корпуса на помощь Петроградскому ВРК потерпели неудачу. Уже 29 октября заявил о своей беспомощности генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майор В.Л. Барановский. Так, в телеграмме на имя А.Ф. Керенского он констатировал, что «лишен возможности принять меры против движения мятежных войск из Финляндии, так как связи с Финляндией нет. В Финляндии повсеместно действуют большевистские революционные комитеты»¹³.

В то же время корпусным ВРК была сорвана попытка командования направить из корпуса 5-ю Кавказскую казачью дивизию на помощь А.Ф. Керенскому. Об этом вскоре был вынужден сообщить комиссар Временного правительства этого корпуса К.М. Соколов комиссару Временного правительства на Северном фронте В.С.

Войтинскому: «Выполнить полученное штабом корпуса распоряжение об отправке казачьей дивизии не представляется возможным»¹⁴. Заявил о невозможности посылки в распоряжение А.Ф. Керенского войск из 42-го отдельного армейского корпуса ввиду противодействия корпусного ВРК и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов. 31 октября он, в частности, в несколько витиеватой форме сообщил командующему 12-й армией этого фронта генерал-лейтенанту Я.Д. Юзефовичу, что в «Финляндии... настроение определено не в пользу вмешательства в политическую передрагу и даже в пользу поддержки Петроградского Революционного Совета, в этих частях установились свои революционные комитеты и контроль над аппаратами»¹⁵.

Большевистский корпусной ВРК явно опережал своих политических противников и по части пропаганды. Например, зная о ненадежности казаков 5-й Кавказской казачьей дивизии, он послал им телеграмму, в которой в доступной форме объяснялось, почему не надо помогать бывшему главе Временного правительства, и в конце содержался призыв к нейтралитету: «Товарищи! Довольно крови — надо мир. Оставайтесь на своих местах спокойными»¹⁶. Подобная телеграмма, а также своевременная большевистская агитация среди казаков, мало искушенных в политике, сделали свое дело: дивизия не только отказалась идти на помощь Керенскому, но и заявила о своей готовности послать в распоряжение Петроградского ВРК дивизионную артиллерию¹⁷.

ВРК корпуса также вел борьбу с попытками захвата власти местными противниками большевиков. Так, в связи с готовящимся вооруженным выступлением финских военизированных формирований, корпусным ВРК было принято распоряжение, направленное 1 ноября всем комитетам

частей, входящих в состав корпуса. В нем предлагалось «принять меры к немедленному занятию для охраны имеющихся на местах учреждений... в связи с ожидающимся вооруженным выступлением финской белой гвардии против бастующих финских же рабочих красногвардейцев... в городах усилить караулы и разъезды»¹⁸. Тем не менее, несмотря на все эти мероприятия, вскоре произошли выступления финских военизированных формирований. Об этом ВРК корпуса 7 ноября известил Петроградский ВРК и предложил свой план наведения порядка¹⁹.

Параллельно с борьбой за власть корпусной ВРК принимал меры к установлению полного контроля над корпусом. Так, 4 ноября, он приказал назначенным, как уже отмечалось, во все части и соединения корпуса комиссарам, контролировать «распоряжения и деятельность командного состава в строевом, общественном, политическом, хозяйственном, боевом и стратегическом отношениях. Комиссары должны находиться по возможности при штабах. Все приказы и приказания должны скрепляться комиссарами, без подписи которых они считаются недействительными... Комиссары обязаны давать личный или письменный отчет не реже одного раза в месяц в армейском и дивизионном комитетах о состоянии части в отношении политическом, командном и о боеспособности»²⁰. Сопrotивления этим мероприятиям корпусного ревкома не последовало, о чем убедительно свидетельствует донесение исполняющего обязанности начальника штаба корпуса полковника В.Н. Чернышева, отправленное на следующий день, 5 ноября, генерал-квартирмейстеру Северного фронта генерал-майору В.Л. Барановскому, где особо указывалось «на полное подчинение частей Военно-революционному комитету»²¹.

Вскоре, 9 ноября, корпусной ВРК объявил, что он, «являясь в пределах корпуса органом народной революционной власти, будет самым решительным образом поддерживать высший орган народной власти Советов и неуклонно проводить в жизнь все постановления Совета Народных Комиссаров»²².

Состоявшийся 25—29 ноября в Выборге IV съезд Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии окончательно закрепил и упрочил новую власть в этом регионе. Состав участников был в основном большевистским: из 114 делегатов было 82 большевика, 29 левых эсеров и 3 беспартийных²³. В выработанном на съезде Областкама наказе говорилось: «Верховный орган власти для русского населения в Финляндии есть Областной комитет, выбранный на IV Областном финляндском съезде делегатов в составе 45 чел.». При этом 30 из них были большевики, а 15 — левые эсеры. Кроме того, наказом определялись функции комитета, в частности, оговаривалось, что комитет «должен немедленно приступить к преобразованию всех государственных учреждений, подчиняя их Советской власти...»²⁴.

Таким образом, к концу ноября в войсках, расположенных на территории Финляндии, практически не встречая сопротивления, власть полностью перешла под большевистский контроль. Поэтому пленарное заседание Исполнительного комитета корпуса, состоявшееся 4 декабря, приняло решение: в связи с завершением выполнения чрезвычайных оперативных функций «ревком 42 упразднить, передав все функции Исполнительному комитету, который выделяет несколько товарищей для контроля за деятельностью штаба корпуса»²⁵. Иными словами, по мере установления большевистского контроля в войсках

42-го отдельного армейского корпуса постепенно отпадала необходимость в сохранении специальных командно-административных органов, какими являлись в действующей армии военно-революционные комитеты. Они расформировывались, и их функции переходили либо к исполнительным комитетам, либо к военным отделам соответствующих войсковых организаций.

Важным тыловым районом Северного фронта была Эстония, прикрывавшая Петроград с запада. Наряду с взятием власти, перед большевистским ВРК Эстонского края, созданным еще 22 октября, стояла и другая задача — обеспечение тыла готовящегося большевиками восстания в столице. Она заключалась в том, чтобы не допустить переброску воинских частей из Эстонии в Петроград для помощи Временному правительству.

Для ускорения помощи Петроградскому ВРК со стороны Эстонии в Ревель (Таллинн) были посланы члены Петроградского ВРК М.М. Лашевич и Я.Х. Петерс. Так как прямой путь на Ревель был отрезан верными Временному правительству войсками, то представители Петроградского ВРК были отправлены по железной дороге в Гельсингфорс (Хельсинки), а оттуда миноносцем доставлены в Ревель²⁶.

Следует заметить, что уже утром 25 октября в результате быстрых действий ВРК Эстонского края командование лишилось возможности распоряжаться войсками Ревельского укрепленного района: без ведома советских комиссаров, назначенных ревкомом, были запрещены все перемещения офицеров из одной воинской части в другую. Особое внимание уделялось ударным батальонам. ВРК Эстонского края предписал им оставаться на своих местах и подчиняться только начальникам, «в район которых они вошли»²⁷. К тому же без разрешения ВРК Эстон-

ского края ни одна воинская часть не могла быть отправлена из Ревеля²⁸.

Все это позволило ревкому уже к 26 октября полностью установить свою власть в сухопутных районах Ревельского укрепленного района и на кораблях Ревельской военно-морской базы. Немедленно были назначены советские комиссары ВРК Эстонского края: к начальнику сухопутных войск — П. Девишин, к коменданту Морской крепости императора Петра Великого — Токарев, к начальнику обороны Приморского фронта — Фрунтов, к начальнику артиллерии — Крикунов, к командиру Ревельского порта — Макаров и к крепостному интенданту — Николаев²⁹. В тот же день краевой ревком в обращении к населению Эстонии заявил: «Военно-революционный комитет при Исполнительном комитете Советов Эстонского края обладает всей полнотой власти в Эстляндии»³⁰. На следующий день, 27 октября, губернский комиссар Временного правительства Эстляндской губернии и его сотрудники были отстранены от должности, а их функции перешли к комиссару ВРК Эстонского края большевику В.Э. Кингисеппу³¹.

Быстрое взятие власти большевистским ревкомом в Эстонии помешало планам командования использовать войска, дислоцировавшиеся на ее территории для помощи Временному правительству. Когда Ставка и штаб главнокомандующего армиями Северного фронта попытались послать на помощь А.Ф. Керенскому 13-й и 15-й Донские казачьи полки 3-го кавалерийского корпуса и 44-ю пехотную дивизию из Ревеля, бронедивизион из города Гапсаль (Хаапсалу), части 49-го армейского корпуса со станции Раквере, они натолкнулись на непреодолимое препятствие³². Прежде всего, ВРК Эстонского края приказал своим комиссарам на железной дороге не выделять этим частям под-

вижного состава, а советским комиссарам, находившимся на телеграфе, — задерживать все телеграммы, направленные в эти войска Керенским, Ставкой и штабом главнокомандующего армиями Северного фронта³³.

Не получая ни подкрепления, ни ответа на свои телеграммы, Керенский отправил в Ревель специальный поезд с доверенными офицерами, которые имели задание во что бы то ни стало добиться отправки казачьих полков на Петроград. Однако и эта попытка не удалась: поезд по приказу ревкома был задержан, а офицеры и казаки, находившиеся в нем, — арестованы. При обыске у них обнаружили важные документы, а также изъяли около 1000 экземпляров отпечатанных боевых приказов, в которых казачьим полкам предписывалось поспешить на помощь Временному правительству.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов, возмущенный перехватом его телеграмм, связался по прямому проводу с председателем ВРК Эстонского края большевиком И.В. Рабчинским и категорически потребовал отправки 13-го и 15-го Донских казачьих полков из Ревеля. На это требование Рабчинский ответил, что «13-й и 15-й Донские полки не могут быть вывезены из Ревеля... Совет вошел с ними в сношение и от них было получено заявление о поддержке Советов и о нежелании ехать на выручку Керенскому»³⁴. И тогда штаб главнокомандующего армиями Северного фронта вынужден был доложить в Ставку: «Никак не можем двинуть 13-й и 15-й Донские казачьи полки, застрявшие в Ревеле»³⁵. 29 октября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин отправил из Ставки телеграмму А.Ф. Керенскому, в которой сообщал, что «13-й и 15-й донские полки не могли

быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава»³⁶. Как видно из этих телеграмм, краевой ревком к концу октября уже полностью контролировал положение в Ревеле и в прилегающих к нему районах.

ВРК Эстонского края принял срочные меры, чтобы не допустить переброску войск на помощь Керенскому и из других городов и районов Эстонии. Специально сформированные из сочувствующих большевикам солдат воинские команды во главе с комиссарами краевого ревкома взяли под контроль почти все железнодорожные станции. Десятки групп большевистских агитаторов были разосланы во все гарнизоны для проведения разъяснительной работы в войсках. При этом особое внимание им пришлось уделить 44-й пехотной дивизии, так как ее полки, расквартированные в Ревельском гарнизоне, заявили о своем неподчинении ревкому и его распоряжениям. Для большевистской агитации ВРК направил в дивизию 33 своих представителя, которые в течение нескольких дней выступали на солдатских митингах. Это дало результаты — солдаты в конце концов признали новую власть³⁷.

Опасения у краевого ревкома вызывал и 49-й армейский корпус, расположенный в районе станции Раквере. Большевикам не удалось установить над ней контроль, поэтому погрузку корпуса, направлявшегося на помощь Временному правительству, в эшелоны задержать было крайне трудно — насилием можно было только озлобить солдатские массы. Решив действовать исключительно убеждением, ВРК решил направить туда для проведения агитационной работы группу членов ревкома во главе с заместителем его председателя В.Э. Кингисеппом. Но как только они прибыли на станцию Тапа, тотчас были аре-

стованы патрулем 49-го корпуса и направлены в Раквере. Тогда в Нарве по распоряжению краевого ревкома были срочно сосредоточены перешедшие на сторону большевиков войска, получившие задание не пропустить части этого корпуса на Петроград. В результате оперативных действий этих войск были захвачены железнодорожные станции Нарва и Тапа, а части 49-го корпуса заблокированы в Раквере. Десятки направленных в его расположение большевистских агитаторов уговорили солдат занять нейтральную позицию. В результате корпус, подчинившись приказу краевого ревкома, остался на месте, станция Раквере перешла в руки большевиков, а группа, возглавляемая Кингисеппом, освобождена. То же самое в результате агитационной работы членов краевого ВРК повторилось в войсках Перновского боевого участка³⁸.

Задачу не пропустить верные Временному правительству войска к Петрограду ВРК Эстонского края решал совместно с ВРК района 12-й армии, во все части которой уже 26 октября были посланы телеграммы для установления связи³⁹. Таким образом, благодаря координации действий этих ревкомов ни одна воинская часть не двинулась с места. Здесь следует заметить, что краевой ревком задерживал отправку воинских частей и в другие районы страны, где также уже разворачивалась борьба за власть. Например, 5-му морскому батальону смерти было отказано в отправке на Украину, Морскому ударному батальону — в Ярославль, 13-му и 15-му Донским казачьим полкам — на Дон⁴⁰.

В то же время ВРК Эстонского края активно занимался формированием отрядов, которые приняли участие в ликвидации очагов антибольшевистской борьбы. Так, для подавления выступления Керенского—Краснова по приказу краевого ревкома 28 октября из Ревеля в Петроград были

отправлены крейсер «Олег», эскадренный миноносец «Победитель» и отряд матросов, а в Нарву — два батальона 175-го пехотного Батуринаского полка с двумя артиллерийскими батареями⁴¹. Кроме того, ВРК Эстонского края через Гдов направил против войск Керенского—Краснова запасный полк, который, захватив железную дорогу на участке Гдов—Псков, двинулся на Гатчину, где соединился с другими большевистскими отрядами и поступил затем в распоряжение Петроградского ВРК⁴².

Важное значение для большевиков в обороне Петрограда от войск Керенского—Краснова имел Псков, где размещался штаб Северного фронта. Политическая обстановка в городе складывалась таким образом: 26 октября состоялось совместное заседание совета рабочих и солдатских депутатов Пскова с солдатскими комитетами местного гарнизона. Большая часть собравшихся принадлежала к партиям меньшевиков и эсеров. По инициативе меньшевистско-эсеровского большинства был создан Военно-революционный комитет Северо-Западной области, в состав которого вошли комиссар Северного фронта меньшевик В.С. Войтинский и представители небошевизированных солдатских комитетов Северного фронта. Однако этот ВРК быстро распался, не просуществовав и дня⁴³. Вместо него эсерами и меньшевиками был создан Комитет спасения Родины и революции⁴⁴.

Ситуация, сложившаяся в Пскове, становилась для большевиков все более напряженной. Учитывая важное стратегическое положение города, ЦК партии большевиков дал указание Петроградскому ВРК направить туда своих представителей. Прибывшие в Псков посланцы Петроградского ВРК во главе с матросом-большевиком В.Л. Панюшкиным, опираясь на местную большевистскую организацию и рас-

пропагандированных большевиками солдат гарнизона, добились перелома в политической обстановке⁴⁵. Уже вечером 26 октября Псковским комитетом РСДРП(б) и большевистской фракцией Псковского совета рабочих и солдатских депутатов в городе был создан большевистский ревком под председательством В.Л. Панюшкина⁴⁶. В воззвании Псковского ВРК говорилось, что своей первоочередной задачей он считает «остановить движение воинских частей на Петроград»⁴⁷. Псковский ревком незамедлительно установил контроль над штабом Северного фронта, телеграфом и провел перевыборы местного совета, в котором стали преобладать большевики⁴⁸.

На следующий день, 27 октября, в Пскове из представителей Псковского ВРК, 42-го отдельного армейского корпуса, 12-й, 5-й армий, большевистских фракций Исполнительного комитета объединенных организаций советов солдатских и рабочих депутатов тыла Северного фронта (Искоборсев), Кронштадта и Гельсингфорса был образован большевистский Северо-Западный ВРК, власть которого распространялась на весь Северный фронт⁴⁹. Северо-Западный и Псковский военно-революционные комитеты видели свою первоочередную задачу в том, чтобы не допустить продвижение войск к Петрограду и Гатчине, на помощь Керенскому—Краснову⁵⁰.

Однако к вечеру того же дня, 27 октября, положение изменилось. В Псков вошли вызванные комиссаром Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинским и штабом фронта четыре сотни казаков и батальон смерти. Эти части стали опорой псковского Комитета спасения родины и революции, взяли под свой контроль вокзал, артиллерийский склад, телеграф, арестовали пятерых членов Северо-Западного ВРК⁵¹. Однако полностью

взять власть в городе Комитету спасения так и не удалось. В Пскове продолжал работу Псковский ревком, сообщивший в Петроградский ВРК, что фактически власть остается в его руках⁵². Комитет спасения предпринял попытку вступить в переговоры с Псковским ВРК, но она успеха не принесла.

29 и 30 октября в Пскове шла перестрелка между казаками и бойцами батальона смерти, с одной стороны, и солдатами частей гарнизона, перешедших на сторону большевиков, — с другой. В ходе вооруженной борьбы солдатам гарнизона 31 октября удалось выбить казаков и ударников из здания вокзала и установить контроль над продвижением воинских эшелонов. В тот же день председатель Псковского ревкома В.Л. Панюшкин сообщил об этом в Петроградский ВРК: «Сегодня занимали посты и телеграф, охрана в наших руках, казаки обезврежены...»⁵³. 1 ноября в город вступили латышские стрелковые полки, вызванные Псковским ВРК из 12-й армии, прибытие которых предопределило окончательный исход вооруженной борьбы в Пскове. Опираясь на них, ревком вывел из города казачьи части и распустил Комитет спасения⁵⁴.

Чтобы объединить свои силы на Северном фронте и его тыловом районе, большевики 1 ноября воссоздали в Пскове Северо-Западный ВРК, который, как уже отмечалось, прекратил деятельность из-за ареста 27 октября его членов политическими противниками большевиков⁵⁵. Вновь образованный Северо-Западный ВРК потребовал немедленного роспуска по всей Северо-Западной области и на Северном фронте комитетов спасения, оказания самой энергичной поддержки Петроградскому ВРК, прекращения всякой отправки и срочного отозвания войск, посланных с фронта в поддержку А.Ф. Керенскому и удаления с постов всех лиц,

не признающих новой власти⁵⁶. Северо-Западный ревком направил своих комиссаров в штаб Северного фронта и взял его деятельность под контроль.

Главкомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В.А. Черемисов вынужден был подчиниться власти Северо-Западного ВРК. Чтобы приостановить движение воинских частей на Петроград, Северо-Западный ВРК приказал разобрать железнодорожную линию на участке севернее Пскова. Вот что об этом доносил Черемисов 5 ноября в телеграмме в Ставку временно исполняющему обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину: «я вам донес, что... части 3-й Финляндской и 35-й дивизии продвинуты в Лугу, что, однако, выполнить не удалось, так как образовавшимся в Пскове Областным военно-революционным комитетом были разобраны пути у ст. Торошино и в 10 верстах от Пскова, севернее города, причем разобранные пути охранялись вооруженными частями, высланными Северо-Западным военно-революционным комитетом. Целый день переговоров 4 ноября и убеждений пропустить эшелоны в Лугу не привели ни к каким результатам»⁵⁷. Аналогичное сообщение поступило и от генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майора В.Л. Барановского 5 ноября в адрес Комитета спасения родины и революции в Петроград. «Наши армии определенно высказались за непосылку войск ни той, ни другой стороне, — доносил генкварсев, — причем образовавшиеся в Двинске, Валке, других пунктах и особенно в Пскове военно-революционные комитеты старательно соблюдают эту позицию, не пропуская никаких эшелонов севернее Пскова»⁵⁸.

По инициативе местных большевистских организаций 6 ноября в Пскове состоялась конференция военно-революционных комитетов Северо-Западной области и Северного фронта, посвященная задачам ВРК ⁵⁹. На ней присутствовали делегаты от военно-революционных комитетов 42-го отдельного армейского корпуса, 5-й, 12-й армий и ВРК около 20 гарнизонов Северного фронта — Ревеля, Юрьева (Тарту), Валка, Люцина (Лудза), Пскова, Луги, Торопца, Режицы (Резекне), Порхова, Ямбурга, Нарвы, Острова, Витебска и др.⁶⁰ Конференция поручила всем военно-революционным комитетам организовать перевыборы местных советов там, где преобладали эсеры и меньшевики; «установить строгий контроль над всеми средствами связи», а также «установить свой контроль на железных дорогах»; взять под контроль действия военных властей; назначить комиссаров гарнизонов и частей и др.⁶¹ Конференция, несомненно, сыграла важную роль в консолидации всех большевистских сил Северного фронта и его тылового района в борьбе за власть на северо-западе России.

Таким образом, власть в тыловом районе Северного фронта была взята большевиками достаточно быстро и относительно бескровно. При этом, как было показано, главная сложность для них заключалась в том, что наряду с борьбой за власть в этом регионе ВРК 42-го отдельного армейского корпуса, ВРК Эстонского края, ВРК Северо-Западной области и Псковский ВРК много сил и энергии были вынуждены тратить на борьбу с выступлением Керенского—Краснова, а также помогать Петроградскому ВРК.

12-я армия. Ближе всех других армий Северного фронта к Петрограду была расположена 12-я армия. Политическая обстановка в канун Октября здесь была весьма слож-

ная. Дело в том, что в 12-й армии фактически существовало два центра — находившийся под руководством эсеров и меньшевиков Исполнительный комитет совета солдатских депутатов 12-й армии (Искосол) и созданный еще в июле руководимый большевиками левый блок частей, куда входили Исполнительный комитет совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел — военная организация большевиков этой армии) и ВРК района 12-й армии.

Как только в 12-ю армию пришло известие о взятии большевиками власти в Петрограде, армейская военная организация большевиков в экстренном выпуске своей газеты «Окопный набат» 26 октября призвала солдатские массы поддержать большевистское восстание в столице, сохранять дисциплину и сплоченность, выполнять приказы только военной организации большевиков, действующей в контакте с Петроградским ВРК ⁶². В этот же день начал легально действовать созданный еще накануне Октября большевистский ВРК района 12-й армии. Объявив себя органом власти, он обратился к солдатам с манифестом, в котором призывал не допустить посылки войск из армии на помощь Временному правительству⁶³. Газета «Окопный набат» 28 октября известила солдатские массы армии о том, что «почти во все войсковые части посланы комиссары» ⁶⁴. Таким образом, борьба большевиков за власть в 12-й армии поначалу носила организованный характер.

Учитывая исключительно важное стратегическое значение 12-й армии, Петроградский ВРК направил на помощь ее большевистской военной организации своих эмиссаров. Прибыв на место, они были тут же введены в состав ВРК района 12-й армии⁶⁵. Большевики 12-й армии неустанно призывали солдат не исполнять приказов

командования о передвижении войск⁶⁶. Печатный орган большевиков 12-й армии газета «Окопная правда» на своих страницах также настраивала солдат против командования⁶⁷.

В свою очередь, командование намеревалось создать в тыловом районе 12-й армии — в городах Вендене (Цесис), Вольмаре (Валмиера), а также в Валке (где дислоцировался штаб армии) и других важнейших пунктах — ударные группировки из верных Временному правительству частей армии. Так, в районе Валка были сосредоточены казачьи части, три кавалерийские дивизии, 5-й броневой дивизион, ударные батальоны и другие части⁶⁸. Благодаря этому там 27 октября был создан Комитет спасения родины и революции, который ультимативно предложил Псковскому ВРК, являвшемуся фронтовым большевистским центром: «первое — снять караулы, поставленные в учреждениях; второе — немедленно распустить себя как самозванно-заговорщицкую организацию»⁶⁹. Командующий 12-й армией генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович вызвал дополнительно в Валк верные Временному правительству части⁷⁰.

Между тем большевики принимали ответные меры. Согласно изданному приказу ВРК района 12-й армии распропагандированные ими 1-й Усть-Двинской и 3-й Курземский латышские стрелковые полки 27 октября заняли Венден, а 6-й Тукумский и 7-й Бауский латышские стрелковые полки 29 октября — Вольмар⁷¹. В результате вся железнодорожная линия от Вендена до Вольмара оказалась в руках ВРК района 12-й армии. На железнодорожных станциях был установлен большевистский контроль над передвижением воинских эшелонов. Снять и двинуть какую-либо воинскую часть на помощь Керенскому—Краснову,

ни штаб 12-й армии, ни эсэро-меньшевистский Искосол после этого уже не могли.

Таким образом, к концу октября большевистский ВРК района 12-й армии практически распространил свою власть на всю территорию этой армии. Его признавало большинство воинских частей, под его контролем находились основные коммуникации и стратегически важные пункты тыла 12-й армии, за исключением Валка. Находившийся здесь штаб 12-й армии и Искосол оказались на положении осажденных и не представляли для большевиков серьезной опасности. Сложившаяся обстановка позволила ВРК района 12-й армии даже отправить в начале ноября на помощь Петроградскому ВРК 6-й Тукумский латышский стрелковый полк и сводный батальон, сформированный из солдат-латышей⁷².

Одновременно с борьбой за власть большевики 12-й армии пытались создавать ревкомы. Особенно успешной их деятельность была в латышских стрелковых полках, распропагандированных еще в дооктябрьский период. В обеих латышских стрелковых бригадах — 1-й и 2-й — созданные большевиками военно-революционные комитеты брали власть в свои руки. 31 октября начальник штаба 12-й армии генерал-майор А.А. Посохов сообщил об этом в штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. «В латышских частях самочинно образовались военно-революционные комитеты, — писал генерал, — захватившие управление полками и арестовавшие многих офицеров. Обе бригады подчиняются только приказам Военно-революционного комитета»⁷³.

Искосол, находившийся в Валке под охраной ударного батальона, вступил в переговоры с ВРК района 12-й армии, в ходе которых предложил созвать Большой совет

12-й армии. С 28 по 31 октября в Вендене, где находился ВРК района 12-й армии, заседал Большой совет, заменивший в этой армии армейский съезд⁷⁴. В президиум было избрано семь человек, в том числе трое большевиков. Председателем сначала выдвинули председателя ВРК района 12-й армии большевика С.М. Нахимсона. Однако затем правым эсерам удалось провести свою кандидатуру — М.А. Лихача⁷⁵.

Совет раскололся на левый и правый блоки. Незначительным большинством голосов (248 против 243) была принята резолюция о поддержке СНК. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы, составлявшие правый блок, опротестовали результаты голосования; большевики и левые эсеры, входившие в левый блок, покинули зал заседания⁷⁶. Тем не менее после достижения договоренности между блоками было решено образовать объединенный Искосол. Левый блок предложил не выбирать ни одного из прежних членов Искосола. Договорились сформировать временный комитет на паритетных началах, в который вошли по 22 человека от левого и правого блоков. Были избраны два председателя: от правого блока — правый эсер М.А. Лихач и от левого — большевик С.П. Медведев⁷⁷.

Таким образом, главный вопрос о власти решен не был. Тогда большевики добились решения о созыве в ближайшее время нового армейского съезда. Избранный временный исполнительный комитет 12-й армии занял позицию строгого нейтралитета. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что в Валке, где находился штаб 12-й армии и армейский Искосол, дислоцировались не признававшие новой власти воинские части, что затрудняло большевикам задачу ликвидации последних очагов сопротивления местного командования, Искосола и Коми-

тета спасения родины и революции в районе 12-й армии. Этому способствовало и то, что в результате выборов меньшевики и эсеры имели на съезде большинство, хотя и незначительное⁷⁸.

Приблизительно такое же соотношение сторонников и противников большевиков было в частях и соединениях армии. Около половины войсковых комитетов, особенно низшего звена (ротных и полковых), поддержало левый блок и ВРК района 12-й армии⁷⁹. В ответ на положительное отношение части солдатской массы к большевистским ревкомам, ВРК района 12-й армии 2 ноября принял постановление о пополнении своего состава представителями от воинских частей и местных тыловых организаций: «по одному от каждой пехотной и кавалерийской дивизии, от артиллерийской бригады и каждой отдельной инженерной части 12-й армии, союза ж[елезно] /д[орожных] и союза почтово-телеграфных служащих, Исколата (Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. — С.Б.) и Видземского земельного совета»⁸⁰.

Придавая большое внимание развертыванию борьбы за власть в 12-й армии, В.И. Ленин в первых числах ноября принял отъезжающего в 12-ю армию в качестве эмиссара Петроградского ВРК К.А. Гайлиса и дал ему указания о быстрейшем завершении взятия власти в этой армии. С мандатом эмиссара Петроградского ВРК Гайлис прибыл в Венден и был введен в состав ВРК района 12-й армии. Ознакомившись с обстановкой, он сообщил в Петроградский ВРК: «Сейчас на очереди вопрос о захвате штаба 12-й армии»⁸¹. В тот момент этот вопрос действительно был весьма актуальным, так как правый блок армейского съезда вместе со штабом 12-й армии стал энергично организовывать в Валке антибольшевистские силы⁸².

По приказу ВРК района 12-й армии для нанесения удара по созданной правым блоком группировке в Валке и занятия города была сформирована боевая группа из распропагандированных большевиками 6-го Тукумского латышского стрелкового полка, 2-го батальона 436-го пехотного Новолодожского полка и батареи тяжелой артиллерии. Осуществлять общее руководство этой группой ревком поручил председателю бюро Военной организации социал-демократии Латвии А.Г. Васильеву⁸³. Военным руководителем отряда был назначен сочувствующий большевикам командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка полковник И.И. Вацетис. По разработанному им плану предусматривалось заключить мирное соглашение с дислоцированными в тылу армии эстонскими воинскими частями и нейтрализовать 17-ю кавалерийскую дивизию, охранявшую подступы к Валке, а затем вооруженной силой подавить ударный батальон⁸⁴.

4 ноября сформированная боевая группа выступила из Вендена в сторону Валка⁸⁵. Узнав об этом, правый блок Искосола направил из Валка 5 ноября войсковым комитетам ряда частей и соединений 12-й армии телеграмму, в которой требовал принять меры против продвижения боевой группы И.И. Вацетиса. По отношению к ВРК района 12-й армии в телеграмме содержалась угроза, что если «дальнейшее передвижение полков со стороны Военно-революционного комитета будет продолжаться», то «в гор. Валк будет введено 3 пех[отных] полка и дивизион артиллерии»⁸⁶. Однако войсковые комитеты на требование правого блока Искосола не прореагировали, а угроза ввести в Валк дополнительные воинские части так и осталась на бумаге, так как на ее исполнение времени уже не было.

Боевая группа Вацетиса беспрепятственно продвигалась к Валку, без кровопролития занимая станцию за станцией. Ударный батальон под угрозой окружения был вынужден оставить город, и 7 ноября боевая группа без боя вошла в Валк. В первую очередь она заняла железнодорожную станцию, телеграф, почту, здания, где размещались Искосол, штаб 12-й армии и другие учреждения⁸⁷. ВРК района 12-й армии даже выразил 6-му Тукумскому латышскому стрелковому полку и 2-му батальону 436-го пехотного Новолодожского полка благодарность за «взятие» Валка, а также «всем лицам, содействовавшим этой операции»⁸⁸. Здесь следует заметить, что кровопролития удалось избежать только благодаря нейтралитету солдат местного гарнизона, которые не желали развязывания гражданской войны в самой 12-й армии. Однако несмотря на мирный исход «операции», ВРК района 12-й армии произвел аресты среди командного состава и членов правого блока Искосола⁸⁹.

После занятия боевой группой Вацетиса Валка соотношение политических сил в городе сразу же изменилось в пользу большевиков. Фактически уже с этого момента руководство перешло к левому блоку Искосола. Левый блок подготовил созыв Чрезвычайного армейского съезда 12-й армии, который проходил в Валке 14—15 ноября. Из 545 делегатов съезда около 400 были большевиками и им сочувствующими. Съезд одобрил все мероприятия новой власти и избрал практически большевистский Искосол (из 60 членов вновь избранного армейского комитета 48 представляли левый блок). Председателем был избран большевик С.М. Нахимсон, товарищем председателя — большевик Я.Ф. Фабрициус. Искосол, впоследствии переименованный в совет солдатских депутатов 12-й армии,

объявил себя единственной властью в районе расположения армии⁹⁰.

Совет народных комиссаров назначил Нахимсона также комиссаром 12-й армии. Новый Искосол предложил провести перевыборы солдатских комитетов там, где они находились в руках эсеров и меньшевиков. Комиссары Временного правительства устранились из армии, и солдатским комитетам было предложено избрать новых комиссаров, стоящих на точке зрения левого блока. Большинство бригадных, дивизионных и корпусных съездов, прошедших вслед за Чрезвычайным армейским съездом, заявило о признании большевистского Искосола. Таким образом, в середине ноября большевистский контроль был установлен над большинством частей и соединений 12-й армии.

1-я армия. Более сложным было положение большевиков в соседней 1-й армии, дислоцировавшейся в центре Северного фронта. Здесь у них не было централизованной военной организации; партийную работу вели большевистские группы и отдельные члены партии. Одной из основных причин такого положения было то, что армия была вновь сформирована лишь в начале октября, и к кануну Октября большевистская организация там еще не сложилась. Поэтому командование Северного фронта возлагало на 1-ю армию особые надежды. Однако в течение первого месяца пребывания на Северном фронте многие ее части и соединения достаточно быстро были распропагандированы большевиками, а командование так и не нашло здесь надежных частей для оказания помощи Временному правительству.

26 октября в местечке Альт-Шваненбург (Гулбене), где размещался штаб 1-й армии, состоялось экстренное заседание армейского исполнительного комитета (армискома), провоз-

гласившее решение о признании новой власти. В принятой на нем резолюции говорилось, что армиском объявляет себя революционным комитетом, берет в свои руки контроль над деятельностью командного состава, устраняет комиссариат Временного правительства и предлагает корпусным и дивизионным комитетам назначить из своего состава комиссаров и командиров корпусов и дивизий⁹¹. Из членов армискома была образована особая комиссия, которая стала именовать себя ВРК⁹². В тот же день, 26 октября, комиссар Временного правительства на Северном фронте В.С. Войтинский сообщил в Ставку, что «в 1-й армии плохо, там армиском провозгласил себя Военно-революционным комитетом», и в связи с этим сетовал на то, что «распространить в 1-й армии приказ Керенского... пока не удастся»⁹³.

Однако уже на другой день, 27 октября, армиском и выделенный из его состава ВРК изменили свою тактику и встали на позицию нейтралитета, так как состав этих организаций был в основном эсеро-меньшевистский. Так, узнав о приказе А.Ф. Керенского послать ему на помощь из 1-й армии 23-й Донской казачий полк, армиском постановил «не давать войск ни одной из борющихся сторон, впредь до разрешения этого вопроса II армейским съездом», а Керенскому было заявлено, что 1-я армия «вряд ли может выделить значительный отряд» для его войска⁹⁴. Через день, 29 октября, под давлением эсеро-меньшевистского большинства армиском 1-й армии принял постановление, в котором говорилось: «1. Считать армиском органом, руководящим всей политической жизнью в армии; 2. Власть Военно-революционного комитета (Петроградского. — С.Б.) не признавать; 3. Все приказы, изданные Военно-революционным комитетом, отменить; 4. Комиссаров ВРК в армию не допускать»⁹⁵.

Созванный по настоянию большевиков II Чрезвычайный армейский съезд 1-й армии состоялся в Альт-Шваненбурге 30 октября — 6 ноября. На нем присутствовало 258 делегатов, из которых было 134 большевика и сочувствующих им, 112 левых эсеров и около 20 меньшевиков-интернационалистов⁹⁶. В новый состав армискома вошло 60 человек, в том числе 35 большевиков, 19 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов. Председателем был избран большевик Войтов⁹⁷. В выработанном съездом воззвании к фронту провозглашалось: «Власть Керенского считаем низложенной, просим присоединиться к 1-й армии и оказать поддержку Военно-революционному комитету (Петроградскому. — С.Б.)»⁹⁸. На второй день работы съезда, 31 октября, была оглашена телеграмма Керенского с требованием направить ему на помощь войска. Съезд единогласно постановил ни одной части не посылать⁹⁹.

В принятой съездом по предложению большевиков резолюции заявлялось, что «войска 1-й армии готовы поддержать всеми имеющимися в их распоряжении средствами новую Советскую власть с Военно-революционным комитетом»¹⁰⁰. Однако относительно вопроса о власти в ней отмечалось (по предложению левых эсеров), что съезд требует в дальнейшем создание «однородно-социалистического» правительства¹⁰¹. Фактическое преобладание эсеров и меньшевиков на съезде проявилось также в отношении делегатов съезда к советским комиссарам, назначенным в 1-ю армию Петроградским ВРК. Так, делегат съезда председатель крестьянской секции левый эсер С. Коржев сообщил, что «5 ноября нам были присланы комиссары от Военно-революционного комитета, которых съезд не принял, а избрали своих, которых отправили в Петроград для утверждения»¹⁰².

О том же доносил 11 ноября в Ставку исполняющий обязанности комиссара Временного правительства 1-й армии поручик Себов: «Съезд не признал посланных революционным комитетом (Петроградским ВРК. — С.Б.) комиссаров, заслушав их программу действий и видимо имея представление об их работе. Вместо них съезд пожелал иметь выборного комиссара... Избранный комиссар отправился в Петроград для утверждения, таким образом предоставив продолжать дела»¹⁰³. Следует также отметить, что под давлением эсеров и меньшевиков съезд так и не создал армейский ВРК.

Однако в частях 1-й армии процесс создания ревкомов все же начался. Особенно интенсивно он протекал в 1-й Кавказской стрелковой дивизии, входившей в состав 28-го армейского корпуса. 16 ноября на пленарном заседании дивизионного комитета было принято решение о создании ВРК. В нем отмечалось: «Признавая Советскую власть в центре и на местах в лице народных комиссаров мы постановили организовать Военно-революционный комитет при всех частях дивизии, вне зависимости от наличного состава команды, которые и должны взять всю полноту власти в свое ведение»¹⁰⁴. Вскоре во исполнение этого решения ревкомы были созданы и в других частях дивизии — в 1-м Кавказском стрелковом полку¹⁰⁵, перевязочном отряде¹⁰⁶.

Окончательно положение в армии изменилось в пользу большевиков на состоявшемся в середине ноября III армейском съезде. Новый состав армискома, где преобладали большевики, вторично возглавил солдат-большевик А.Н. Войтов. Съезд также признал назначенных Петроградским ВРК советского комиссара 1-й армии большевика Д.Н. Аврова и его помощника большевика В. Кашицина¹⁰⁷. Следует заметить, что в отличие от 5-й и 12-й ар-

мий Северного фронта, в 1-й армии армейский ВРК так и не был образован. Поэтому функции ВРК — контроль за деятельностью командного состава, средствами передвижения и другие — исполнялись армискомом. Кроме того, армиском выделил «из своего состава боевую комиссию, которой поручил организацию сил в армии для борьбы с контрреволюцией»¹⁰⁸.

17 ноября армиском утвердил положение об организации комиссариата 1-й армии¹⁰⁹ и начал назначать в ее части и соединения советских комиссаров¹¹⁰, а 22 ноября принял решение о расформировании ударных батальонов¹¹¹. И уже 5 декабря товарищ председателя армискома В. Осовский доложил комиссару Военно-политического отдела Ставки И.А. Апетеру об установлении полного большевистского контроля над 1-й армией¹¹².

Кроме того, военно-революционные комитеты 1-й армии приняли участие и в борьбе за власть в тыловом районе Северного фронта. Так, на заседании ВРК 1-й Кавказской стрелковой дивизии, состоявшемся 12 декабря, был заслушан доклад о действиях вооруженного отряда, посланного дивизионным ВРК в Ржев. После доклада было принято постановление: «оставить боевой отряд вышеозначенной дивизии в г. Ржеве до тех пор, пока мирное положение города будет окончательно восстановлено»¹¹³. В заключение следует добавить, что части 1-й армии по приказу большевистского армискома приняли также участие в подавлении антибольшевистского восстания на Дону. Одной из первых туда была отправлена 4-я кавалерийская дивизия, комиссаром которой был назначен Сенотрусов¹¹⁴.

5-я армия. Установление большевистского контроля в армиях Северного фронта происходило не одновременно. Наиболее быстрыми темпами он был введен в 5-й армии,

занимавшей левый фланг фронта, поскольку еще накануне Октября значительная часть солдатских комитетов, в том числе и армейский, были переизбраны и встали на большевистские позиции¹¹⁵.

Штаб армии и армейский исполнительный комитет (армиском) находились в Двинске (Даугавпилс). В ночь на 25 октября делегация большевиков II Всероссийского съезда Советов от 5-й армии, возглавляемая председателем армискома Э.М. Склянским, отправила в армейский исполнительный комитет и Двинский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов телеграмму, в которой сообщала о событиях в Петрограде и требовала от большевистских фракций армискома и совета решительных действий¹¹⁶. С получением телеграммы было принято решение оказать помощь Петроградскому ВРК¹¹⁷. Затем фракция большевиков армискома вызвала по прямому проводу Петроградский ВРК, сообщила о своем решении и предложила ему помощь продовольствием и вооруженной силой. ВРК ответил, что в данный момент помощь не требуется, но просил «быть наготове, чтобы поддержать в случае надобности»¹¹⁸.

Утром 25 октября на экстренном заседании армискома по предложению фракции большевиков было вынесено решение о посылке в случае необходимости вооруженного отряда, который намечалось формировать из числа сочувствующих большевикам солдат 5-й армии¹¹⁹. Численность его планировалось довести до дивизии¹²⁰. Затем решение армискома 5-й армии было направлено телеграммой Петроградскому совету и всем фронтовым и армейским комитетам¹²¹. 27 октября текст этой телеграммы опубликовал в своей газете армиском соседней 1-й армии. Он гласил: «5-я армия пошлет отряд под командою ар-

мискома для поддержания революционного порядка, но отряд этот ни в коем случае не будет применен для подавления революции, а лишь для защиты ее; 5-я армия будет всеми силами протестовать против возможности продовольственной блокады Петрограда и призывает все армии поддержать ее протест против блокады Петрограда, если власть перейдет уже в руки Советов. Эта резолюция принята единогласно на общем собрании армискома 5 по вопросу о событиях в Петрограде и об отношении к ним»¹²². Таким образом, большевики 5-й армии первыми предложили оказать вооруженную помощь Петроградскому ВРК.

Состоявшееся на другой день, 26 октября, объединенное заседание исполкома Двинского совета и армискома приняло решение об организации двух военно-революционных комитетов. Один предназначался для Двинска и уезда, а другой — для армии¹²³. И уже вечером только что организованный армейский ВРК отправил телеграмму, адресованную всем солдатским комитетам 5-й армии. В ней сообщалось, что «армиском образовал Военно-революционный комитет в 5-й армии, который рассылает в корпуса своих комиссаров, а Совет р., с. и к. д. гор. Двинска образовал Военно-революционный комитет для Двинска и Двинского уезда...»¹²⁴.

Создание двух ревкомов, по существу, на территории одной армии распыляло силы большевиков. К тому же наиболее опытная, руководящая, их часть, как уже отмечалось, в это время находилась в Петрограде на II Всероссийском съезде Советов. Обстановка для большевиков осложнялась еще и тем, что, наряду с ними, в ревкомы были избраны также представители партий эсеров и меньшевиков. Эсеры и меньшевики, вошедшие в состав ВРК 5-й армии, всяче-

ски саботировали предложения большевистской фракции об оказании реальной помощи Петроградскому ВРК (посылка продовольствия, оружия, вооруженного отряда), к тому же старались провести резолюции, направленные на сохранение нейтралитета армии по отношению к событиям в Петрограде¹²⁵.

Однако следует отметить, что значительная часть солдатских комитетов была переизбрана и встала на большевистские позиции еще накануне Октября. Возглавлявшие их большевики уже в первые послеоктябрьские дни собирали заседания комитетов, на которых принимались решения об оказании вооруженной помощи Петроградскому ВРК. В частности, 26 октября это имело место в 76-й пехотной дивизии, 479-м пехотном Кадниковском полку, а 27 октября — на заседании полкового комитета 551-го пехотного Велико-Устюжского полка, на совещании полкового комитета 15-го уланского Татарского полка, 29 октября — на заседании полковых и дивизионных комитетов 70-й пехотной дивизии, объединенном заседании частей 120-й пехотной дивизии и др.¹²⁶ В 480-м пехотном Даниловском полку на экстренном заседании комитета 29 октября заслушали доклад по данному вопросу и постановили сформировать сводный батальон из личного состава полка, для чего выделили три роты и одну пулеметную команду. Во главе сводного батальона был поставлен член комитета 14-го армейского корпуса солдат Калмыков¹²⁷. Большую инициативу в создании вооруженного отряда проявили большевики 278-го пехотного Кромского полка¹²⁸. Уже 29 октября отряд был сформирован. Его составили 12 батальонов с пулеметами, кавалерией и артиллерией¹²⁹.

В тот же день, 29 октября, состоялось экстренное заседание армискома, посвященное обсуждению вопроса

о посылке вооруженного отряда в распоряжение Петроградского ВРК. Дело в том, что накануне, 28 октября, армиском 5-й армии получил радиограмму Петроградского ВРК за подписью Н.В. Крыленко с просьбой выслать «верные революционные полки» против войск Керенского—Краснова в Гатчине¹³⁰. После оглашения текста радиограммы большевистская фракция предложила послать вооруженный отряд в распоряжение Петроградского ВРК. Однако другие фракции настояли на том, чтобы отряд был «нейтральным»¹³¹. На следующий день, 30 октября, вновь состоялось заседание армискома, так как был получен приказ Петроградского ВРК по действующей армии: «На 5-ю и 12-ю армии, как ближайшие, ложится долг в первую очередь придти на помощь к Петрограду...»¹³². На этот раз эсеро-меньшевистским большинством была принята резолюция отряда не посылать — со ссылкой на саботаж железнодорожников¹³³. Но на состоявшемся в тот же день заседании большевистской фракции армискома было решено поручить перешедшему под руководство большевиков армейскому ВРК использовать вооруженный отряд для подавления антибольшевистских выступлений в самой 5-й армии и прилегающих к ней районах¹³⁴.

Еще 26 октября Петроградский ВРК издал предписание: «никакие передвижения войск в направлении Петрограда недопустимы. Все эшелоны войск,двигающиеся в этом направлении, должны быть немедленно приостановлены и задержаны в пути...»¹³⁵ В соответствии с этим указанием сформированный большевиками вооруженный отряд установил контроль над телеграфом и железнодорожным движением в районе Двинска. На крупные узловые станции — Витебск, Смоленск, Вязьма, Ржев, Лихославль, Бологое. Дно, Новосокольники, Великие Луки и

Режица (Резекне) — ревкомом 5-й армии были назначены советские комиссары, перед которыми стояла задача не пропускать верные Временному правительству войска, двигавшиеся к Петрограду¹³⁶.

В связи с появлением сведений о том, что в сторону Петрограда на помощь Керенскому направляются воинские части, армейский ВРК 26 октября отдал распоряжение разобрать железнодорожный путь Северо-Западной железной дороги между станциями Александровская и Ижора на протяжении 10 км¹³⁷. Кроме того, большевики армискома и ревкома 5-й армии не допустили выполнения распоряжения командования об отправке частей на помощь Временному правительству. Так, 30 октября командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев выделил для его защиты шесть броневиков из 1-го броневого дивизиона. Поскольку железнодорожная станция в Двинске находилась в руках армейского ВРК, броневики были отправлены по шоссе на находящуюся в 90 км от Двинска станцию Режица, где их предполагалось погрузить на железнодорожные платформы и отправить в Петроград¹³⁸. Но в Режице броневики были задержаны посланными армейским ревкомом частями вооруженного отряда и 31 октября отправлены обратно, а станция взята под охрану Режицкого ВРК¹³⁹.

Затем, как следует из отправленного 2 ноября в Ставку донесения главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии В.А. Черемисова, на станцию Новосокольники по распоряжению армейского ВРК были посланы части вооруженного отряда численностью около батальона, состоявшие из распропагандированных большевиками солдат 278-го пехотного Кромского полка. Это подразделение должно было преградить

путь верным Временному правительству войскам, следующим в Гатчину. И свою задачу оно выполнило — взяло под контроль станцию Новосокольники¹⁴⁰. Кроме того, армейским ВРК была сорвана попытка командования 5-й армии отправить казачьи части для установления контроля над Псковским железнодорожным узлом¹⁴¹.

В целом можно констатировать, что большевистский ревком 5-й армии сумел свести на нет все усилия командования оказать вооруженную поддержку Керенскому—Краснову. Как впоследствии об этом сообщал в ЦК РСДРП(б) заместитель председателя армискома, секретарь бюро военной организации большевиков этой армии штабс-капитан А.И. Седякин, армейскому ВРК «удалось поставить заставы на путях к Петрограду — Режица, Новосокольники и установить связь до Смоленска. Этим путем мы задержали три казачьих полка и 16 броневинов и бронированный поезд с определенно враждебным “настроением”»¹⁴².

Однако общее политическое положение большевиков 5-й армии после ликвидации выступления Керенского—Краснова было довольно сложным. Вот как охарактеризовал его в своих воспоминаниях член армейского ВРК, большевик Г.Я. Мерэн. Постоянная угроза исходила, во-первых, со стороны немцев, во-вторых, от находящейся неподалеку, в Могилеве, духонинской Ставки, кроме того, нечеткими были позиции войсковых армейских организаций 1-й и 12-й армий Северного фронта и 3-й армии Западного фронта, наконец, непростой представлялась обстановка внутри самой 5-й армии — наличие не признающего новой власти штаба армии, саботаж железнодорожных, интендантских и телеграфных чиновников¹⁴³.

К концу октября в Двинск возвратились большевики-делегаты II Всероссийского съезда советов. 30 октября по решению военной организации РСДРП(б) 5-й армии армейский ревком был реорганизован и перешел под большевистское руководство. В его состав вошли большевики И.М. Кригер, К.С. Рожкевич, Н.Д. Собакин, Г.Я. Мерэн, Л.В. Столовский и др. Председателем был избран секретарь бюро военной организации большевиков 5-й армии А.И. Седякин¹⁴⁴. Это сразу же придало деятельности армейского ВРК решительный характер. В тот же день в его руки перешли двинский телеграф и армейская радиостанция.

Затем по постановлению большевистской фракции армискома части вооруженного отряда, в основном составляющие его костяк сочувствующие большевикам солдаты 278-го пехотного Кромского полка, окружили здание, где располагался армиском, и предъявили ему ультиматум о сдаче дел. Под угрозой открытия огня армиском сложил с себя полномочия. Штаб армии большевистская фракция армискома захватывать не рискнула, но он фактически оказался в изоляции. Заметим, что командующий армией и его штаб были арестованы позднее, 12 ноября, по приказу прибывшего в Двинск нового советского Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко¹⁴⁵. Советским комиссаром 5-й армии был назначен член большевистской фракции армискома солдат Н.Д. Собакин¹⁴⁶. В итоге уже к началу ноября все наиболее важные армейские учреждения 5-й армии были в распоряжении армейского ВРК. Командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев в разговоре по прямому проводу 1 ноября с главнокомандующим армиями Северного фронта генералом от инфантерии В.А. Черемисовым так и заявил: «Двинск фактически в руках армискома»¹⁴⁷.

Через два дня армейский ВРК издал временный устав комиссаров 5-й армии. Первым пунктом в нем значилось — контролировать все действия командного состава¹⁴⁸. И уже в недельной сводке сведений штаба 5-й армии за 3—10 ноября, переданной в штаб Северного фронта, сообщалось, что «во всех частях армии избраны комиссары, действия которых контролируются армейским ВРК, выделенным из состава армискома»¹⁴⁹.

5 ноября председатель армейского ревкома А.И. Седякин от имени бюро военной организации большевиков 5-й армии писал в ЦК РСДРП(б): «На месте в V армии вся власть в наших руках. Комиссар армии и оба его помощника наши. В каждом резервном полку изготовлен один батальон на случай выступления в помощь вам... Если вам теперь понадобится помощь, то через 24 часа после радиограммы наш отряд будет под Петроградом, под Смоленском, в Великих Луках, где хотите»¹⁵⁰.

В первых числах ноября большевистский контроль был установлен не только в Двинске и на прифронтовой территории 5-й армии, но и в ее глубоком тылу. Из штаба Двинского военного округа впоследствии (11 ноября) доносили об этом в Ставку: «Все крупные гарнизоны и громадное большинство мелких встали на сторону большевиков, образовали военно-революционные комитеты и под их руководством предприняли целый ряд действий по оказанию активной поддержки Петроградскому военно-революционному комитету»¹⁵¹.

17 ноября армейский ВРК издал приказ, адресованный корпусным комитетам 14, 17, 19, 27, 37 и 45-го армейских корпусов, всем ротным, командным, батарейным, полковым, дивизионным комитетам и всем командирам частей и соединений 5-й армии для сведения и исполне-

ния. В нем провозглашалось: «Вся верховная власть в 5-й армии принадлежит Военно-революционному комитету при Армискоме 5. Военно-революционный комитет 5-й армии действует в полном согласии с Советом Народных Комиссаров»¹⁵². Иными словами, приказ армейского ВРК положил начало процессу перехода под большевистский контроль частей и соединений 5-й армии, который в основном закончился во второй половине декабря. Подтверждает его завершение телеграмма председателя армейского ВРК большевика И.М. Кригера (сменившего на этом посту А.И. Седякина), отправленная 24 декабря комиссару ВРК при Ставке И.А. Апетеру и сообщавшая о переходе власти в войсках армии к военно-революционным комитетам¹⁵³.

В заключение следует отметить, что победу большевиков в 5-й армии закрепил 4-й Чрезвычайный армейский съезд, проходивший в Двинске 18—20 ноября. На нем присутствовало 370 большевиков, 60 эсеров и 10 меньшевиков-интернационалистов. Председателем съезда был избран Э.М. Скланский, секретарем — солдат-большевик В. Рыжов¹⁵⁴. За резолюции, предложенные большевиками, голосовало подавляющее число делегатов¹⁵⁵. Съезд избрал новый армиском в составе 101 члена, три четверти из которых были большевики, а председателем его стал Скланский¹⁵⁶.

Таким образом, к середине ноября в основном завершился переход под большевистский контроль 12, 1 и 5-й армий, а также тылового района Северного фронта¹⁵⁷. В столь благоприятной для себя обстановке местные армейские большевики предприняли окончательное наступление на своих политических противников. 28 ноября в Пскове начал работу I съезд солдатских депутатов

Северного фронта. На нем присутствовало 552 делегата, из которых 307 были большевиками (56%), 127 — левыми эсерами (23%), остальные 118 (21%) — правыми эсерами и меньшевиками-оборонцами¹⁵⁸. Подобное соотношение свидетельствовало о главенствующей роли большевиков на съезде. Он поддержал политику советского правительства и избрал новый фронтовой комитет. В его состав вошло 46 человек, из них 26 большевиков, 11 левых эсеров и 1 делегат от казаков (8 мест было оставлено для представителей Балтийского флота)¹⁵⁹. Фронтовой комитет должен был контролировать и направлять деятельность высшего командного состава и руководящих учреждений фронта. Кроме того, на него возлагалась задача организовать управление Северным фронтом на коллегиальных началах. Во исполнение этого указания 2 декабря было организовано Управление Северного фронта (Управсев), в состав которого вошли большевики Б.П. Позерн, А.Д. Щербаков и левый эсер М.В. Крутов¹⁶⁰.

В середине декабря Исполнительный комитет Северного фронта (Искомсев) объединился с Исполнительным комитетом советов Северо-Западной области (Искоборсев) и образовал Верховный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Северо-Западной области и Северного фронта (Верхосев), который стал высшим органом новой власти на Северном фронте и прифронтовом районе. Впоследствии приказом Управления Северным фронтом от 23 января 1918 г. был образован Чрезвычайный военно-революционный штаб для борьбы с контрреволюцией. Он взял на себя функции ВРК Северного фронта, который вскоре был расформирован¹⁶¹.

ВЗЯТИЕ БОЛЬШЕВИКАМИ ВЛАСТИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Соседний с Северным фронтом — Западный (3, 10 и 2-я армии) — прикрывал московское направление. Линия фронта проходила по территории Белоруссии, штаб фронта находился в Минске. На Западном фронте, в отличие от Северного, была весьма тесная связь большевиков фронта и тыла. В Минске действовал созданный еще в сентябре Северо-Западный областной комитет РСДРП(б), объединивший большевиков Белоруссии и Западного фронта.

Уже 25 октября Исполнительный комитет Минского совета получил известие о событиях в Петрограде. В тот же день Минский исполком объявил о переходе к нему всей власти в городе¹⁶². Из местной тюрьмы освободили солдат, арестованных при Временном правительстве за антивоенные выступления, и из них сформировали 1-й революционный полк имени Минского совета. На следующий день, 26 октября, Минский совет установил контроль над штабом главнокомандующего армиями Западного фронта¹⁶³.

27 октября на совместном заседании Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), большевистских фракций Минского совета и фронтового комитета был образован большевистский ВРК Западного фронта и Западной области, в который вошли большевики К.И. Ландер (председатель), Н.В. Рогозинский (заместитель председателя), А.Ф. Мясников, В.Г. Кнорин, И.И. Калманович и другие руководители областной большевистской организации. В принятом на заседании обращении к солдатским комитетам и воинским частям указывалось, что ревком создан с целью «окончательной ликвидации авантюры Керенского и других контрреволюционеров, стремящихся захватить власть в свои руки»;

предлагалось «всем организациям и воинским частям от каждого революционного комитета, имеющегося при дивизии и корпусе или от дивизии и корпуса, немедленно делегировать по одному представителю во временный Военно-революционный комитет». Кроме того, в этом документе сообщалось, что «ядро Военно-революционного комитета уже образовалось в составе президиума Минского Совета рабочих и солдатских депутатов, бюро Областного комитета Советов Западной обл[сти], бывшей большевистской фракции Комитета съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западного фронта, представителей Минского районного железнодорожного комитета и представителей всех частей, расположенных в гор. Минске»¹⁶⁴.

Не меньшую активность в те дни проявили и политические противники большевиков. В ночь с 26 на 27 октября в Минске при штабе фронта и фронтовом комитете был создан Комитет спасения революции под председательством помощника комиссара фронта меньшевика Т.М. Колотухина. В его состав вошли представители эсеров и меньшевиков из фронтового комитета, Минского совета, совета крестьянских депутатов и штаба фронта. Фактически руководителем Комитета спасения революции стал комиссар Временного правительства на Западном фронте правый эсер В.А. Жданов, который вызвал с фронта в Минск верные Временному правительству воинские части. В город была введена 2-я Кавказская кавалерийская дивизия. Вместе с войсками, охранявшими штаб фронта, антибольшевистские силы насчитывали примерно 20 тыс. человек, в то время как в распоряжении большевистского фронтового ВРК имелось около 5 тыс. солдат.

Чтобы выиграть время и подтянуть с фронта сочувствующие им воинские части, большевики пошли на вре-

менное соглашение с Комитетом спасения революции. Согласно достигнутой договоренности к этому органу временно переходила власть в области и на фронте, но при условии, что он отказывается «от посылки и пропуска войск через Минск в Петроград и Москву». Для контроля за соблюдением данного соглашения в состав Комитета спасения революции было введено два члена фронтового ВРК ¹⁶⁵. Естественно, что заключенный компромисс не удовлетворил ни большевиков, ни их политических противников. Исход возникшего противостояния зависел от того, кого поддержат солдаты-фронтовики.

Тем временем Областной и Минский комитеты РСДРП(б) направили своих представителей на фронт за подкреплениями. Посланцы большевиков сформировали в распоряжении 2-й армии вооруженный отряд из сторонников новой власти, куда вошли батальон 6-го Сибирского стрелкового полка и бронепоезд под командованием большевика В.И. Пролыгина. В ночь на 2 ноября отряд прибыл в Минск. И на этот раз обошлось без кровопролития, так как воинские части, расположенные в городе, не желали втягиваться в гражданскую войну. Их нейтралитет был на руку минским большевикам, которые незамедлительно начали действовать. Уже 2 ноября фронтовой ВРК был ими реорганизован и пополнен представителями «Минского совета рабочих и солдатских депутатов, Областного комитета советов рабочих и солдатских депутатов, РСДРП (большевики) и бывшей большевистской фракции Фронтового комитета, военно-революционных комитетов фронта и области» (общая его численность превысила 25 членов)¹⁶⁶. В состав бюро ревкома вошли большевики К.И. Ландер (председатель), Н.В. Рогозинский (заместитель председателя), А.Ф. Мяс-

ников, В.С. Селезнев, М.И. Калманович, В.Н. Фрейман и Н.И. Кривошеин¹⁶⁷. При нем были образованы отделы: военный, хозяйственный, снабжения, организационный и связи, мандатный, информационный. Н.В. Рогозинский был избран председателем военного отдела, В.Н. Фрейман — заведующим отделом снабжения, М.И. Калманович — организационным отделом, В.С. Селезнев — информационным отделом¹⁶⁸.

Фронтowej ревком стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти на Западном фронте и его тыловом районе. 4 ноября ВРК фронта издал приказ № 3, в котором говорилось: «ввиду перехода всей власти на Западном фронте в руки Военно-революционного комитета предписывается всем учреждениям, организациям и лицам не исполнять ничьих распоряжений и приказов, за исключением приказов штаба в части чисто оперативной и боевой, кроме распоряжений Военно-революционного комитета»¹⁶⁹.

В тот же день фронтowej ревком издал еще два приказа. Приказом № 4 был снят с поста и арестован комиссар Временного правительства на Западном фронте В.А. Жданов, принимавший активное участие в создании Комитета спасения революции; приказом № 5 ВРК назначил своих комиссаров в штаб Западного фронта и во все управления и учреждения города, а также объявил о ликвидации фронтowej Комитета спасения революции. Во избежание враждебных действий по отношению к себе со стороны штаба главнокомандующего армиями Западного фронта фронтowej ревком взял под контроль все передвижения воинских частей¹⁷⁰.

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии П.С. Балув вынужден был подчиниться приказам ВРК фронта. В телеграмме от 5 ноября

командному составу фронта он предложил: «обратить все свое внимание и употребить все силы на то, чтобы удержать войска на фронте и без вызова Революционного комитета не допускать самочинных перевозок и передвижений их, пользуясь для этого влиянием образовавшихся в армиях военно-революционных комитетов»¹⁷¹.

Однако генерал лишь формально признал власть фронтового ревкома. На деле руководимый им штаб фронта продолжал исполнять все распоряжения, поступающие из Ставки Верховного главнокомандующего. Вокруг штаба были сосредоточены антибольшевистски настроенные воинские части — отряд в составе двух ударных рот при 16 пулеметах, три эскадрона польских улан из 1-го Польского корпуса легионеров генерал-лейтенанта И.Р. Довбор-Мусницкого и другие. Для ликвидации этой группировки фронтовой ВРК сосредоточил в городе силы, достаточные для захвата штаба фронта, в том числе два запасных полка, 1-й революционный полк имени Минского совета, батальон 60-го Сибирского стрелкового полка, отряд бронемашин и бронепоезд¹⁷².

12 ноября на основании предписаний Совнаркома фронтовой ревком предложил Балуюеву немедленно приступить к переговорам о перемирии, однако в связи с категорическим отказом последнего в тот же день издал приказ № 11, который гласил: «Ввиду отказа главнокомандующего армиями Западного фронта генерала от инфантерии Балуюева подчиниться власти существующего народного правительства именем правительства народных комиссаров Военно-революционный комитет Западного фронта предписывает ему сдать дела». И далее: «Временно командующему 12-м Туркестанским стрелковым полком подполковнику Каменщикову принять от генерала Балуюе-

ва должность и штаб и временно вступить в исполнение обязанностей главнокомандующего армиями Западного фронта»¹⁷³. В тот же день председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), член фронтового ревкома А.Ф. Мясников телеграфировал В.И. Ленину: «В Минске завершен революционный переворот. Главкозап Балугев снят, штаб фронта в руках ВРК. Новый главнокомандующий вступил в исполнение своих обязанностей, и работа в штабе идет нормально»¹⁷⁴.

Одновременно фронтовой ревком осуществил ряд мер по упрочению своей власти на территории Западной области и фронта. За «антибольшевистскую деятельность» был распущен фронтовой комитет Всероссийского земского союза, закрыта газета «Минская искра», а также реорганизована городская милиция¹⁷⁵. Кроме того, ВРК фронта объявил сформированными все Комитеты спасения на территории Западной области и фронта. К тому же по инициативе и активной поддержке фронтового ревкома в городах и сельской местности создавались красногвардейские отряды¹⁷⁶.

2-я армия. В армиях фронта созданные большевиками ревкомы, хотя и не без борьбы с эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами и командованием, брали власть в свои руки. Наиболее быстрыми темпами этот процесс шел во 2-й армии, где членами бюро местной военной организации большевиков в конце октября был создан ревком. Для взятия власти они вызвали с фронта в город Несвиж, где располагался штаб армии, большевизированный 32-й Сибирский стрелковый полк и с его вооруженной поддержкой взяли под контроль все важные объекты города. «С этого момента, — вспоминал член армейского ревкома большевик Н.Г. Петров, — бюро фракции нашей партии по существу превратилось в военно-революционный ко-

митет, от имени которого делались в дальнейшем выступления, печатались обращения, в решающие минуты отдавались все распоряжения»¹⁷⁷.

На состоявшемся в Несвиже 1—3 ноября 2-м Чрезвычайном съезде 2-й армии ранее существовавший армейский ревком был избран официально, хотя свои приказы издавал еще до съезда и до своего избрания. В отчете большевистской газеты «Звезда» сообщалось, что при открытии съезда старый армейский комитет сам сложил свои полномочия перед съездом. В состав армейского ревкома вошли 12 человек, в том числе большевик поручик Н.В. Рогозинский (председатель), большевики Р.И. Берзин, Н.Г. Петров и другие. Следует отметить, что Рогозинский был избран также председателем армейского исполнительного комитета. В качестве же командующего 2-й армией на съезде был утвержден сочувствующий большевикам поручик А. Киселев¹⁷⁸.

В принятой съездом декларации отмечалось, что «комиссар Временного правительства и его помощники объявляются отстраненными от должности, и потому ни одно их распоряжение исполнению не подлежит. Для ликвидации дел этих комиссаров назначается представитель Петроградского военно-революционного комитета солдат Ковач». Войсковым комитетам предоставлялось право политического руководства, использование вооруженной силы для решения гражданских задач и выдвижение кандидатов на соответствующие командные должности. Для упорядочения работ всех комитетов 2-й армии было решено создать комиссариат¹⁷⁹.

Получив из рук съезда всю власть в армии, армейский ВРК немедленно приступил к исполнению своих обязанностей. В первом же приказе от 2 ноября ревком рас-

порядился «освободить немедленно всех политических арестованных в районе 2-й армии», а офицеров, не подчинившихся военно-революционному комитету, «немедленно отстранить от должности и арестовать»¹⁸⁰. 4 ноября в приказе № 2 армейский ВРК, обращаясь ко всем частям армии, призвал к установлению строгого порядка в районе 2-й армии и борьбе с погромами, грабежами и насилиями в прифронтовой полосе¹⁸¹.

В это время в корпусах 2-й армии власть также переходила в руки большевистских военно-революционных комитетов. Так, в сводке донесений о настроении в войсках за время с 15 до 30 ноября, поступившей из действующей армии в Управление помощника начальника Штаба Верховного главнокомандующего сообщалось: «В 3-м Сибирском [армейском] корпусе 2-й армии вся власть перешла в руки Военно-революционного комитета, над командным составом установлен контроль, выделена особая оперативная комиссия»¹⁸². По приказу ревкома этого корпуса за неподчинение его распоряжениям был арестован начальник 15-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор Буйвид и отстранены от должности три офицера 59-го Сибирского стрелкового полка¹⁸³.

Еще раньше, 2 ноября, в сводке о настроении в войсках Западного фронта сообщалось, что «в частях Гренадерского корпуса, в особенности в комитетах, наблюдается полное торжество большевиков. Обе дивизии в соединенных заседаниях полковых, бригадных и равных им комитетов вынесли большевистские постановления, подкрепив их обещанием поддержать штыками. Одновременно вынесли недоверие корпусному комитету, и параллельно ему создан временный Революционный комитет»¹⁸⁴. Во главе корпусного ревкома встал председатель солдатского комитета

корпуса Е. Конобеев, секретарем был избран Рак. В приказе № 1 корпусного ревкома доводился до сведения и исполнения приказ № 1 ВРК 2-й армии и сообщалось, что комиссаром Гренадерского корпуса назначен солдат Воробьев, а его помощником — прапорщик Евтушенко¹⁸⁵. 29 ноября Воробьев доносил комиссару Военно-политического отдела при Ставке И.А. Апетеру о переходе власти в корпусе к военно-революционным комитетам: «В Гренадерском корпусе вся полнота власти перешла в руки комитетов согласно декларации второго съезда депутатов 2-й армии»¹⁸⁶.

В начале ноября власть перешла в руки ревкома в другом корпусе 2-й армии — 9-м армейском. В донесении члена исполнительного комитета корпуса в Петроградский ВРК сообщалось, что на состоявшемся 2 ноября 2-м корпусном съезде старый корпусной солдатский комитет сложил с себя полномочия и был избран большевистский ревком корпуса¹⁸⁷. Участие в создании этого органа принял прибывший в распоряжение корпуса для агитации член ВРК 2-й армии большевик Н.Г. Петров¹⁸⁸.

Подобным образом развивались события и в 50-м армейском. Об этом сообщил 30 ноября председатель корпусного ревкома Арсеньев в телеграмме комиссару Военно-политического отдела при Ставке И.А. Апетеру: «Со дня переворота комитеты (военно-революционные. — С.Б.) без борьбы революционным путем взяли власть. Командный состав контролируется комиссариатами и комиссиями»¹⁸⁹. Таким образом, в течение лишь одного месяца — ноября — во всех четырех корпусах 2-й армии власть практически без сопротивления перешла в руки большевистских военно-революционных комитетов.

Ревком 2-й армии оказывал помощь в наведении порядка и в тыловом районе армии. В изданном в начале дека-

бря приказе он предписывал расположенным там частям исполнять все требования местных «советов и оказывать им полное содействие в подавлении погромов, грабежей и проч[их] контрреволюционных выступлений, давать в распоряжение Советов вооруженную силу для охраны и восстановления порядка на железных дорогах, для производства контроля над проезжающими (воинскими эшелонами. — С.Б.). Корпусным и дивизионным комитетам оказывать Советам полное содействие в деятельности их направленной против контрреволюции, к проведению в жизнь постановлений Совета народных комиссаров»¹⁹⁰.

Успех большевиков во 2-й армии был закреплён 3-м армейским съездом, состоявшимся 16 декабря. На съезд прибыло 157 делегатов. Из них — 120 большевиков и 10 левых эсеров, а 27 делегатов принадлежало к эсеро-меньшевистскому блоку. В принятых съездом резолюциях были одобрены все декреты и распоряжения новой власти¹⁹¹.

10-я армия. В соседней 10-й армии (штаб находился в городе Молодечно) местные большевики не сумели с ходу, как это было во 2-й армии, создать армейский ревком, так как натолкнулись на достаточно сильное сопротивление эсеро-меньшевистского армейского исполнительного комитета (армискома). Уже 27 октября последний провел экстренное совещание, на котором сформулировал требование «образования однородной демократической власти»¹⁹².

Однако в ряде частей и соединений этой армии картина была более благоприятная для местных большевиков. Например, узнав о событиях в Петрограде, съезд полковых комитетов 62-й пехотной дивизии, созданный по инициативе большевиков, потребовал переизбрать эсеро-меньшевистский армиском в связи с тем, что тот не при-

знал новой власти. «На этом же съезде, — сообщали впоследствии делегаты этой дивизии в Петрограде, — был избран Военно-революционный комитет дивизии, стоящий на точке зрения Петроградского гарнизона и съезда советов. Военно-революционный комитет тотчас же начал действовать, установив в первую очередь контроль над деятельностью армейского комитета и приняв меры к недопущению движения войск на помощь Керенскому»¹⁹³. Той же точки зрения ВРК 62-й пехотной дивизии придерживался и в дальнейшем. В его наказе своему представителю в Минский совет, составленном 4 ноября, особо подчеркивалось, что дивизионный ревком, поддерживая Петроградский ВРК, настоятельно требует «подавления решительными мерами анархии и контрреволюции в стране»¹⁹⁴.

Благодаря энергичной пропаганде большевиков в частях и соединениях 10-й армии эсеро-меньшевистский армиском фактически оказался в изоляции уже к концу октября и быстро терял свое влияние на солдатские массы. Так, 31 октября газета «Голос X армии» опубликовала решение съезда представителей корпусных, дивизионных, полковых и соответствующих им комитетов этой армии, созданного в конце октября по инициативе большевиков. В нем осуждалась антибольшевистская политика армискома и заявлялось, что армия стоит за передачу всей власти советам. Об этом же свидетельствует и заметка, опубликованная в газете «Правда»: «Сообщение о перевороте в Петрограде было получено 26-го октября и встречено с большим энтузиазмом. Немедленно при всех полках, дивизиях, корпусах были образованы революционные комитеты, введен контроль над оперативными действиями, контрреволюционные элементы офицерства были отстранены от всяких дел»¹⁹⁵.

Следует отметить, что огромную помощь местным большевикам в деле взятия власти в 10-й армии оказали делегаты II Всероссийского съезда Советов, посланцы большевиков Москвы, Минска, представители Балтийского флота и 2-й армии¹⁹⁶. Петроградский ВРК 6 ноября также постановил послать советского комиссара в 10-ю армию¹⁹⁷.

7—10 ноября в Молодечно, несмотря на сопротивление эсеров и меньшевиков, был созван 3-й армейский съезд 10-й армии, 326 из 513 делегатов которого поддерживали большевиков. Из докладов с мест выяснилось, что все наказы делегатам от полков, за исключением одного ударного батальона, требовали голосовать за поддержку новой власти и за перевыборы армискома¹⁹⁸. С докладом о текущем моменте выступил председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), член ВРК Западного фронта А.Ф. Мясников¹⁹⁹. Съезд большинством голосов приветствовал все декреты новой власти, обещал ей полную поддержку, а также призвал солдатские комитеты немедленно взять власть в свои руки и создать военно-революционные комитеты, предоставив им право осуществлять руководство армией.

В принятой съездом резолюции подчеркивалось, что «дивизионные, полковые и ротные комитеты немедленно должны взять в свои руки управление...», а также требовалось: «признать единственно авторитетными органами для борьбы с восставшей контрреволюцией: Военно-революционные комитеты, приказы которых беспрекословно выполнять»²⁰⁰. Съезд избрал новый армиском, в составе которого преобладали большевики, а его председателем был избран большевик В.И. Яркин. Армиском же, в свою очередь, в соответствии с решениями съезда избрал из своего состава армейский ревком во главе с Яр-

киным, объявивший, что берет на себя руководство всей политической, боевой, хозяйственной жизнью армии, и что любые приказы, распоряжения без его санкции недействительны.

Армейский ВРК также сообщил, что «вся гражданская власть в армии находится в руках соответствующих Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, которые, в свою очередь, обязаны неуклонно проводить в жизнь все постановления Совета Народных Комиссаров. Все постановления Советов и военно-революционных комитетов подлежат беспрекословному исполнению населением данного района»²⁰¹. 10 ноября армейский ревком издал приказ № 1, в котором заявил, что с этого дня он берет на себя «руководство всей политической, оперативно-боевой и хозяйственной жизнью X армии... Командующий армией, все должностные лица и войсковые комитеты обязаны подчиняться всем требованиям Военно-революционного комитета. Ни один приказ и распоряжение без санкции Военно-революционного комитета или уполномоченных им на это комиссаров не имеют силы и не могут быть исполняемы»²⁰².

После 3-го съезда и образования большевистского армейского ВРК в частях 10-й армии начался активный процесс создания военно-революционных комитетов и взятия ими всей полноты власти. Так, созданный 16 ноября ревком 69-й пехотной дивизии (38-й армейский корпус) на следующий же день объявил в приказе, что приступил к исполнению обязанностей и «все делопроизводство и деятельность 69-й пехотной дивизии будет контролироваться членами комитета, без подписи коих ни одно распоряжение исполняться не должно»²⁰³. 16 ноября ВРК 8-го Сибирского стрелкового полка (1-й Сибирской армейский

корпус) подписал приказ о том, что он является ответственным перед полковым комитетом, и потребовал от всех комитетов полка «следить за всеми действиями и порядками в ротах»²⁰⁴. 21 ноября «взял на себя всю полноту власти в 31-м мортирном артиллерийском дивизионе» также ВРК дивизиона.

Следуя примеру вышестоящего военно-революционного комитета, ревком 2-й батареи этого дивизиона 22 ноября также взял на себя «всю полноту власти по оперативно-боевой и хозяйственной жизни в батарее...»²⁰⁵. На состоявшемся 2 декабря заседании ВРК 291-го пехотного Трубчевского полка также было постановлено «принять всю полноту власти на себя» и объявить по полку, что «вся полнота власти в полку находится в полковом Военно-революционном комитете»²⁰⁶. Председатель ВРК 3-го армейского корпуса Вольфсон 5 декабря сообщил в телеграмме комиссару Военно-политического отдела Ставки И.А. Апетеру о том, что «в политическом отношении корпус сильно организован, весь покрыт сетью военно-революционных комитетов; в случае надобности можно рассчитывать на весь корпус»²⁰⁷. 6 декабря аналогичное донесение было направлено в Ставку председателем ревкома 2-го Кавказского армейского корпуса Попандопуло. В нем сообщалось: «Передача власти комитетам произошла беспрепятственно»²⁰⁸.

Во второй половине ноября образовались и взяли власть в свои руки военно-революционные комитеты 73-й и 134-й пехотных дивизий, 1-го Сибирского армейского корпуса, 1-й Сибирской артиллерийской бригады, 1-го Сибирского инженерного и 533-го Новониколаевского пехотного полков, корпусного продовольственного транспорта и отдельной инженерной роты 1-го Сибирского армейского корпуса²⁰⁹.

Опираясь на созданные в частях большевистские военно-революционные комитеты, ВРК 10-й армии неуклонно проводил в жизнь мероприятия, направленные на упрочение своей власти в армии. За период с 15 ноября по 10 декабря он издал множество приказов, предписаний и постановлений, направленных на установление строгого порядка и борьбу со своими политическими противниками. Так, приказ № 5 от 15 ноября был нацелен на укрепление дисциплины в армии²¹⁰. Через день, 17 ноября, вышел приказ о поддержке новой власти и соблюдении революционного порядка в армии²¹¹. 24 ноября ревком издал циркулярное предписание о недопустимости грабежей и разбоев²¹², а приказом № 18 от 1 декабря требовал принятия мер против проникновения в армию эсеров-меньшевистских газет²¹³. 7 декабря вышел его приказ № 22 о мерах борьбы с украинской Центральной радой²¹⁴, наконец, 10 декабря, — постановление: «Распустить все украинские войсковые рады X армии, не признающие власти Совета Народных Комиссаров, не подчиняющихся приказам главковерха т. Крыленко и распоряжениям соответствующих военно-революционных комитетов и поддерживающие политику Центральной украинской рады»²¹⁵.

Аналогичные приказы и резолюции принимались также военно-революционными комитетами частей и соединений 10-й армии. К примеру, 25 ноября всем дивизионным и полковым военно-революционным комитетам 3-го армейского корпуса была разослана телеграмма, содержащая приказ председателя корпусного ВРК Вольфсона: «Вследствие повторяющихся в некоторых пунктах погромов, грабежей, недопустимых среди демократической армии — приказываю образовать для охраны населения и водворения порядка в каком-либо участке в случае мя-

тежа отряды, желательно из частей всех полков, входящих в какие-либо дивизии; численность состава каждого дивизионного отряда 200—300 чел.; обязать военно-революционные комитеты дивизии выбрать достойных людей, энергичных, людей долга, вооружить их, в нужный момент придти на помощь»²¹⁶. 28 ноября подобная резолюция была принята ревкомом Кавказской гренадерской дивизии²¹⁷.

Таким образом, благодаря энергичным мерам армейского ВРК и военно-революционных комитетов частей и соединений армии в течение ноября вся 10-я армия перешла под большевистский контроль.

В заключение следует сказать, что армейский ревком, выполнив свои функции, приказом № 5 от 5 января 1918 г. был упразднен. Этот документ гласил: «Армейский комитет переименовывается с 5 сего января в Совет депутатов 10-й армии. Военно-революционный комитет 10-й армии упраздняется. Функции его переходят к президиуму Совета депутатов 10-й армии»²¹⁸.

3-я армия. Весьма остро события развивались в 3-й армии. В Полоцке, где размещался ее штаб, уже 26 октября армейским исполнительным комитетом (армискомом) и меньшевистской фракцией Полоцкого совета был создан Комитет спасения родины и революции. Его военной опорой являлись местный ударный батальон и части 2-й Туркестанской стрелковой дивизии²¹⁹.

Тогда в ответ на шаги, предпринятые их политическими противниками, большевики 3-й армии и Полоцка решили создать временный ревком. В помощь им в Полоцк прибыли эмиссар Петроградского ВРК большевик А.Ф. Боярский и делегаты II Всероссийского съезда Советов от соседней 10-й армии²²⁰. Временный ревком 3-й

армии в специально издаваемых бюллетенях публиковал декреты новой власти, сообщения о событиях в Петрограде и в стране, проводил митинги и собрания солдат, однако, не имея твердой поддержки в войсках, решительных действий не предпринимал.

В частях и соединениях 3-й армии местные большевики были более активны, чем в Полоцке. Приведем такой пример: 26 октября большевизированный солдатский комитет 35-го армейского корпуса получил радиограмму о событиях в Петрограде и тут же сообщил об этом всем частям корпуса. На созванном на следующий день, 27 октября, по инициативе большевиков корпусном собрании был создан ВРК в составе 10 членов и принято решение «поддерживать постановления съезда Советов вплоть до вооруженной силы»²²¹. Корпусной ревком произвел аресты нелояльных новой власти офицеров и на их должности назначил своих инструкторов, а также установил контроль над штабом корпуса.

Уже 29 октября начальник штаба 3-й армии генерал-майор П.П. Лебедев сообщил начальнику штаба главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-лейтенанту Р.-К. Вальтеру, что ВРК корпуса «телеграммы штазапа и Верховного главнокомандующего и телеграммы, освещающие положение органами Временного правительства, задерживает и в части пропускает или под своим контролем и со всеми комментариями или вовсе не пропускает»²²². Эти действия большевистского ревкома сильно возмутили командование 3-й армии. В тот же день, 29 октября, сам командующий армией генерал-лейтенант Д.П. Парский приказал начальнику 2-й Туркестанской стрелковой дивизии: «с двумя казачьими полками и двумя батареями, присоединив к себе попутно 8-й Оренбург-

ский казачий полк, двинуться в распоряжение командира 35-го [армейского] корпуса»²²³. Однако генеральский план не был осуществлен: казаки, не желая втягиваться в гражданскую войну в армии, просто проигнорировали приказ командующего.

Большевизированные солдатские комитеты частей 15-го армейского корпуса действовали в том же направлении, что и 35-го армейского корпуса. Состоявшееся 27 октября общее собрание запасных рот 30-го Полтавского и 32-го Кременчугского пехотных полков, входивших в состав корпуса, обсудив события в Петрограде и начавшееся вооруженное выступление Керенского—Краснова, выработало (по предложению большевиков) постановление, в котором заявлялось, что оно «присоединяется к Петроградскому гарнизону и готово поддержать Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов с оружием в руках». Собрание также вынесло решение «протестовать против отправки частей войск с фронта в Петроград» на помощь Временному правительству и «в целях сохранения в массах спокойствия и порядка... избрать временный Революционный комитет». Ему было поручено во избежание «попыток внести смуту и дезорганизацию в солдатские ряды... занять телефон членами комитета и охранять вооруженным караулом»²²⁴. На другой день, 28 октября, на экстренном заседании корпусного комитета был образован большевистский ВРК 15-го армейского корпуса, председателем которого избрали председателя корпусного комитета солдата 21-го пехотного Муромского полка большевика Роскошного²²⁵.

По требованию большевиков в Полоцке 2 ноября состоялся 2-й съезд 3-й армии. Впрочем, расстановка сил на нем не дала ни одной из партий явного большинства.

Во вновь избранный армиском вошли 30 большевиков, 22 эсера, 4 меньшевика, 6 «беспартийных социалистов», председателем был выбран большевик подпоручик С.А. Анучин²²⁶. В таком составе армиском все же не давал преимущества большевикам, к тому же во вновь образованном на паритетных началах ревкоме 3-й армии большинство также принадлежало их политическим противникам. В его состав вошли 20 человек: 8 большевиков, 6 эсеров, 4 меньшевика и 2 эсера-максималиста²²⁷.

Однако, несмотря на временное преобладание эсеров и меньшевиков в армискоме и ВРК, большевики, используя их колебания, старались проводить свою линию. Прежде всего по требованию большевистских фракций армискома и ревкома был распущен армейский Комитет спасения родины и революции²²⁸. На другой день после съезда, 3 ноября, ревком, узнав «о проходе 4-й и 5-й Финляндских батарей на Петроград через Полоцк», отправил в связи с этим главнокомандующему армиями Западного фронта генералу от инфантерии П.С. Балугеву телеграмму, в которой требовал «немедленно остановить все эшелоны, движущиеся на Петроград»²²⁹. Генералу пришлось подчиниться этому требованию, так как ему, видимо, было известно, что еще 2 ноября по распоряжению ревкома 3-й армии «все свободные батареи подведены к железнодорожной станции и ожидают известия о необходимости выступления для поддержки правительства Советов»²³⁰.

Однако далеко не все инициативы ревкомовских большевиков поддерживало эсерово-меньшевистское большинство. И большевики стремились как можно скорее избавиться от своих политических противников, повод для чего вскоре представился. На состоявшемся 14 ноября заседании армискома фракция большевиков поставила на голосование

вопрос о признании Совета народных комиссаров. Отказ фракций меньшевиков и эсеров поддержать резолюцию, выражающую ему доверие, вызвал категорическое требование большевистской фракции созвать новый, 3-й, армейский съезд «для выявления воли армии по вопросу о власти». Однако опять возник вопрос: какую же власть признавать до съезда? Большевистская фракция потребовала считать единственной властью в 3-й армии советское правительство, а их политические противники — армиском²³¹.

Тогда фракция большевиков предложила резолюцию, являвшуюся продолжением ранее принятой о созыве 3-го армейского съезда. Она гласила: «Пока же, до созыва 3-го армейского съезда, фракция с[оциал] - д[емократов] большевиков предлагает, чтобы власть в 3-й армии перешла в руки ВРК 3-й армии, который в основу своей деятельности должен положить следующее: 1. Углублять и расширять принципы завоевания Октябрьской революции. 2. Руководствоваться в своей работе распоряжениями и приказами, исходящими от ВРК Западного фронта и СНК. 3. Быть самостоятельным в своей деятельности»²³². Эта резолюция была принята 20 голосами, против были 12 присутствовавших. После принятия резолюции эсеры и меньшевики заявили о своем выходе из армейского ревкома²³³. Таким образом, они остались только в армискоме, и то лишь до 3-го армейского съезда, который решено было созвать в начале декабря.

Так вся власть в 3-й армии полностью перешла к большевистскому ВРК по главе с большевиком А.Ф. Боярским. 16 ноября солдатам этой армии был объявлен приказ № 1 армейского ревкома. Он гласил: «1. Военно-революционный комитет 3-й армии объявляет, что с 15 ноября с[его] г[ода] вся власть в армии перешла в его

руки. 2. Исполнению подлежат те приказы и распоряжения, которые исходят только от Совета Народных Комиссаров, главковерха Крыленко, главкозапа Каменщикова и военно-революционных комитетов. 3. Все войсковые комитеты и Советы в частях и учреждениях переименовываются в военно-революционные комитеты в руки которых должна перейти вся полнота власти. 4. Учреждениям и лицам командного состава вменяется в обязанность беспрекословно исполнять все распоряжения и приказы военно-революционных комитетов...»²³⁴

Объявив себя высшей властью, армейский ревком сразу же приступил к решительным действиям, направленным на окончательное устранение своих политических противников на территории дислокации 3-й армии. 17 ноября ВРК армии выпустил приказ о закрытии газеты армискома «Голос 3-й армии», редакционная коллегия которой состояла из эсеров и меньшевиков (большевики специально для этого вышли из ее состава накануне, 16 ноября). Вместо нее начали издавать орган большевистского армейского ревкома «Бюллетень Военно-революционного комитета 3-й армии». Армейский ревком также сообщил, что типография штаба 3-й армии переходит в его ведение и без его санкции ни одна газета и ни одно воззвание печататься не будут²³⁵. Таким образом, стараниями большевистского ВРК местные меньшевики и эсеры лишились связи с солдатской массой через печатный орган.

На состоявшемся 18 ноября заседании армейского ревкома было заслушано заявление его председателя А.Ф. Боярского о том, что командующий 3-й армией генерал-лейтенант Д.П. Парский отказался подчиниться как новой власти, так и советскому главнокомандующему армиями Западного фронта большевику подполковни-

ку В.В. Каменщикову. Участники заседания постановили отстранить генерала от должности командующего и временно назначить на нее председателя армискома 3-й армии большевика подпоручика С.А. Анучина. На другой день это решение армейского ВРК было обнародовано в изданном приказе № 2²³⁶. А вскоре за неподчинение новой власти также по распоряжению армейского ВРК был отстранен от должности, затем арестован начальник Полоцкого гарнизона генерал-майор Нечаев и вместо него назначен солдат Чутков²³⁷.

На том же заседании армейского ревкома была избрана комиссия для контроля телеграфа и телефонной станции при штабе армии, принято решение образовать военно-революционный комитет при штабе и избрать советских комиссаров в каждый отдел штаба: комиссариат, этапно-хозяйственный, дежурного генерала, генерал-квартирмейстера, санитарный и начальника инженеров армии. В соответствии с этим 28 ноября ВРК 3-й армии издал приказ № 4: «1. Во все управления, отделы штаба 3-й армии, во все общественные организации и учреждения местных самоуправлений (Зем[ский] союз, Красный Крест и др.), а также на ст[анции] жел[езных] дорог и почтов[ые], тов[арные] конторы ревком 3 назначает своих комиссаров. 2. Комиссары организуют военно-революционные комитеты...»²³⁸ Таким образом, в результате действий большевистского армейского ВРК неоялольно настроенное к новой власти командование было отстранено от управления армией, а все армейские и другие учреждения взяты под строгий контроль советскими комиссарами, назначенными ревкомами.

Столь же решительно брали власть в свои руки и большевистские военно-революционные комитеты ча-

стей 3-й армии. Так, 29 ноября товарищ председателя ВРК 35-го армейского корпуса Жуков сообщил в Военно-политический отдел Ставки о том, что «вся власть находится в руках военно-революционных комитетов. Все распоряжения и мероприятия командного состава делаются с ведома военно-революционных комитетов»²³⁹. В частях 20-го армейского корпуса наблюдалась аналогичная картина. 29 ноября из 20-го мортирного паркового дивизиона сообщили в ревком этого корпуса, что «передача всей полноты власти комитетам происходит при благоприятных условиях, командный состав взят под контроль комитетов...», а на следующий день председатель ВРК 28-й пехотной дивизии тоже информировал корпусной ревком о том, что «власть к комитетам переходит нормально, никаких недоразумений не встречалось, в штабах все время дежурят члены военно-революционного комитета»²⁴⁰.

Свою власть ВРК 3-й армии стремился распространить также и на тыловой район. Так, на заседании ревкома армии, состоявшемся 18 ноября, по просьбе Дисненского совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение послать ему на помощь (для предотвращения возможных погромов) отряд в составе 15 солдат во главе с членом ВРК²⁴¹. В распоряжение начальника милиции Полоцка также постановили командировать 15 солдат, а также выдать ему оружие и боеприпасы. Для установления прямого контакта между армейским ревкомом и городской милицией было предложено провести телефонную связь между ВРК и управлением милиции²⁴².

Неоценимую помощь армейскому ревкому в деле установления большевистского контроля в тыловом районе оказывали созданные там военно-революционные комитеты частей и соединений. Весьма показательна в этом

отношении деятельность ВРК 22-го армейского корпуса, прибывшего в ноябре из 7-й армии Юго-Западного фронта для пополнения резерва Западного фронта и расквартированного в районе Орши и станции Копысь²⁴³. На состоявшемся 22 ноября заседании корпусного комитета было принято решение о создании ВРК корпуса в составе пяти человек. Председателем был избран корпусной врач Соколов, товарищем председателя — Никитин, секретарями — Пыриков, Гальперин и Яблоновский²⁴⁴. В тот же день корпусной ревком установил постоянное дежурство своих членов при штабе корпуса²⁴⁵.

На другой день, 23 ноября, председатель корпусного ВРК Соколов отправил телеграмму в Штаб Верховного главнокомандующего: «Офицеры штаба 22-го [армейского] корпуса вчера арестованы, вся власть штаба корпуса перешла в руки Военно-рев[олюционного] комитета»²⁴⁶. В тот же день корпусной ВРК в приказе № 2 известил об этом части и соединения корпуса: «Вчера власть перешла в наши руки». В том же приказе он обратился к солдатам с ультимативным требованием прекратить грабежи и насилия²⁴⁷.

Надо сказать, корпусной ВРК работал в тесном контакте с большевистскими военно-революционными комитетами Орши и Копысского района, оказывал им постоянную помощь²⁴⁸. Так, когда в начале января 1918 г. возникла чрезвычайно напряженная ситуация в 1-м Польском стрелковом корпусе генерал-лейтенанта И.Р. Довбор-Мусницкого и появилась опасность захвата польскими legionерами Орши, корпусной ревком принял решение немедленно сформировать для защиты города вооруженный отряд. В его состав вошли части 1-й Финляндской стрелковой дивизии и несколько батарей 1-й Финляндской стрелковой артиллерийской бригады. 9 января отряд

был направлен в распоряжение Оршанского ВРК, где ему была поставлена боевая задача охраны оршанского железнодорожного узла²⁴⁹.

К концу ноября власть в 3-й армии и ее тыловом районе была полностью сосредоточена в руках большевистского армейского ревкома. В донесении, отправленном 29 ноября в Военно-политический отдел Ставки Верховного главнокомандующего, председатель ВРК армии большевик И.Л. Коган, сменивший на этом посту А.Ф. Боярский, сообщил: «Во всех войсковых частях нашей армии образованы военно-революционные комитеты, к которым перешла вся полнота власти на местах. Высшим контролирующим органом является ревком 3[-й армии]. Командный состав контролируется местными Военно-революционными комитетами, и во все отделы, части штаба 3-й армии нами назначены свои комиссары. Ревкомарм 3 пользуется громадным влиянием и авторитетом, и к нему со всех сторон обращаются с различными просьбами и ходатайствами, все признают только власть ревкома 3[-й армии]. Все распоряжения штаба 3-й армии не издаются без санкции ревкома 3[-й армии] и комиссаров. На железнодорожных станциях и в управлениях Красного Креста и Земского союза имеем своих комиссаров. Местный Совет солдатских и рабочих депутатов (Полоцкий. — С.Б.) бывший оборонческий, принял большевистскую платформу». В донесении также сообщалось о том, что «образована комиссия о переизбрании всех Советов рабочих и солдатских депутатов и земельных комитетов в районе 3-й армии»²⁵⁰.

Подчеркнем: политические противники большевиков сохраняли еще достаточно сильные позиции в армискоме, хотя большевистскому армейскому ревкому и удалось

практически парализовать их деятельность (как уже отмечалось, была закрыта газета, издаваемая армискомом, запрещена эсеров-меньшевистская пропаганда в войсках и т.д.). Однако несмотря на это, армейский ВРК все же решил полностью избавиться на своей территории от политических противников. К тому же за прошедшие с момента принятия решения о созыве 3-го армейского съезда (14 ноября) большевики провели широкую пропагандистскую кампанию среди солдат²⁵¹, а меньшевики и эсеры, как уже упоминалось, были лишены этой возможности. Кроме того, немалую помощь местным большевикам в этом деле оказали эмиссары Петроградского совета Никифоров, Новожилов, Малышев, Иванов и Захаров²⁵².

Таким образом, успех большевикам на 3-м Чрезвычайном съезде 3-й армии съезде был гарантирован. Он состоялся 2—8 декабря в Полоцке, собрав 370 делегатов, из которых 300 были большевиками. Съезд принял резолюцию, гласящую: 3-я армия «в своем огромном большинстве стоит за новую, советскую власть»²⁵³, послал приветствие советскому правительству и Петроградскому гарнизону. Кроме того, он одобрил деятельность армейского ВРК и признал ее исчерпанной, передав власть в районе 3-й армии новому армейскому исполнительному комитету, в состав которого были избраны 99 человек, в том числе 75 большевиков, а председателем — большевик С.А. Анучин²⁵⁴. Таким образом, после армейского съезда вся 3-я армия оказалась под безраздельным большевистским контролем.

Успех большевиков на Западном фронте получил подтверждение на 2-м фронтовом съезде, проходившем в Минске 20—25 ноября. На нем присутствовали 714 делегатов, из них 473 большевика. Председателем съезда был избран большевик прапорщик А.Ф. Мясников. На съезде

выступили с приветствиями от СНК Г.К. Орджоникидзе и от ВЦИК советов М.М. Володарский. По всем вопросам повестки дня были приняты большевистские резолюции²⁵⁵. В итоге в новый состав фронтового исполнительного комитета вошли 80 большевиков, 10 левых эсеров, 4 меньшевика и 6 правых эсеров. Главнокомандующим же армиями Западного фронта съезд избрал Мясникова.

Было принято решение о создании Областного исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облискомзап). На состоявшемся 26 ноября первом пленарном заседании нового органа был образован Совет народных комиссаров Западной области и фронта²⁵⁶. В заключение следует подчеркнуть, что ревком Западного фронта, выполнив свою задачу, заключающуюся в установлении большевистского контроля над войсками фронта, 29 ноября на пленарном заседании принял решение о том, что теперь «все полномочия и права ВРК... в полном объеме переходят к СНК Западной области и фронта»²⁵⁷.

ПАДЕНИЕ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

В тыловом районе Западного фронта, в Могилеве, как уже отмечалось, находилась Ставка Верховного главнокомандующего. 3 ноября, после бегства из Петрограда главы Временного правительства и Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского, согласно положению о Полевом уставе русской армии, во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего вступил, как начальник штаба Ставки, генерал-лейтенант Н.Н. Духонин.

8 ноября Духонин получил директиву Совета народных комиссаров, подписанную В.И. Лениным, о немедленном вступлении в предварительные переговоры с противником о заключении перемирия. Как известно, генерал открыто отказался выполнить этот приказ, за что был 9 ноября решением Совета народных комиссаров отстранен от должности. Но ему предписывалось исполнять обязанности вплоть до прибытия нового Верховного главнокомандующего — назначенного на этот пост советским правительством прапорщика большевика Н.В. Крыленко. В тот же день Духонин направил всем главнокомандующим армиями фронтов телеграмму, в которой объяснял свой отказ выполнить указания новой власти о вступлении в переговоры с немцами и объявил решение не оставлять свое место. Главнокомандующие армиями трех из пяти фронтов (Юго-Западного — генерал-лейтенант Н.Г. Володченко, Румынского — генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев²⁵⁸ и Кавказского — генерал от инфантерии М.А. Пржевальский) поддержали его²⁵⁹.

10 ноября в Петрограде состоялось заседание ВЦИК советов по поводу позиции Ставки в проведении переговоров о перемирии с противником и смещения с должности Верховного главнокомандующего Духонина за отказ выполнить приказ из Петрограда. На следующий день, 11 ноября, Ленин провел совещание военных работников, на котором дал указание отъезжающим на фронт Н.В. Крыленко и А.А. Иоффе относительно ведения переговоров о перемирии с командованием противника. Кроме того, на совещании обсуждался вопрос в отношении Ставки и был намечен план ее захвата. В тот же день Крыленко с вооруженным отрядом солдат и матросов выехал из Петрограда в Двинск (где, как ранее указывалось, располагался штаб

5-й армии Северного фронта) с заданием вступить в переговоры с командованием противника.

Пока новый Верховный главнокомандующий выполнял эту миссию, о чем подробнее будет сказано далее, для защиты подступов к Могилеву в район Невель, Великие Луки, Витебск, Орша по приказу Ставки стягивались части 17-го и 22-го армейских корпусов. К этому времени в самом Могилеве были сосредоточены значительные силы: 2, 3 и 1-й Омский ударные батальоны, входившие в состав 1-го ударного полка под командованием подполковника В.К. Манакина, 1-й Сибирский казачий полк, отряд полковника Л.А. Янкевского, состоявший из ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии, 4-го и 8-го ударных батальонов. Кроме того, на станции Жлобин стоял 2-й Оренбургский ударный батальон²⁶⁰.

15 ноября Крыленко, выполнив задание советского правительства, вернулся из Двинска в Петроград. Вечером того же дня он выступил на объединенном заседании ВЦИК Советов, Всероссийского чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского Совета. В своей речи он заявил о твердом намерении взять штурмом не подчиняющуюся новой власти Ставку²⁶¹.

Через день, 17 ноября, Крыленко с вооруженным отрядом солдат и матросов выехал из Петрограда с целью овладения Ставкой. Предварительно в Полоцк, а затем в Минск был направлен уполномоченный нового Верховного главнокомандующего, представитель Петроградского ВРК, прапорщик большевик М.К. Тер-Арутюнянц с директивами об организации для участия в захвате Ставки вооруженных отрядов из состава войск Западного фронта. На совещании, состоявшемся 15 ноября в Полоцке в ревкоме 3-й армии, собрались М.К. Тер-Арутюнянц, председатель

ВРК 3-й армии С.А. Анучин, председатель ВРК 2-й армии Р.И. Берзин и члены ревкома 3-й армии А.Ф. Боярский и В.А. Фейерабанд. На совещании были выделены воинские части для наступления на Могилев и решено послать туда несколько агитаторов, которые держали бы связь с ревкоммами 3-й армии и Западного фронта, а также командирами отрядов, предназначенных для овладения Ставкой.

После совещания Тер-Арутюнянц и Берзин отправились в Минск в ВРК Западного фронта, где совместно с исполнявшим обязанности главнокомандующего армией Западного фронта В.В. Каменщиковым и председателем фронтового ревкома Н.В. Рогозинским разработали план захвата Ставки. Предполагалось осуществлять его путем наступления с двух направлений — с севера (из района Орши) и с юга (из района Жлобина). Для этого из войск, прибывших из Петрограда (балтийские матросы, солдаты лейб-гвардии Литовского полка и питерские красногвардейцы), частей 3-й армии и гарнизонов Орши и Витебска был сформирован Северный отряд. Командиром отряда был назначен председатель ВРК 2-й армии Р.И. Берзин, его помощником — председатель Оршанского ревкома И.Г. Дмитриев. Из частей 2-й армии и расположенных в ее тыловом районе гарнизонов был создан Южный отряд под командованием члена ВРК 2-й армии солдата Е.И. Лысякова. Этому отряду предстояло двигаться на Бобруйск, Жлобин в обход Могилева с юга. Таким образом, Северный отряд должен был охватить Могилев с севера и востока, а Южный — с юга, обеспечивая выполнение главной задачи, возложенной на отряд во главе с Н.В. Крыленко, прибывший тогда в Оршу²⁶².

В то время когда войска, сосредоточенные в Могилеве под командованием подполковника В.К. Манакина гото-

вились к обороне города, в Ставке в течение 17 и 18 ноября происходили непрерывные совещания ее руководства, Общеармейского комитета при Ставке Верховного главнокомандующего, управлений штаба и представителей ударных батальонов. На этих совещаниях было выявлено четыре основные точки зрения. Так, Общеармейский комитет предложил объявить Ставку, как оперативно-технический орган, нейтральной и устранить ее от политической деятельности. Одновременно Общеармейский комитет предложил направить к Крыленко своих представителей для переговоров с целью не допустить дальнейшего движения на Могилев вооруженных отрядов.

Другой точки зрения придерживались некоторые участники совещаний. Они считали, что в целях сохранения аппарата Ставки ее следует немедленно передислоцировать в безопасное место — в Киев (Юго-Западный фронт) или в Яссы (Румынский фронт), где большевизация армии была незначительной. Третья точка зрения заключалась в том, чтобы оставить Ставку в Могилеве и защищать ее до конца. На этой точке зрения стояли военный комиссар Временного правительства при Ставке В.Б. Станкевич, бывший (до 8 ноября) генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор М.К. Дитерихс, несколько работников Ставки и особенно представители ударных батальонов.

И наконец, четвертой точки зрения придерживались некоторые генералы. Так, начальник Могилевского гарнизона генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич и полевой инспектор инженерной части Ставки генерал-майор К.И. Величко считали, что следует подчиниться новой власти и не препятствовать прибытию в Могилев вооруженных отрядов во главе с Крыленко. При этом они выдвигали такой

довод: если Ставка подчинилась Временному правительству, которое «насильственно захватило власть у царя», то нет никаких оснований не подчиниться власти большевиков, которые тем же путем захватили власть у Временного правительства²⁶³.

Не удалась попытка представителей Общеармейского комитета при Ставке, направленных к Крыленко, выработать с ним компромиссное решение²⁶⁴.

Выслушав мнение сослуживцев, Духонин в ночь с 18 на 19 ноября провел совещание, на котором было принято решение об эвакуации Ставки в Киев²⁶⁵. Вскоре, однако, стало ясно, что это сделать не удастся. Украинская Центральная рада не дала согласия на перевод Ставки, ссылаясь на то, что Киев «мало пригоден по техническим условиям», и предложила искать место на Черниговщине²⁶⁶. Несмотря на это были выделены автомобили для отправки наиболее важных документов Ставки в Киев. Однако об этом узнали большевики из Могилевского совета рабочих и солдатских депутатов и сочувствующие им солдаты батальона георгиевских кавалеров. Они задержали автомобили и заявили, что никого и ничего из Ставки не выпустят за пределы Могилева²⁶⁷.

Вечером 18 ноября руководство Ставки было вынуждено было отказаться и от ее вооруженной защиты, так как воинские части, на которые оно рассчитывало (35-й армейский корпус, 1-я Финляндская стрелковая дивизия и другие) при первом же соприкосновении с отрядами Крыленко отказались защищать Ставку. Текинский конный полк самовольно ушел в Быхов. Начальник Могилевского гарнизона генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич по согласованию с городским советом рабочих и солдатских депутатов отправил 4-й Сибирский казачий полк в Жлобин.

Ударные батальоны по личному распоряжению Духонина также покинули город. «Я не хочу братоубийственной войны», — говорил он в эти дни своим сослуживцам. Находившийся в Ставке командир 1-го Польского стрелкового корпуса генерал-лейтенант Довбор-Мусницкий пытался убедить Духонина ни в коем случае не сдавать Ставку, ибо его долг — бороться до конца. Духонин отвечал, что «это все теория», на практике из всего этого «выйдет ерунда». Собирался ли генерал покинуть Ставку? Если собирался, то с последним эшелоном, как капитан тонущего корабля. Духонин считал, что тайное бегство Верховного главнокомандующего, пусть и смещенного, несовместимо с воинской честью. «Я имел и имею тысячи возможностей скрыться, — признавался он тогда. — Но я этого не делаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, даже расстреляют. Но это смерть солдатская»²⁶⁸.

Утром 19 ноября Духонин отдал свое последнее распоряжение об освобождении генералов, арестованных в связи с корниловским выступлением в августе 1917 г. Для этого он командировал в Быхов, где содержались под арестом в здании бывшей женской гимназии корниловцы, состоявшего в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего полковника П.А. Кусонского. Вечером того же дня все арестованные генералы, в том числе и Л.Г. Корнилов, покинули Быхов. Есть сведения, что, дав указание об освобождении из-под ареста корниловцев, Духонин сказал: «Этим распоряжением я подписал себе смертный приговор»²⁶⁹. Позднее в своих воспоминаниях А.А. Брусилов также отметил, что этот шаг «погубил окончательно рыцарски честного Духонина»²⁷⁰.

Пока руководство Ставки пыталось найти выход из создавшегося положения, немногочисленные могилев-

ские большевики с приближением к городу войск под командованием Крыленко, стали действовать более активно. Направленные в помощь им в Могилев представитель Северо-Западного областного комитета партии большевиков подпоручик И.Н. Полукаров, представители ревкома 3-й армии солдат В.А. Фейерабенд, С.И. Зобков и председатель Оршанского ВРК И.Г. Дмитриев развернули борьбу за подчинение новой власти исполнительных комитетов — Могилевского совета рабочих и солдатских депутатов, губернского совета крестьянских депутатов, а также местного гарнизона. Благодаря этому стало возможным 18 ноября образовать в Могилеве ревком, в который вошли представители исполкома Могилевского совета, местного гарнизона и 3-й армии.

На следующий день Могилевский ВРК объявил себя высшей властью в городе и взял на себя контроль над деятельностью Ставки. Приказом Могилевского ВРК № 8, изданным 19 ноября, Духонин был объявлен подлежащим домашнему аресту. В том же приказе говорилось: «Во исполнение приказа правительства народных комиссаров Общеармейский комитет [при Ставке] объявляется распущенным и содержащимся под домашним арестом. Временно функции Общеармейского комитета берет на себя Военно-революционный комитет и для принятия дел его посылает своего комиссара. Для образования Военно-революционного общеармейского комитета Военно-революционный комитет гор. Могилева созывает к 26-му сего месяца представителей от всех дивизий, избранных на основании равного, прямого, тайного и всеобщего голосования»²⁷¹.

Вечером 19 ноября Крыленко, находившийся со своим отрядом в Витебске, получил первые известия о событиях

в Могилеве. Им было принято решение немедленно отправить эшелоны с отрядом в Могилев.

Ночью, накануне вступления в Могилев отряда Крыленко, члены ликвидированного Общеармейского комитета (за исключением большевика М.Т. Максимова), а также В.Б. Станкевич, М.К. Дитерихс и другие покинули Могилев. Утром 20 ноября в город вошли матросы и солдаты отряда во главе с Крыленко. В тот же день новый Верховный главнокомандующий сообщил в своем воззвании к армии: «Сего числа я вступил в Могилев во главе революционных войск. Окруженная со всех сторон Ставка сдалась без боя»²⁷².

В тот же день, 20 ноября, вечером находившийся под домашним арестом Н.Н. Духонин был отправлен на автомобиле на вокзал в вагон Крыленко для формальной передачи дел. Но бывший Верховный главнокомандующий стал жертвой самосуда собравшихся вокруг вагона солдат и матросов. Разъяренная толпа выволокла генерала из вагона и выбросила на поднятые штыки²⁷³.

По поводу этого инцидента Крыленко писал в приказе от 25 ноября: «Не могу умолчать о печальном факте самосуда над бывшим главковерхом Духониным. Народная ненависть слишком накалилась. Несмотря на все попытки спасти, он был вырван из вагона на станции Могилев и убит. Бегство генерала Корнилова накануне падения Ставки было причиной эксцесса. Товарищи! Я не могу допустить пятен на знамени революции. С самым строгим осуждением отнеситесь к подобным фактам, будьте достойны завоеваний свободы, не пятняйте власть народа. Революционный народ грозен в борьбе, но должен быть мягок после победы»²⁷⁴.

Небезынтересно, что в работе «Смерть старой армии», написанной через год после этих драматических событий,

Крыленко уже оправдывал самосуд над Духониным. Вот что он писал по этому поводу: «Еще через час Духонин был уже доставлен в вагон. Как молния в это время распространилась по революционным войскам весть, что генерал Корнилов бежал из Быхова, станции верстах в 40 южнее Могилева, вместе с Деникиным, Эрдели и др., что накануне бежали на лошадях Станкевич, Перекрестов и другие члены Общеармейского комитета. А под Жлобным уже шел бой. Этим судьба Духонина была решена. Дальнейшее известно. Духонин был растерзан матросами. *Объективно* нельзя не сказать, что *матросы были правы*. Их отправляли на смерть в бой, и в тылу они оставляли живым виновника их возможной смерти, объявленного еще в Двинске *врагом народа* (13 ноября. — С.Б.). Было бы правильнее, пожалуй, со стороны новой власти приказать тут же расстрелять Духонина. *Post factum* об этом говорить, конечно, поздно»²⁷⁵.

После инцидента с Духониным Крыленко отправился в Ставку, работники которой были накануне подвергнуты домашнему аресту и содержались в местной гостинице. Вечером они были освобождены и вернулись к исполнению служебных обязанностей. Начальником штаба Верховного главнокомандующего Крыленко назначил начальника Могилевского гарнизона лояльно настроенного к большевикам генерал-майора М.Д. Бонч-Бруевича. Большевистские газеты тут же поспешили заявить, что «начальники отделов Ставки и весь ее состав был представлен новому главноверху; они единодушно обещали работать на пользу армии»²⁷⁶.

Однако факты говорили об обратном. В первой половине декабря в Ставку поступил запрос Совнаркома о том, что делается во исполнение указаний правительства о на-

правлении войск для борьбы с вооруженными выступлениями А.М. Каледина и А.И. Дутова. Ответив по существу запроса, начальник штаба Верховного главнокомандующего Бонч-Бруевич обратился в Совнарком с просьбой о помощи: «Прошу доложить, что положение в армиях крайне серьезное. На Северном и Западном фронтах продовольственный кризис, Южный [Юго-Западный] фронт усиленно дезорганизуется генеральным секретарем [Центральной рады] по военным делам Петлюрой... Нисколько не преувеличивая, считаю положение на фронтах близким к критическому и прошу всевозможного содействия... Усердно прошу помощи». Ленту этих переговоров Бонч-Бруевич передал в управление генерала-квартирмейстера генерал-майору А.С. Гришинскому, и там на ней было наложено две резолюции: одна — «К делу», другая — «Пусть сами и расхлебывают»²⁷⁷.

По занятии Ставки, в ночь на 21 ноября, в поезде командира Северного отряда Р.И. Берзина состоялось совещание в составе: председателя ревкома 2-й армии Р.И. Берзина, члена ВРК 3-й армии А.Ф. Боярского, представителя Северо-Западного областного комитета партии большевиков И.Н. Полукарова, исполняющего должность начальника Военно-политического отделения штаба Западного фронта И.А. Апетера, представителей ВРК 3-й армии В.А. Фейерабенда, А.Г. Сацукевича и С.И. Зобкова, комиссара лейб-гвардии Литовского полка С.Д. Кудинского, представителя Петроградского ВРК М.К. Тер-Арутюнянца, председателя ревкома 35-го армейского корпуса В.П. Аркадьева и члена Центрального комитета Балтийского флота матроса Н.А. Логинова. На совещании было высказано мнение о создании при Ставке Общеармейского комитета из представителей от всех фронтовых,

армейских и корпусных комитетов. «Но так как таковой комитет, — писал в своих записках Берзин, — с полным представительством оказалось невозможным образовать, то совещание считало необходимым выделить из своей среды временный Военно-революционный комитет при Ставке, как высшую армейскую организацию до созыва Общеармейского съезда...»²⁷⁸

22 ноября временный Военно-революционный комитет при Ставке издал приказ № 1, в котором объявлялось о первом заседании комитета и об избрании его председателем А.Ф. Боярского, товарищами председателя — С.Д. Кудинского, В.А. Фейерабенда и Н.А. Логинова, секретарем — С.И. Зобкова. В главные отделы (управления) Ставки были назначены комиссары, без подписи которых все приказы и распоряжения объявлялись недействительными: к начальнику штаба Верховного главнокомандующего — Р.И. Берзин, к генералу-квартирмейстеру — И.Н. Полукаров, к дежурному генералу — В.А. Фейерабэнд, в управление помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего по политической части — И.А. Апетер, комиссаром по связи — Н.А. Логинов.

Одновременно аналогичный приказ был издан Верховным главнокомандующим Крыленко (в нем был добавлен комиссар по снабжению — М.Т. Максимов). Комиссарам ВРК при Ставке предписывалось приступить к исполнению своих обязанностей 23 ноября. Тем же приказом объявлялось, что «для создания постоянного общеармейского Военно-революционного комитета созывается в Могилеве 5 декабря общеармейский съезд из представителей по одному от Военно-революционных комитетов фронтовых, армейских и корпусных»²⁷⁹. Таким образом, «работа революционной Ставки, — по определению Крыленко, —

выразилась прежде всего в создании особого революционного аппарата *контроля* над деятельностью отдельных частей и отделов Ставки вообще»²⁸⁰.

С 11 по 16 декабря в Ставке проходил общеармейский съезд, на котором присутствовали 30 большевиков, 10 левых эсеров, 2 эсера-максималиста и 1 меньшевик-интернационалист. Председателем президиума съезда был избран большевик Н.В. Рогозинский. Съезд избрал Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко. В числе других вопросов съезд решил вопрос об организации Центрального Комитета действующих армий и флотов (Цекодарф) и образования Революционного полевого штаба (РПШ). Председателем Цекодарфа был избран Н.В. Рогозинский, начальником РПШ — М.К. Тер-Арутюнянц.

В заключение следует подчеркнуть, что переход Ставки под большевистский контроль не решил проблему борьбы за власть в действующей армии, так как руководство трех фронтов из пяти — Юго-Западного, Румынского и Кавказского — не признало советского Верховного главнокомандующего Крыленко и его Ставку. Там с переменным успехом еще шла ожесточенная борьба за власть между большевиками и их политическими противниками.

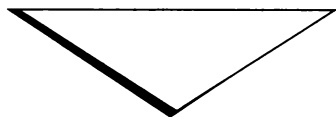
Переход же от старой власти к новой, сравнительно быстрый и, как показали события, бескровный, на Северном и Западном фронтах, не говоря уже о Ставке, может быть объяснен позицией основной массы солдат, не желавшей втягиваться в гражданскую войну в самой армии. В их сознании, особенно после заключения перемирия, война России с германским блоком была уже фактически окончена, и они ждали демобилизации. Вместе с тем солдаты, а большинство их, как известно, были малограмотными, потрясенные нахлынувшим на них потоком событий, не

могли разобраться в происходившем и в ожидании мира, земли и демобилизации проявляли растерянность по отношению к сложным политическим вопросам.

Вместе с тем сравнительно быстрому и бескровному переходу власти к большевикам на этих фронтах способствовало также и то, что прифронтовые гарнизоны перешли под контроль ревкомов еще раньше, чем фронтовые части и соединения. Однако следует заметить, что здесь, как и в армиях Северного и Западного фронтов, ревкомы установили свой контроль лишь над штабами, связью, важными объектами и командованием. Солдатская же масса была фактически бесконтрольна. В прифронтовых гарнизонах Двинского и Минского военных округов, прилегающих к этим фронтам, царили хаос и анархия, происходили разгромы винных заводов, грабежи железнодорожных составов. В городах солдаты производили самочинные обыски, громили магазины и лавки. Значительная часть солдат гарнизонов включалась в разросшееся аграрное движение крестьянства, громившего и сжигавшего имения и усадьбы. Тлетворное влияние распадавшихся гарнизонов негативно отражалось и на фронтовых частях.

Глава 3

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНИХ ФРОНТАХ

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В значительно более сложном социально-политическом и национальном переплетении интересов борющихся сторон проходила борьба за власть на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах. Однако здесь, как на Западном и на Северном, основная масса солдат, не будучи информированной или подвергаясь дезинформации о событиях в Петрограде, вела себя в первые две-три послеоктябрьские недели сдержанно и выжидательно, сосредоточив все помыслы вокруг вопроса о мире. Стремление к миру и немедленному окончанию войны, согласно сводкам сведений о настроении в этот период, составленным в штабах Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов и отправленным в Ставку Верховного главнокомандующего, являлось господствующим мотивом в умонастроении солдатских масс¹.

Линия Юго-Западного фронта (Особая, 11-я и 7-я армии) проходила по территории Украины. Этот фронт, в отличие от Северного и Западного был отдален от основных политических центров страны и не имел в тылу единой и крепкой большевистской организации. Переплетения политических и национальных противоречий в тыловом районе этого фронта усложняли и без того сложную политическую обстановку в этом регионе.

События на этом фронте развивались следующим образом. Как только штабу фронта, находившемуся в Бердичеве, стало известно о событиях в Петрограде, фронтовой комиссариат Временного правительства и командование создали 26 октября Комитет спасения революции. В его состав вошли главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Г. Володченко, комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте меньшевик Н.И. Иорданский, председатель фронтового комитета эсер И.С. Дашевский. Комитеты спасения были созданы и при штабах всех трех армий фронта². Располагая реальной властью на Юго-Западном фронте, его командование при содействии комитетов спасения смогло снять ряд частей с фронта и двинуть их на помощь Временному правительству к Петрограду и Москве³.

Для упрочения своего положения фронтовой Комитет спасения революции совместно с командованием фронта и фронтовым солдатским комитетом 5 ноября заключили соглашение с представителями Генерального секретариата Центральной рады. Согласно этому соглашению гражданское управление в районе дислокаций армий фронта переходило в ведение Генерального секретариата, а оперативное руководство на фронте и в тылу оставалось в ведении военных властей. Центральная рада также назначала своего комиссара по гражданскому управлению при главнокомандующем армиями фронта. Было решено также сосредоточить украинизированные полки на Украине, а для этого перебросить украинизированные части со всех фронтов на Юго-Западный и Румынский фронты⁴.

Казалось, время для местных армейских большевиков было упущено. Инициатива была у их политических противников. Теперь к ним присоединились и временные

союзники командования и фронтового солдатского комитета — представители Генерального секретариата Центральной рады. На помощь большевикам Юго-Западного фронта⁵ ЦК партии большевиков и Петроградский ВРК направили группу комиссаров и агитаторов: И.П. Васянина, Н.П. Ворожцова, В.И. Зофа, А.К. Илюшина, Н.Н. Кузьмина, М.П. Коковихина, М.М. Лашевича, В.А. Упыря и Г.И. Чудновского⁶. С их приездом работа большевиков на Юго-Западном фронте активизировалась, и сначала в некоторых полках, дивизиях, корпусах, а затем в армиях стали создаваться ревкомы. Однако процесс их создания в армиях фронта шел не одновременно.

11-я армия. Раньше других армейский ревком был создан в 11-й армии. Его возникновению предшествовало образование военно-революционных комитетов в частях армии. Первый такой ВРК появился в 5-м армейском корпусе, где существовала достаточно сильная большевистская организация. Решение о его образовании и передаче ему всей полноты власти в корпусе было принято на состоявшемся 2—4 ноября корпусном съезде. В состав корпусного ревкома были избраны 10 членов: Оввян, Воловик, Дзюбенко, Ковалевский, Калина, Ленник, Муладзе, Никольский, Улинский и Черторогов. По всем основным вопросам съезд принял большевистские резолюции⁷.

В принятой 4 ноября съездом резолюции об избрании корпусного ВРК были определены его задачи и функции: «Корпусной Военно-революционный комитет является высшей инстанцией власти в корпусе, и ему подчиняются все чины корпуса до его командира включительно, причем власть распространяется на комитеты до перевыборов. До подчинения штаба 11-й армии новому правительству Советов и признания его комиссара Военно-революционный

комитет непосредственно подчиняется правительству Советов».

Далее в резолюции отмечалось, что «Военно-революционному комитету предоставляется право воспользоваться частями корпуса для оказания новому правительству активной поддержки. Всех, кто не поддерживает нового правительства и Военно-революционного комитета, будь то офицер или солдат, немедленно арестовывать комитетам частей и представлять в распоряжение Военно-революционного комитета». Здесь же сообщалось, что съезд корпуса также выделил комиссаров «в каждый полк, инженерные роты, штабы дивизий и отдельные части. Все комиссары подчиняются непосредственно Военно-революционному комитету корпуса и все распоряжения в полку и учреждениях должны исполняться в тесном контакте с комиссарами и непременно с его санкцией»⁸. В приказе корпусного ВРК № 1 от 3 ноября объявлялось, что «корпусным съездом 5-го армейского корпуса, состоявшимся 2 ноября 1917 года, избран Военно-революционный комитет, которому съездом передана вся власть в корпусе». Приказ предписывал всему командному составу, начиная с командира корпуса и кончая ротными, выполнять все приказания ревкома⁹.

Примеру 5-го армейского корпуса последовали 5-й Сибирский и 6-й армейские корпуса, создавшие в начале ноября большевистские корпусные военно-революционные комитеты¹⁰. Значительно ускорило процесс организации ревкомов в частях армии и взятие ими власти, создание армейского ВРК. 10 ноября представители всех корпусов, входивших в состав 11-й армии (5, 6, 25, 32-го армейских и 5-го Сибирского армейского корпусов), на совещании вынесли решение переизбрать армейский исполнительный

комитет (армиском), как не признающий новой власти. Делегаты корпусов образовали временный армейский ВРК и объявили его высшей политической властью в 11-й армии. Постоянный ревком постановили создать на 3-м армейском съезде 11-й армии, который намечалось провести в начале декабря. Состав временного армейского ВРК был большевистский: председателем был избран А. Устьянцев, товарищем председателя — А. Парков-Уманский, секретарем — И. Грек, членами комитета — А. Улинский, Карташев, Костерин, Стремицкий. Советским комиссаром 11-й армии был избран Н.В. Миронцев¹¹.

Временный ВРК 11-й армии 18 ноября приказом № 1 объявил себя «высшей властью в районе 11-й армии» и предоставил всем ревкомам армии «право контроля всех распоряжений строевого начальства, не исключая оперативных»¹².

Руководствуясь приказом № 1 временного ревкома 11-й армии, военно-революционные комитеты частей и соединений армии предприняли также решительные действия по взятию власти. Созданный 13 ноября на корпусном съезде ВРК 25-го армейского корпуса¹³ на своем заседании, состоявшемся 22 ноября, принял решение установить в корпусе контроль и объявил всем комитетам, частям, учреждениям и заведениям корпуса, что все приказы, распоряжения и воззвания, исходящие из штаба корпуса, считать без его санкции недействительными, а в случае появления таковых задерживать и представлять в корпусной ревком вместе с их распространителями. Также было решено все поступающие в штаб корпуса входящие документы, а равно телеграммы и радиограммы (за исключением чисто хозяйственных), немедленно передавать в ВРК корпуса для ознакомления¹⁴. В изданном на следую-

ший день, 23 ноября, приказе № 1 корпусного ВРК всем солдатским комитетам предписывалось: «Все приказы и распоряжения строевого начальника, не исключая и оперативных, должны быть строго контролированы Комитетом данной части»¹⁵.

Небезосновательно опасаясь вооруженного сопротивления со стороны своих политических противников, корпусной ревком заботился и о собственной безопасности. Так, по его требованию ВРК 46-й пехотной дивизии, входившей в состав этого корпуса, принял 7 декабря решение «выделить из каждого полка дивизии сводную роту добровольцев с пулеметами для предоставления таковых Военно-революционному комитету корпуса на случай самозащиты»¹⁶.

Во второй половине ноября был создан ревком 32-го армейского корпуса, который сообщил об этом в телеграмме: «при корпусе образовался Военно-революционный комитет из 5 человек... Военно-революционный комитет взял власть в свои руки...»¹⁷. 20 ноября корпусной ВРК отправил телеграмму за подписью председателя ревкома Чигиринского частям 100-й пехотной дивизии, в которой содержался приказ «немедленно соорудить военно-революционные комитеты в частях дивизии... Всем военно-революционным комитетам приступить к полному ведению политической стороны, а также контроля и оперативных действий»¹⁸. Переизбранный к этому времени и ставший большевистским дивизионный солдатский комитет на состоявшемся 28 ноября заседании принял решение взять на себя функции военно-революционного комитета¹⁹.

Таким образом, в течение ноября большевистские ревкомы были образованы и взяли власть во всех корпусах 11-й армии. В этот же период власть перешла в руки дивизи-

зионных ВРК и в 6-й Сибирской стрелковой (19 ноября), 50-й пехотной (22 ноября), 105-й пехотной (27 ноября) дивизиях, а также во многих полках, например в 182-м Гроховском, 183-м Пултусском, 184-м Варшавском пехотных полках и других частях и соединениях 11-й армии²⁰.

Создание временного армейского ревкома и сети военно-революционных комитетов в войсках 11-й армии подготовили благоприятную почву большевикам для созыва 3-го армейского съезда. Съезд состоялся в Кременце 3—5 декабря. Самой многочисленной фракцией на нем была большевистская. Это сказалось и на принятых съездом резолюциях: о признании новой власти, об одобрении деятельности временного армейского ревкома и других. В конце работы съезда была принята резолюция об избрании постоянного армейского ВРК, а также о переименовании солдатских комитетов в военно-революционные²¹. Из числа делегатов съезда был избран новый постоянный армейский ревком, в который вошли 63 большевика и 23 левых эсера и меньшевика-интернационалиста²².

7-я армия. В соседней 7-й армии армейские большевики и прибывшие к ним на помощь комиссары и агитаторы ЦК партии большевиков и Петроградского ВРК делали все, что было в их силах, для создания явочным порядком ревкомов. Так, в ночь на 2 ноября назначенный Петроградским ВРК на Юго-Западный фронт комиссаром 7-й армии большевик И.П. Васянин сформировал ревком 2-го гвардейского корпуса. Председателем корпусного ВРК был избран большевик врач В.А. Зенкович, помощником председателя большевик сапер Е.А. Краснов. В состав комитета вошли большевики В.А. Упырь (прибывший вместе с И.П. Васяниным в качестве агитатора из Петрограда), П.В. Блохин, Ф.У. Лаврентьев, И.С. Сластенков и другие.

Как сообщал начальник штаба корпуса генерал-майор В.А. Синклер в штаб 7-й армии «образовавшийся явочным порядком революционный комитет» возник благодаря пропаганде делегатов, приехавших из Петрограда, и лиц, именующих себя «народными комиссарами». «Комитет установил вооруженный контроль на телефонах, телеграфах и аппаратах Юза»²³. Были также созданы ревкомы и в других частях корпуса: 31 октября — в лейб-гвардии Литовском полку, 2 ноября — в лейб-гвардии Волынском полку²⁴.

Корпусной ревком, взяв власть во 2-м гвардейском корпусе, стремился распространить ее и на ближайший тыловой район. Об этом сообщил в Петроградский ВРК член корпусного ревкома Ф.У. Лаврентьев: «В данное время части, посланные военно-революционным комитетом нашего корпуса, находятся в местечке Жмеринка, недалеко от гор. Винницы, и охраняют спокойствие этого города»²⁵. 12 ноября ревком корпуса принял резолюцию, в которой подчеркивалось, что корпус полностью поддерживает новую власть и готов, если потребуется, оказать ей вооруженную помощь²⁶. В ответ на приказ командования 7-й армии передислоцировать корпус, ревком 15 ноября принял решение никаких передвижений корпуса не предпринимать²⁷.

В начале ноября были образованы корпусные ревкомы в 3-м Кавказском армейском корпусе (председатель большевик А.А. Макаркин)²⁸ и в 12-м армейском корпусе²⁹.

В отличие от этих корпусов, в 22-м армейском корпусе военно-революционные комитеты создавались местными большевиками сначала в полках, дивизиях и других частях и соединениях корпуса. Это объясняется тем, что корпусной комитет, где преобладали политические противники большевиков, всячески тормозил создание ревко-

ма корпуса, пользуясь в свою очередь поддержкой эсеро-меньшевистского армискома 7-й армии. Так, 28 октября большевизированный солдатский комитет 6-го Финляндского стрелкового полка 2-й Финляндской стрелковой дивизии, обладавший реальной властью, объявил себя полковым ВРК³⁰.

Аналогично поступил большевизированный солдатский комитет 8-го Финляндского стрелкового полка. «По имеющимся у меня сведениям, — сообщал 31 октября в телеграмме комиссар Временного правительства 7-й армии эсер Сургучев председателю солдатского комитета 22-го армейского корпуса, — 6-й и 8-й полки 2-й Финляндской дивизии продолжают, несмотря на категорическое запрещение, устраивать самочинные сборища — митинги, избирают какие-то революционные комитеты взамен полковых». Комиссар также потребовал расформировать эти полки, если солдаты посмеют избрать ревком³¹. Однако местные большевики абсолютно не реагировали на такие словесные угрозы. В тот же день, 31 октября, на объединенном собрании полковых, ротных и командных комитетов 2-й Финляндской стрелковой дивизии ими был образован большевистский дивизионный ВРК³². Активно шел процесс создания большевиками военно-революционных комитетов и в других частях и соединениях 7-й армии³³.

После создания сети ревкомов в войсках 7-й армии перед местными армейскими большевиками встала задача создания армейского ревкома. Однако ее выполнению мешал эсеро-меньшевистский армиском и штаб армии, находившийся в Проскурове (Хмельницкий). Следует заметить, что крупных воинских частей в Проскурове не было, штаб армии охраняли казаки. Прибывший в город советский комиссар 7-й армии И.П. Васянин установил

тесную связь с большевистской организацией Проскурова. 19 ноября Васянин прибыл в с. Липковцы, расположенное в 20 км от города, где дислоцировался распропагандированный большевиками 6-й Финляндский стрелковый полк 22-го армейского корпуса. Здесь вместе с членом полкового ВРК И.З. Тужиковым советский комиссар организовал митинг в полку, на котором решено было идти на Проскуров для захвата штаба 7-й армии и разгона, а в случае сопротивления — и ареста членов армискома.

В ночь на 20 ноября полк с артиллерией выступил в Проскуров. Казаки, охранявшие штаб армии, объявили о своем нейтралитете. Активное участие в этой «боевой операции» приняли организация большевиков Проскурова и большевистски настроенные солдаты местного гарнизона. К вечеру 20 ноября город был занят верными большевикам частями, штаб армии взят под их контроль. В тот же день был создан временный ВРК 7-й армии. В его состав вошли представители большевистской организации Проскурова, 7-го Финляндского стрелкового полка и частей местного гарнизона. Председателем ВРК был избран Ленговский, секретарем — Новиков, членами — Бородулин, Малаховский и другие. Во все учреждения армии временный армейский ВРК назначил своих комиссаров. Ревком запретил распространение среди солдат газеты «Голос фронта», издававшейся армейским исполнительным комитетом, и организовал с 23 ноября выход большевистской газеты «Известия Военно-революционного комитета 7-й армии»³⁴. Приказом № 1 от 20 ноября временный армейский ВРК объявил себя высшей властью на территории 7-й армии и распустил эсеро-меньшевистский армиском³⁵.

Создание временного ВРК 7-й армии ускорило процесс взятия власти военно-революционными комитетами в ча-

стях и соединениях армии. Так, ревком 22-го армейского корпуса приказом № 2 от 23 ноября объявил о переходе к нему всей полноты власти на территории корпуса³⁶. Следуя примеру своего корпусного ВРК, объявил в принятом 28 ноября решении о переходе всей власти в дивизии к дивизионному ревкому и президиум 3-й Финляндской стрелковой дивизии³⁷.

Успех большевиков 7-й армии должен был закрепить 2-й армейский съезд. Он был подготовлен и организован армейскими большевиками под руководством советских комиссаров Н.Н. Кузьмина, И.П. Васянина и лидера проскуровских большевиков С. Виллера. Съезд состоялся 2—5 декабря в Каменец-Подольском. Из 750 делегатов 505 были большевиками. Открыл съезд Виллер. На съезде выступили Н.Н. Кузьмин, И.П. Васянин, агитаторы из Петрограда И. Исаков, Рассказов и другие³⁸. Съезд постановил «выразить бывшему армискому (разогнанному еще 20 ноября. — С.Б.) недоверие и благодарность Военно-революционному комитету армии за его энергичную борьбу с контрреволюционным армискомом»³⁹.

За неподчинение новой власти съезд сместил с должности командующего 7-й армией генерал-лейтенанта Я.К. Циховича и назначил вместо него сочувствующего большевикам командира батальона 6-го Финляндского стрелкового полка капитана В.К. Триандафиллова. 2 декабря съезд отправил радиogramму Совнаркому. В ней говорилось: «7-я армия в лице съезда заявляет, что власть Советов будет защищаться с оружием в руках»⁴⁰. В знак протеста меньшевики и эсеры ушли со съезда. Съезд провел довыборы членов в армейский ревком. В результате в него вошло 35 человек, в том числе 15 большевиков и 10 левых эсеров. Советским комиссаром армии был

утвержден И.П. Васянин, а его помощником большевик Е.А. Краснов. Комиссар Временного правительства 7-й армии Сургучев, опасаясь ареста, бежал⁴¹.

Особая армия. В Особой армии, так же как и в других армиях Юго-Западного фронта, борьба за власть разворачивалась снизу. Здесь первым под контроль большевиков перешел 1-й Туркестанский армейский корпус. По инициативе армейских большевиков был подготовлен созыв съезда солдатских комитетов корпуса. Он открылся 5 ноября под председательством большевика Г.В. Разживина. В работе съезда принимали участие 136 представителей от полковых и дивизионных комитетов, большинство которых принадлежало к большевикам. 8 ноября съезд принял резолюцию, в которой выразил недоверие эсеро-меньшевистскому армейскому и фронтовому комитетам. Большинством голосов съезд принял 11 ноября резолюцию, одобряющую решения II Всероссийского съезда Советов и поддерживающую новую власть. В резолюции заявлялось, что «съезд берет на себя всю власть в корпусе и осуществление этой власти вверяет вновь избранному корпусному комитету». Съезд избрал новый большевистский состав корпусного комитета во главе с Г.В. Разживиным, а также контрольно-оперативную комиссию при комитете, выполнявшую функции корпусного ревкома. Съезд послал двух делегатов Ажинцева и Егорейченкова в Петроградский ВРК для получения инструкций⁴².

Важную роль в создании ВРК Особой армии сыграл Луцкий ревком. Так, 30 октября в городе состоялся организованный большевиками митинг, на котором большинство солдат поддержало большевистские лозунги и выразило доверие новой власти. 13 ноября в противовес эсеро-меньшевистскому городскому совету по инициати-

ве местных большевиков был образован Луцкий ВРК под председательством члена большевистской военной организации Особой армии прапорщика А.Н. Дмитриева. Членами комитета были избраны большевики Ю.С. Гузарский, Автократов, Гайлитс и другие. В составе ревкома были представители местного 2-го гвардейского этапного батальона, инженерного полка, 13-го драгунского полка и Луцкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

По инициативе Луцкого ревкома из сочувствующих большевикам солдат 126-й пехотной дивизии был сформирован вооруженный отряд во главе с А.Н. Дмитриевым. Этот отряд по приказу Луцкого ревкома совершил поход на Луцк и 13 ноября, не встречая сопротивления, вступил в город. По распоряжению ревкома были арестованы комиссар Временного правительства при Особой армии Петров, его помощник Кудрявцев, члены эсеро-меньшевистского армейского исполнительного комитета Особой армии Бельский, Липеровский, начальники Луцкого гарнизона и милиции, не подчинившиеся новой власти офицеры гарнизона и чиновники городской управы. ВРК закрыл издававшуюся армискомом газету «Известия выборных Особой армии». Начальником Луцкого гарнизона ревком назначил солдата Пантелеева. По распоряжению ревкома были заняты типография, почта и телеграф. При содействии Луцкого ВРК был образован и с 13 ноября стал действовать временный ревком Особой армии. Его председателем был избран сначала А.Н. Дмитриев, затем Гайлитс⁴³. Временный ВРК Особой армии установил контроль над штабом армии и назначил в его отделы своих комиссаров⁴⁴.

К концу ноября созданные большевиками военно-революционные комитеты установили контроль над рядом ча-

стей и соединений Особой армии: 39-м, 46-м армейскими корпусами, 1, 2 и 3-й Туркестанскими стрелковыми дивизиями, 293-м запасным, 408-м Кузнецким, 501-м Сарапульским, 502-м Чистопольским пехотными полками⁴⁵.

Теперь на повестку дня для большевиков Особой армии встал вопрос о создании постоянного армейского ревкома. Его предстояло образовать на созванном по инициативе большевиков 4-м армейском съезде. Съезд Особой армии проходил с 26 ноября по 1 декабря в городе Ровно. Из 300 делегатов съезда фракции большевиков принадлежал 171 голос. За резолюции, предложенные большевиками, проголосовали 240 делегатов съезда. Съезд лишил полномочий созданный эсеро-меньшевистским армискомом в начале ноября Комитет защиты страны и спасения революции. В принятой съездом резолюции по вопросу о власти говорилось: «Считаем нужным признать власть Совета Народных Комиссаров... ответственную перед народным Советом в центре; на местах же власть Советов р[абочих], с[олдатских] и кр[естьянских] депутатов, а в армии войсковых комитетов». Из числа делегатов съезд избрал новый постоянный армейский ревком во главе с большевиком Ю.С. Гузарским. Съезд передал армейскому ВРК всю полноту власти на территории Особой армии⁴⁶.

На следующий день после закрытия съезда, 2 декабря, председатель ревкома Особой армии Ю.С. Гузарский доложил в Ставку, что «27 ноября четвертым арм[ейским] съездом выделен из своего состава армейский Военно-революционный комитет, [к] которому перешла вся полнота власти на территории Особой армии. В президиум вошли: председатель Воеревкома Гузарский, товарищами председателя Сычев и доктор Рубинштейн, секретарь

Цетлин, товарищами секретаря Винарский, Соловьев и Ларионов»⁴⁷.

В такой благоприятной для большевиков обстановке созывались и проводились съезды, от имени которых ревкомы претворяли свои мероприятия на этом фронте в жизнь. Однако успех большевиков в целом не свидетельствовал о полной поддержке новой власти большинством солдат Юго-Западного фронта. Уже в первые послеоктябрьские недели на многочисленных солдатских митингах и собраниях было принято множество резолюций и постановлений о непризнании Совета народных комиссаров и Петроградского ВРК. Так, 43-й Охотский пехотный полк требовал передачи власти Учредительному собранию, заявляя, что срыв-созыва этого органа будет подавлен силой. Такие же настроения царили в полках 20-й пехотной дивизии, в частях 25-го армейского корпуса.

При обсуждении вопроса об октябрьских событиях в Петрограде в 5-м Сибирском армейском корпусе собрание корпусного комитета раскололось — 60 депутатов покинули собрание, а остальные 58 человек вынесли решение о поддержке Временного правительства. По данным фронтового ВРК, только за один месяц — ноябрь — на Юго-Западном фронте за «однородно-социалистическую власть» высказались в своих наказах 102 воинские части. При этом в ряде частей и соединений, например, в 100-й и 111-й пехотных дивизиях, настроение солдат, по оценке командования, было «безучастное» и «выжидательное», что относилось, пожалуй к значительной части солдатской массы этого фронта⁴⁸. Ревкомы в процессе взятия власти в большинстве случаев не встречали противодействия основной солдатской массы, так как последняя, как уже отмечалось, в ожидании скорейшего мира фактиче-

ски устранилась от какого-либо участия в политической борьбе.

Установив ревкомовский контроль над 7-й, 11-й и Особой армиями, большевики Юго-Западного фронта повели подготовку к фронтовому съезду. ЦК РСДРП(б) в ответ на просьбу Бюро военной организации большевиков Юго-Западного фронта направил на фронтовой съезд своих представителей М.М. Лашевича и В.И. Зофа, а Юго-Западный областной комитет РСДРП(б) — А.В. Гриневича⁴⁹.

2-й Чрезвычайный съезд Юго-Западного фронта проходил в Бердичеве с 18 по 24 ноября. На съезд прибыло около 700 делегатов, из них 267 большевиков, 213 эсеров (в том числе 50 левых), 47 меньшевиков, 42 беспартийных, 73 украинских эсера. Среди большевиков — делегатов съезда были: М.М. Лашевич, В.И. Зоф, А.В. Гриневич, М.Н. Коковихин, Г.В. Разживин, П.Д. Трубачев, Г.И. Чудновский, С.П. Медведовский, Н.Д. Марченков, Н.Г. Крапивянский, Ф. Попов, Н. Левицкий и др. Наиболее острая политическая борьба по вопросу о признании единственно законной властью в стране Совета народных комиссаров между большевиками и правой частью съезда развернулась в последние три дня его работы, но резолюция так и не была принята.

После долгих фракционных переговоров 24 ноября было достигнуто соглашение о создании временного (до созыва 3-го съезда Юго-Западного фронта) фронтового ВРК, который был признан высшей властью на фронте, выполняющей распоряжения новой власти. В него вошли 35 человек, из них 17 большевиков, 6 левых эсеров, 9 правых эсеров, 2 меньшевика, 1 беспартийный. Председателем ревкома был избран большевик Г.В. Разживин. В состав ревкома вошли от фракции большевиков

А.В. Гриневич, М.Н. Коковихин, В.В. Алферов, Милюков, Оввян, В.М. Турчан, С.П. Медведевский, Старозум, Симонов, Бакий, Бенелюк, Лыков, Дробозин, Кувалдин, Лавров, П.Д. Трубачев. Товарищами председателя были избраны левый эсер В.И. Киквидзе, который работал в полном согласии с большевиками, и большевик М.Н. Коковихин. В состав президиума фронтового ревкома вошли 7 человек, из них 4 большевика, 2 левых эсера и 1 беспартийный. ВРК фронта избрал временную оперативную комиссию из четырех членов и редакционную комиссию из трех человек. Было также решено газету «Голос фронта» переименовать в «Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта»⁵⁰.

26 ноября ВРК Юго-Западного фронта в приказе № 1 объявил, что с этого дня «взял власть на Юго-Западном фронте в свои руки». Фронтовой ревком признал, что «только власть СНК, ответственная перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, является высшей властью в стране, а властью в армии — Верховный главнокомандующий т. Крыленко». Власть в частях фронта передавалась войсковым и военно-революционным комитетам. В приказе фронтового ВРК отмечалось, что «всякое противодействие или неисполнение его распоряжений и распоряжений Верховного главнокомандующего будет рассматриваться как преступление против революции и виновные в нем будут привлекаться к ответственности по всей строгости законов революции»⁵¹.

Однако широко развернуть свою деятельность фронтовой ревком, как и военно-революционные комитеты армий фронта, так и не успел. На арену политической борьбы выступила Центральная рада. Следует отметить, что в ноябре в Киеве Центральной радой был создан Краевой

комитет по охране революции, предназначенный для взятия власти на территории Украины. 3-й Всеукраинский войсковой съезд, состоявшийся в Киеве, выразил полное доверие этому комитету. 7 ноября Центральная рада провозгласила создание Украинской народной республики в составе России.

Вполне естественно, что Центральная рада пыталась сохранить боеспособность Юго-Западного и Румынского фронтов, прикрывавших украинскую территорию. С этой целью в ноябре на заседании Генерального войскового секретариата было принято решение о создании из этих двух фронтов единого Украинского фронта. Командование вышеуказанных фронтов в лице генералов Н.Г. Володченко и Д.Г. Щербачева признало власть Центральной рады, так как после занятия 20 ноября Ставки в Могилеве отрядом Н.В. Крыленко и отстранения от должности, а затем гибели бывшего Верховного главнокомандующего Н.Н. Духонина у них не было иного выбора. Нового Верховного главнокомандующего Крыленко генералы, как отмечалось ранее, не признавали. Таким образом, подчинившись Центральной раде, они сохранили на некоторое время свои посты.

Уже на состоявшемся 28 ноября заседании фронтового ревкома Г.В. Разживин сообщил, что 5—6 дивизий казаков ушли с фронта и собираются ехать на Дон, а Центральная рада способствует этому. Далее председатель фронтового ВРК отметил, что «представители украинской Рады открыто заявляют, что Рада намерена взять штаб фронта». Разживин отметил, что несмотря на то, что «Военно-революционный комитет хочет установить контакт с Радой... Рада идет на открытый вызов»⁵². В принятой на заседании фронтового ревкома резолюции отмечалось, что «ввиду установления факта контрреволюцион-

ного движения на Дону и ввиду того, что Украинская рада содействует отправке казачьих частей на Дон, усиливая тем самым контрреволюцию, способствуя организованному дезертирству с фронта и деморализуя другие части, ВРК категорически требует от Украинской рады прекратить пропуск казачьих войск на Дон и не препятствовать передвижению советских войск». В резолюции также постановлялось «поручить оперативно-боевой комиссии вызвать представителей ВРК и совместно с ними разработать план организации революционных сил для борьбы с контрреволюцией»⁵³.

Через день, 30 ноября, в повестке дня заседания ВРК фронта вновь стоял вопрос о новых враждебных действиях Центральной рады. Дело в том, что голова Украинской фронтовой рады Певный объявил себя «временно исполняющим обязанности комиссара Юго-Западного фронта» и издал приказ № 1. Ознакомившись с содержанием этого приказа, фронтовой ВРК разослал всем комитетам фронта телеграмму о том, что «голова украинской фронтовой Рады, не выражающий воли солдат фронта, самозвано объявил себя комиссаром Юго-Западного фронта». ВРК предписал «не исполнять никаких распоряжений самозванного комиссара», а «только распоряжения ВРК фронта и армий, избранного съездом Юго-Западного фронта»⁵⁴.

Конец «бумажной войне» вскоре положила Центральная рада. 3 декабря ее войска, воспользовавшись тем, что гарнизон Бердичева, где располагался штаб Юго-Западного фронта, немногочислен, захватили штаб фронта, включая весь технический аппарат. Деятельность ВРК фронта и выпуск «Известий Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта» были прекращены, а некоторые члены фронтового ревкома арестованы. Оставшиеся на свободе

члены фронтового ревкома — Г.В. Разживин, В.И. Киквидзе, С.П. Медведовский и другие бежали из Бердичева в Ровно в штаб Особой армии⁵⁵. Оттуда они руководили военно-революционными комитетами фронта и готовили созыв 3-го фронтового съезда.

В ночь на 11 декабря войска Центральной рады захватили штаб 11-й армии Юго-Западного фронта и штабы всех четырех армий Румынского фронта, о чем речь пойдет далее. Происходили аресты большевиков и ликвидация большевистских ревкомов армий.

В такой сложной для большевиков обстановке в Ровно 30 декабря открылся 3-й Чрезвычайный съезд делегатов армий Юго-Западного фронта, созыв которого, как уже отмечалось, был подготовлен членами разогнанного войсками Центральной рады ВРК Юго-Западного фронта Г.В. Разживиным, В.И. Киквидзе, С.П. Медведовским и другими. Хотя представительство на съезде было неполным, особенно от 7-й армии, собравшиеся делегаты все же объявили себя съездом и приступили к работе. Большевистски настроенные части гарнизона Ровно, чтобы обезопасить работу съезда, по приказу Г.В. Разживина арестовали членов войсковой рады Особой армии.

Но ночью 31 декабря в Ровно ворвались войска Центральной рады, стоявшие в местечке Здолбуново, и арестовали председателя ВРК Особой армии Ю.С. Гузарского и часть делегатов съезда, а также ограбили армейскую кассу. Избежавшие ареста делегаты съезда срочно вызвали из Дубно два эшелона верных большевикам войск, которые под командованием В.И. Киквидзе разбили украинские части и 1 января 1918 г. восстановили свою власть в городе. Съезд вновь продолжил свою работу. Были рассмотрены вопросы создания нового фронтового ревкома,

демобилизации армии, формирования сводной дивизии из большевистски настроенных солдат. Во вновь избранный фронтовой ВРК вошли Г.В. Разживин, С.П. Медведевский, В.И. Киквидзе, Ф. Клопотовский и др. Главнокомандующим армиями фронта был избран В.И. Киквидзе⁵⁶.

После съезда фронтовой ревком продолжил борьбу с Центральной радой. Были ликвидированы армейские рады, а в феврале вооруженными отрядами под командованием В.И. Киквидзе — и фронтовая рада⁵⁷. И в связи с массовой демобилизацией уже к началу немецкого наступления в феврале 1918 г. на Юго-Западном фронте осталось всего несколько десятков тысяч солдат.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА РУМЫНСКОМ ФРОНТЕ

На Румынском фронте политическая обстановка в послеоктябрьский период была еще сложнее, чем на соседнем Юго-Западном. Хотя и здесь и там на ход событий повлияли выступление Центральной рады, вмешательство румынской армии, воздействие дипломатических и военных миссий Антанты. Напомним: в состав Румынского фронта входили русские (4, 6, 8 и 9-я) и румынские (1-я и 2-я) армии, причем две русские армии (6-я и 9-я) дислоцировались на румынской территории. Штаб фронта находился в городе Яссы (Румыния), где также располагались румынское командование и миссии Антанты. Номинально главнокомандующим армиями Румынского фронта был румынский король Фердинанд I, но фактически — его помощник, главнокомандующий русскими армиями этого фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев.

В период Октября Ставка Верховного главнокомандующего и ее руководящее «ядро» связывало свои пла-

ны с этим генералом. Ставка с основанием полагала, что поскольку в распоряжении Щербачева находилась значительная часть русских армий — четыре из четырнадцати, а также две румынские, он в состоянии объединить все антибольшевистские силы и бросить их на борьбу с новой властью. Так, буквально в канун Октября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Духонин предложил ему принять верховное командование. И только практическая невозможность осуществления этого замысла не позволила Щербачеву занять высшую должность в российских вооруженных силах⁵⁸.

Небезынтересно, что в разговоре по прямому проводу с Щербачевым, состоявшемся 17 ноября (незадолго до взятия Ставки отрядами Н.В. Крыленко), Духонин, к тому времени уже временно исполняющий должность Верховного главнокомандующего, вновь поднял этот вопрос: «В том случае, если бы я выбыл из строя, то в таком случае я буду просить вас принять на себя обязанности Главковерха. Могу ли я на это рассчитывать?». И хотя в своем ответе генерал успокоил Главковерха (Верховного главнокомандующего): «Я уверен, что все будет благополучно... С своей стороны исполню все, что вы укажете...», он, конечно, понимал, что дни Ставки уже сочтены⁵⁹.

Возлагая надежду на свои довольно сильные позиции, обусловленные спецификой фронта (удаленность от России, дислокация армий на украинской и частично на румынской территории, слабость местных большевистских организаций и т.д.), Д.Г. Щербачев, лидеры фронтовых эсеровских и меньшевистских организаций, комиссар Временного правительства на Румынском фронте правый эсер Э.Н. Тизенгаузен сосредоточили усилия на том, чтобы не допустить перехода под большевистский контроль

этого фронта, самого многочисленного в русской армии. Его командованию удалось на определенный период затормозить большевизацию солдатских комитетов и сохранить за собой руководство над большинством армий (4, 6 и 9-й) до конца ноября. Характерно, что командующий 4-й армией генерал от инфантерии А.Ф. Рагоза и командующий 6-й армией генерал от кавалерии А.А. Цуриков оставались на своих постах еще и в начале декабря, в то время как на других фронтах командармы были давно смещены. Сам же Щербачев командовал фронтом до марта 1918 г., т.е. до его ликвидации.

Как вытекало из переговоров штаба фронта со Ставкой, Щербачев 30 октября доносил, что он на данный момент является хозяином положения на фронте и что «имеют место только митинги отдельных частей». Комиссар фронта информировал Ставку, что в армиях царит «исключительное спокойствие»⁶⁰. Даже австро-венгерское командование обратило внимание на то, что 4, 6 и 9-я армии вплоть до конца ноября не подверглись большевистскому влиянию и находились в подчинении командования. По мнению командования противника, Щербачев смог противопоставить себя новой власти, так как располагал румынскими армиями⁶¹.

Процесс большевизации Румынского фронта тормозился и таким фактором, как поддержка значительной частью солдатских масс эсеровской, меньшевистской, а также партий украинских социалистов (на этом фронте, как и на Юго-Западном, только в значительно большем количестве, находились солдаты-украинцы). Все это привело к затяжной борьбе за власть различных политических сил на этом фронте.

Важным фактором стало и то, что местные лидеры эсеров и меньшевиков поспешили перехватить инициативу у

большевиков, проявленную ими на других фронтах, и сами 26 октября создали ВРК Румынского фронта с резиденцией в Яссах. Этот ревком был сформирован из представителей фронтового отдела Центрального исполнительного комитета советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерода)⁶², комиссариата Временного правительства фронта и командования. В его состав вошли фронтовой комиссар Э.Н. Тизенгаузен, его помощник эсер Андрианов, от фронтового отдела Румчерода — комиссар Временного правительства 6-й армии правый эсер Г.И. Лордкипанидзе (председатель), Хаджи-Лазарь, Лозовой, Веселков, Моночиненков, Польша, от штаба главнокомандующего армией Румынского фронта — подполковник Дубяго⁶³.

В принятой в тот же день декларации фронтовой ревком объявил, что своей главной задачей он считает борьбу «за сохранение порядка и спокойствия» на фронте и в тылу, дабы не дать врагу «воспользоваться критическим положением страны». Далее в декларации подчеркивалось, что для достижения поставленной задачи «фронтовой ВРК в полном согласии с представителями фракций эсеров, меньшевиков и большевиков решил взять всю полноту общественной и политической власти в свои руки». В декларации предлагалось также создать в армиях, корпусах и дивизиях фронта военно-революционные комитеты, в задачу которых должно входить установление контроля над телеграфом и радиостанциями. Кроме того, в одном из пунктов декларации говорилось об оставлении на своих местах комиссаров Временного правительства. Фронтовой ВРК также предложил сформировать «сводную революционную дивизию» для отправки ее в Петроград на помощь Временному правительству⁶⁴.

Следует отметить, что Румчерод пытался сформировать для поддержки Керенского «отряд особого назначения» численностью в 3000 человек. Однако как большевики не смогли направить с Северного и Западного фронтов реальную помощь Петроградскому ВРК, так и ревком Румынского фронта был не в состоянии оказать помощь Временному правительству. Дело в том, что, как и на других фронтах, на Румынском солдаты противились развязыванию гражданской войны, и все их помыслы сводились к заключению мира. Об этом свидетельствуют многочисленные сводки сведений командования о настроении в войсках, резолюции и постановления солдатских митингов⁶⁵.

С целью закрепления своей власти на Румынском фронте эсеро-меньшевистский фронтовой ревком с согласия Румчерода созвал Чрезвычайный съезд Румынского фронта. Он состоялся 31 октября — 1 ноября в румынском городе Романе (Румыния). В соответствии с реальным соотношением политических сил на фронтах, что впоследствии подтвердили и выборы в Учредительное собрание, из 180 делегатов 108 были эсерами, 40 — меньшевиками, а большевики располагали лишь 25 мандатами. Председателем съезда был избран комиссар Временного правительства 6-й армии правый эсер Г.И. Лордкипанидзе. Среди присутствующих разгорелась острая полемика по вопросу о текущем моменте, и в результате эсеро-меньшевистскому руководству съезда удалось поставить на голосование резолюцию, в которой указывалось на несвоевременность вооруженного восстания в Петрограде. А фракция эсеров даже настояла на внесении в нее дополнения, осуждавшего восстание.

Большевистская фракция отказалась голосовать и в то же время приняла резолюцию, где признавалась необх-

димось создания «однородной» демократической власти в государстве, формирование которой, как гласил этот документ, следует доверить Комитету спасения Родины и революции, созданному в Петрограде в ночь на 26 октября. Необходимо отметить, что к моменту открытия фронтового съезда Комитет распался, а его деятели образовали в конце ноября Союз защиты Учредительного собрания.

После вынесения на голосование резолюции о непризнании власти Совета народных комиссаров большевики в знак протеста ушли со съезда, однако согласились на участие во вновь созданном съездом фронтовом ВРК и оставили список своих кандидатов (П.И. Баранов, В.С. Корнев и С.Д. Чекалин)⁶⁶. Все это свидетельствовало об организационной слабости большевиков фронта и их опасениях потерять и без того малое влияние в солдатской массе. Их слабость на тот момент объясняется тем, что фронтовой комитет РСДРП(б) был создан довольно поздно, 31 октября, на съезде в Романе, а в 4, 6 и 9-й армиях — еще позднее.

Следует отметить, что вхождение всего трех большевиков в состав эсеро-меньшевистского фронтового ВРК, естественно, не могло оказать какого-либо влияния на его деятельность. Позже, на состоявшейся 27—30 ноября в Кишиневе конференции большевистских организаций Румынского фронта, Баранов, Корнев и Чекалин признали, что их членство в его составе было политической ошибкой. В частности, один из них — руководитель фронтового комитета РСДРП(б) Баранов — связывал это со слабостью и даже отсутствием в то время в значительной части армий фронта большевистских организаций, а другой, Корнев, вынужден был признать, что «в Военно-революционный комитет Румфронта мы попали в меньшинстве: на три большевика приходится десять человек

эсеро-меньшевистского блока. В нашей борьбе с ними мы могли оказывать только нравственный отпор. Для активной же борьбы нас было слишком мало»⁶⁷.

Сразу же после съезда фронтовой ревком приступил к созданию в частях и соединениях фронта сети военно-революционных комитетов. 5 ноября в приказе фронтового ВРК, изданном за подписями помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева, начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал-майора Г.Н. Вирановского и товарища председателя фронтового ВРК Веселкова, предписывалось сформировать военно-революционные комитеты — армейские, корпусные, дивизионные и гарнизонные⁶⁸. В своей телеграмме от 11 ноября, адресованной солдатским комитетам фронта, фронтовой ВРК расписал принцип конструирования этих органов. В частности, все армейские военно-революционные комитеты должны быть образованы из представителей эсеров, меньшевиков, большевиков и украинских социалистов на паритетных началах⁶⁹.

Руководствуясь приказами и инструкциями фронтового ВРК, армейские эсеры и меньшевики, поддержанные командованием, покрыли весь Румынский фронт сетью своих военно-революционных комитетов. Эсеро-меньшевистские ВРК были созданы во всех армиях и большинстве корпусов и дивизий фронта⁷⁰. Составлявшие меньшинство в этих органах, большевики были не в состоянии помешать эсеро-меньшевистскому большинству принимать свои решения по обсуждаемым на заседаниях военно-революционных комитетов вопросам.

8-я армия. Более сильные позиции занимали большевики находившейся на правом фланге фронта 8-й армии,

поддерживавшие оживленные связи с тылом, прежде всего с Петроградом. В этой армии явочным порядком возникли первые большевистские ревкомы на Румынском фронте. Их образованию в значительной степени способствовало и то обстоятельство, что местные большевики первыми вышли из объединенной социал-демократической организации и на прошедшей 29 сентября в городе Могилеве-Подольском 1-й армейской конференции социал-демократических организаций образовали самостоятельную организацию. Кроме того, они имели свой печатный орган — газету «Красное знамя», со страниц которой вели антивоенную и антиправительственную пропаганду среди солдат.

Большое значение для сплочения большевистских сил в этой армии имела 2-я конференция большевиков 8-й армии, проходившая с 28 по 30 октября также в Могилеве-Подольском. В ее работе приняло участие 297 делегатов, представлявших более 7000 большевиков различных частей и соединений армии. Обсудив информацию об октябрьских событиях в Петрограде, конференция приняла резолюцию, в которой заявила, что приветствует Петроградский ВРК и готова, если понадобится, оказать ему вооруженную помощь. В резолюции также отмечалось, что конференция призывает всех армейских большевиков «приложить все усилия для организации и сплочения революционных сил в полках, дивизиях, корпусах и во всей армии»⁷¹.

Самые первые большевистские военно-революционные комитеты в 8-й армии были образованы в частях 11-го и 33-го армейских корпусов, несколько позже — в 16-м, 23-м армейских и 2-м кавалерийском корпусах. При этом следует подчеркнуть, что там, где были переизбра-

ны солдатские комитеты и в них преобладало влияние большевиков, процесс создания большевистских военно-революционных комитетов и взятие ими власти проходили достаточно быстро и организованно.

Такое положение создалось в 13-м Заамурском пограничном пехотном полку, входившем в состав 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии (33-й армейский корпус). Здесь 27 октября по инициативе председателя полкового комитета большевика И.Ф. Кучмина был образован полковой ВРК. В изданном на следующий день приказе № 1 полкового ревкома солдатам было объявлено о том, что вся власть «в полку перешла в руки Военно-революционного комитета»⁷². На факт создания большевиками полкового ревкома незамедлительно отреагировали их политические противники. В телеграмме уполномоченных комиссара Временного правительства при 8-й армии Зайченко, Малютина и Армадедова, отправленной 31 октября командующему 8-й армией генерал-лейтенанту Н.Л. Юнакову, они докладывали о том, что «в 13 пограничном полку с 27 октября образовался самочинным порядком военно-революционный комитет, образованный по инициативе председателя полкового комитета солдата Кучмина. Комитет захватил [в] свои руки власть [в] полку, держит под контролем телефон и наблюдает за сношениями ком[андира] полка вверх и вниз, подвергая все цензуре и допуская лишь то, что признает нужным в своих целях»⁷³.

С первых дней своей деятельности полковой ревком стал подвергаться гонениям со стороны своих политических противников. Уже 31 октября вышестоящий эсеро-меньшевистский ВРК 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии в своем приказе № 1 осудил действия

большевиков и заявил, что он признает только те ревкомы, которые создаются в соответствии с указанием командования и «председателя коркома (корпусного военно-революционного комитета. — С.Б.) 33 [армейского корпуса]... коим только и присваивается вся полнота власти... Образование Военно-революционного комитета в 13-м полку, присвоившего себе всю полноту власти [признаем] самочинным и противозаконным»⁷⁴.

К изложенному следует добавить, что командование полка, эсеры и меньшевики из полкового солдатского комитета предприняли попытку в противовес образовавшемуся большевистскому полковому ВРК, создать свой ревком. Об этом свидетельствует, в частности, протокол состоявшегося 2 ноября общего собрания полкового солдатского комитета 13-го Заамурского пограничного пехотного полка. Эсеры и меньшевики поставили на нем в повестку дня вопрос «Об организации в полку Военно-революционного комитета... который в зависимости от полкового комитета следил бы за политической жизнью...»⁷⁵ Однако более многочисленная большевистская фракция солдатского комитета этого не допустила.

3 ноября командование 33-го армейского корпуса донесло в штаб 8-й армии, что председатель полкового и военно-революционного комитетов И.Ф. Кучмин пользуется большим авторитетом в 123-м Заамурском пограничном пехотном полку и выступает «с успехом на всех митингах, проповедуя усердно лозунги большевиков». В донесении указывалось, что «в частях, где вожаки большевизма наиболее энергичны и влиятельны, идеи большевизма начинают облекаться в реальную форму (...образование самочинного революционного комитета в 13-м полку...)»⁷⁶.

Большевистский ВРК возник и в 165-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса. По его приказу ревкомы были образованы во всех полках дивизии и наделены широкими полномочиями. Среди последних важно выделить следующие: «1) Военно-революционный комитет, как обладающий всей полнотой власти в полку, берет на себя право строжайшего контроля всех устных и письменных распоряжений командира полка и всего командного состава. 2) Все распоряжения и приказания, не исключая и оперативных, касающиеся полка, отдаются с ведома Военно-революционного комитета. 3) Военно-революционный комитет контролирует распоряжения полкового исполнительного комитета... 5) В случае неисполнения приказов и распоряжений, подписанных председателем или одним из членов Военно-революционного комитета, подобные лица будут караться всей строгостью военно-революционной власти»⁷⁷. Как видно из приведенного приказа, под контроль большевистских ревкомов подпадала деятельность не только командного состава, но и солдатских комитетов. Таким образом, здесь ревкомы были поставлены над своими же солдатскими комитетами. Следует добавить, что большевистский ВРК этой дивизии под руководством большевика Данышина сделал даже попытку арестовать членов эсеровской и меньшевистской фракций армейского исполнительного комитета 8-й армии, однако солдаты дивизии помешали ее осуществлению⁷⁸.

В 32-й пехотной дивизии этого же корпуса 26 октября также возник боевой большевистский орган, который получил название Исполнительный дивизионный комитет большевиков. 27 октября он довел до сведения командования, что «принял всю полноту власти»⁷⁹.

Обеспокоенный появлением в 8-й армии военно-революционных комитетов большевистского направления,

эсеро-меньшевистский ВРК Румынского фронта 30 октября обратился с телеграммой ко всем армейским комитетам фронта, в которой призывал их исполнять только его распоряжения. «Ввиду того, что в данное время образовались самочинные организации, требующие подчинения своей власти, — говорилось в телеграмме, — вновь подтверждается, что исполнять необходимо распоряжения, идущие только через военно-революционный комитет Румфронта»⁸⁰.

Однако в целом политическая обстановка, сложившаяся в 8-й армии, по сравнению с Северным и Западным фронтами, не давала еще возможности большевикам взять власть. 7 ноября солдатский комитет вышеупомянутой 32-й пехотной дивизии и уполномоченные от организации солдат-крестьян решили организовать при дивизии совет солдатских депутатов, которому и была передана вся полнота власти. Причем в его состав полностью вошли исполнительный солдатский комитет дивизии, пять представителей организации солдат-крестьян, три делегата от дивизионной рады, один от мусульманского бюро дивизии и только по одному представителю от политических партий⁸¹. Создание этого многопартийного органа означало неудачу попыток большевиков взять власть в дивизии в одностороннем порядке.

Первыми в 8-й армии повели борьбу за переизбрание эсеро-меньшевистских ревкомов большевики 33-го армейского корпуса, имевшие наиболее сильную партийную организацию. На состоявшемся 6 ноября съезде большевиков частей и соединений этого корпуса под председательством И.Ф. Кучмина было принято постановление «образовать во всех частях военно-революционные комитеты...»⁸²

Во исполнение этого постановления в частях корпуса большевики провели собрания солдатских комитетов, где ставили вопрос о переизбрании эсеров-меньшевистских ВРК и создании своих большевистских. В частности, на состоявшемся 12 ноября объединенном заседании ротных, командных и полкового комитетов 22-го Туркестанского стрелкового полка, которое вел председатель полкового комитета подпоручик большевик В. Овчинников, в повестку дня был поставлен вопрос «о переизбрании корпусного Военно-революционного комитета». Заседание единогласно проголосовало за резолюцию, ранее принятую объединенным собранием солдатских комитетов и ревкомов 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии, 6-го Заамурского пограничного пехотного, 22-го Туркестанского стрелкового и 697-го пехотного Проскуровского полков, в которой говорилось, что «ввиду несоответствия Военно-революционного комитета 33-го корпуса... требуем смены членов названного Комитета...». К резолюции собранием даже было сделано добавление: «в случае отказа принять самые решительные меры»⁸³.

Состоявшийся 16—17 ноября в городе Хотине корпусной съезд приветствовал новую власть, отстранил от должности комиссаров Временного правительства и заменил их большевиками из числа своих делегатов, а также лишил полномочий эсеров-меньшевистский корпусной ревком корпуса, избрав новый большевистский во главе с большевиком Я.М. Муравником⁸⁴. Вскоре корпусной ВРК сообщил частям 33-го армейского корпуса, что «новые военно-революционные комитеты являются высшими и единственными органами власти, которым в пределах части должны подчиняться все остальные организации и командный состав этой части»⁸⁵.

Вслед за 33-м армейским корпусом, в конце ноября, большевики образовали свой новый ВРК 16-го армейского корпуса, а эсерово-меньшевистский ревком распустили. 2 декабря на объединенном заседании ВРК корпуса с представителями 41, 47 и 160-й пехотных дивизий постановили послать советскому правительству резолюцию, в которой докладывалось, что «весь 16-й корпус стоит всецело на стороне Совета народных комиссаров»⁸⁶.

Одновременно с взятием власти снизу большевики 8-й армии развернули борьбу со своими политическими противниками за созыв армейского съезда, на котором рассчитывали создать свой большевистский ревком. 21—30 ноября в Могилеве-Подольском состоялся 2-й съезд 8-й армии, который прошел под влиянием большевиков, так как они были на съезде наиболее многочисленной фракцией (150 делегатов), к тому же в блоке с левыми эсерами (75 делегатов) и меньшевиками-интернационалистами (14 делегатов) имели значительное большинство. Правое крыло, составлявшее 130 делегатов (правые эсеры, меньшевики-оборонцы и украинские социалисты), оказавшись в меньшинстве, не смогло повлиять на политическую направленность съезда. В итоге большинством голосов на нем были приняты резолюции, предложенные большевиками.

Съезд осудил эсерово-меньшевистские армиском и армейский ВРК и лишил их полномочий. Совнарком признавался единственной властью в стране. Съезд объявил о поддержке всех декретов и распоряжений новой власти. Во вновь избранный состав армискома вошло 89 человек, в том числе 37 большевиков и 18 левых эсеров, 25 меньшевиков и эсеров правого блока, 3 меньшевика-интернационалиста и 6 украинских социалистов⁸⁷. От

большевиков в состав армискома вошли: Б.И. Солерс, Г.В. Знаменский, Т.Н. Хохлов, М.Т. Бутов, Г.И. Трифонов, В.А. Басенко, Охитович, Жульдыбин и др. На общем собрании армискома, состоявшемся 1 декабря, был избран его президиум под председательством Б.И. Солерса⁸⁸. Съезд отстранил от должности комиссара Временного правительства и избрал советским комиссаром 8-й армии Г.И.Трифонова, а его помощником В.А. Басенко⁸⁹.

Во исполнение решения съезда, президиум армискома образовал 2 декабря новый ВРК 8-й армии. В его состав вошло 18 человек, из них 10 — от левого блока (в том числе от большевиков Б.И. Солерс, Т.Н. Хохлов и др.), 3 — от меньшевиков-оборонцев и правых эсеров и 5 — от украинских социалистов. Председателем армейского ВРК был избран большевик Г.В. Знаменский⁹⁰. В соответствии с решением съезда армейский ВРК упразднил комиссариат Временного правительства и принял у него все дела, о чем 6 декабря было доложено в Совнарком⁹¹. Штаб 8-й армии был взят под контроль армейского ВРК, а командующему армией генерал-лейтенанту Н.Л. Юнакову было предписано подчиняться только распоряжениям советского правительства, армискома и армейского ВРК⁹².

В остальных армиях фронта в это время, как уже отмечалось, в основном действовали ревкомы, в составе которых большевики были в меньшинстве. Эти комитеты стояли на политической платформе Чрезвычайного съезда Румынского фронта, о работе которого говорилось выше, и высказывались за однородно-социалистическое правительство. Политические противники большевиков с полным основанием считали создание этих ревкомов своим успехом и препятствовали взятию власти сторонниками Совета народных комиссаров.

4-я армия. Здесь, как и в 8-й армии, большевистские ревкомы стали (хотя и позднее) возникать в тех дивизиях и корпусах, где особенно были сильны организации большевиков. Наиболее крепкие большевистские организации действовали в частях 24-го армейского корпуса. Борьбу за создание нового большевистского корпусного ВРК возглавили большевики входившей в его состав 48-й пехотной дивизии. На созванном 17—19 ноября по инициативе большевиков чрезвычайном съезде 48-й пехотной дивизии был создан новый большевистский дивизионный ВРК, незамедлительно взявший власть в дивизии в свои руки. По его приказу был арестован не подчинившийся новой власти командир дивизии генерал-майор Е.О. Новицкий.

Кроме того, дивизионный ВРК направил 19 ноября боевой отряд большевистски настроенных солдат в село Команешти, где размещался штаб корпуса. Здесь под угрозой вооруженного воздействия боевым отрядом был распущен эсеро-меньшевистский корпусной ревком и арестован весь командный состав корпуса. В тот же день, 19 ноября, из отдела генерала-квартирмейстера штаба 4-й армии телеграфировали в штаб Румынского фронта, что «сотней солдат-большевиков арестован весь штакор 24 (штаб 24-го армейского корпуса. — С.Б.), включая и комкора (командира корпуса. — С.Б.), все офицеры гарнизона, а также и революционный комитет, стоявший за продолжение войны. Большевиками заняты телеграф, телефон и все помещения штакора»⁹³.

На следующий день, 20 ноября, по инициативе большевиков был сформирован временный большевистский ВРК 24-го армейского корпуса. В его состав вошли также члены ревкома 48-й пехотной дивизии большевики Курочкин, Рыбак, левый эсер И.С. Кондурушкин и другие.

Новый корпусной ВРК объявил о переходе власти в корпусе в его руки⁹⁴.

По решению временного корпусного ревкома в городе Роман, где размещался штаб 4-й армии, 21 ноября вооруженный отряд, созданный из большевистски настроенных солдат, занял штаб, отдел генерала-квартирмейстера и телеграф, арестовал часть членов эсеров-меньшевистского армискома. 22 ноября прежний комиссариат 4-й армии, во главе которого стоял комиссар Временного правительства В.А. Алексеевский, передал во все части и соединения армии телеграмму о том, что он прекращает свою деятельность. Вместо эсеров-меньшевистского был создан временный большевистский ВРК 4-й армии во главе с И.С. Кондурушкиным⁹⁵.

23—24 ноября под председательством прапорщика А.С. Круссера состоялась армейская партийная конференция большевиков. По ее указанию 24 ноября на собрании корпусных и армейского военно-революционных комитетов 4-й армии для усиления большевистской фракции армейского ВРК в его состав было введено дополнительно девять большевиков: В. Иванов, Я. Смирнов, Ф. Панченко, П. Киенко, П. Одинцов, С. Арефьев, К. Кульчинский, К. Старостин, И. Ващенко. Кроме них в армейский ревком вошли 2 меньшевика, 2 эсера, 2 представителя от Центральной рады, 3 — от крестьянской организации армии, 1 беспартийный и 2 места были предоставлены представителям мусульманской организации армии. Вместо левого эсера И.С. Кондурушкина, председателем армейского ВРК был избран большевик К. Старостин⁹⁶. Руководство ВРК 4-й армии стало в основном большевистским. В заключение работы конференция большевиков постановила передать всю власть в 4-й армии в руки нового армейского ВРК⁹⁷.

На возмущенный запрос эсэро-меньшевистского ревкома 14-й пехотной дивизии (8-й армейский корпус) о причинах неравномерного распределения мест в армейском ВРК между партиями и общественными организациями ВРК 4-й армии ответил телеграммой от 28 ноября. Она гласила, что количество представителей в армейском ревкоме якобы соответствует действительному соотношению сил различных политических течений на фронте⁹⁸.

На состоявшемся 25 ноября заседании армейского ревкома было решено безотлагательно развернуть борьбу за созыв армейского съезда, на котором большевики предполагали окончательно избавиться от своих политических противников. В связи с этим всем большевистским ревкомам армии было предписано провести широкую пропагандистскую кампанию с целью обеспечения большевикам подавляющего числа депутатских мандатов. Армейский ревком также приказал командному составу беспрекословно исполнять только распоряжения и телеграммы за подписью председателя или дежурного члена ВРК⁹⁹. На следующий день, 26 ноября, председатель армейского ревкома К. Старостин сообщил в Ставку Верховного главнокомандующего, что «Комиссариат 4-й армии прекратил свое существование. Всю работу Комиссариата взял на себя Революционный комитет 4-й армии»¹⁰⁰.

После большевистской конференции и избрания нового армейского ВРК в войсках 4-й армии несколько ускорился процесс создания большевистских военно-революционных комитетов. Так, общим собранием представителей полков 30-го армейского корпуса, состоявшимся 30 ноября, был избран большевистский корпусной ВРК. В приказе № 1 от 3 декабря ревком корпуса извещал, что взял всю власть в корпусе в свои руки. В приказе со-

общалось также о создании в корпусе большевистской организации¹⁰¹.

Состоявшийся в Романе 1—6 декабря 2-й Чрезвычайный съезд 4-й армии закрепил в ней позиции армейских большевиков. Подавляющее число делегатов (350 из 555) съезда составляли большевики и левые эсеры¹⁰², и за основу он принял предложенную большевистским армейским ВРК повестку дня, центральным вопросом которой было отношение 4-й армии к советскому правительству. Большинство голосов 2 декабря была принята резолюция о полной поддержке новой власти¹⁰³, и по всем остальным вопросам повестки дня — о мире, Учредительном собрании и выборном начале в армии — съезд принял резолюции, также предложенные большевиками.

Съезд избрал новый состав армейского исполнительного комитета, большинство членов которого составили большевики и левые эсеры. Председателем его был избран большевик Я.А. Разумный. В последний день работы, 6 декабря, съезд избрал нового командующего 4-й армией — левого эсера И.С. Кондурушкина, а на должность начальника штаба назначил полковника Байова, пользовавшегося доверием большевиков. В должности советского комиссара 4-й армии съезд утвердил большевика С.Т. Кожевникова, прибывшего в армию по предписанию Совнаркома¹⁰⁴.

6-я армия. В отличие от 8-й и 4-й армий, 6-я армия полностью дислоцировалась на румынской территории (за исключением ее штаба, находившегося в городе Болград Бессарабской губернии), и у армейских большевиков не было связи с тыловыми партийными организациями, что осложняло их работу. В ревкоме 6-й армии, созданном 7 ноября по инициативе эсеров, меньшевиков и ко-

мандования, большевики имели только 4 места из 17, и естественно, не могли оказывать заметного влияния на его деятельность. Председателем армейского ревкома был избран меньшевик Грейбер.

На первом же заседании ВРК 6-й армии, обсуждая вопрос о мире, отказался признать советское правительство, декрет о мире и назначение Н.В. Крыленко Верховным главнокомандующим. 8 ноября комиссар 6-й армии Ю. Липеровский (направленный туда еще Временным правительством) адресовал всем частям армии телеграмму, в которой говорилось: «7 ноября сформирован ВРК 6-й армии, все его приказы и телеграммы... подлежат неуклонному, точному и немедленному исполнению»¹⁰⁵.

В конце октября — первой половине ноября в войсках 6-й армии по инициативе эсеров и меньшевиков образовывались военно-революционные комитеты. И лишь в редких случаях в них преобладали большевики, как это имело место, например, в ВРК 7-й стрелковой дивизии и ревкомах 4-го Сибирского стрелкового полка¹⁰⁶. Чтобы изменить создавшуюся ситуацию в свою пользу, армейские большевики повели активную агитацию среди солдат за созыв армейского съезда, на котором они, как это уже наблюдалось в других армиях, намеревались вырвать власть из рук своих политических противников.

Для решения этой проблемы армейские большевики созвали партийную конференцию. Она состоялась 20—21 ноября в Болграде, где, как уже отмечалось, находился штаб армии. В ее работе приняли участие 50 делегатов от частей и соединений 6-й армии. Конференцию открыл председатель большевистской фракции армискома Воробьев. Участники конференции, заслушав доклады с мест о текущем моменте, приняли устав военной организации большевиков и ре-

золюцию о предстоящем армейском съезде. В резолюции по текущему моменту указывалось, что конференция доверяет всю власть Советам, требует их признания и осуждает всякий саботаж против Совнаркома.

Конференция обратила особое внимание на необходимость активизации деятельности партийных организаций в связи с предстоящими выборами делегатов от воинских частей на армейский съезд, а также приняла решение, не дожидаясь армейского съезда, требовать от эсеро-меньшевистского руководства армискома увеличения численности фракции большевиков с 4 до 10 членов¹⁰⁷. На основании заявления руководящих органов армейской большевистской конференции 21 ноября армиском 6-й армии ввел в свой состав еще шесть большевиков¹⁰⁸. После конференции фракция большевиков армискома являлась одновременно и высшим руководящим партийным органом большевистской организации 6-й армии.

Партийная конференция дала новый импульс деятельности большевиков как в солдатских, так и в создаваемых военно-революционных комитетах в частях и соединениях 6-й армии. В результате, например, в конце ноября был организован ревком 7-го армейского корпуса, товарищем председателя которого был избран большевик М.Д. Зискин¹⁰⁹. Поддержал новую власть также ВРК 4-го Сибирского армейского корпуса, председателем которого стал прапорщик левый эсер Л.С. Дегтярев¹¹⁰. Переизбранный ревком 4-го армейского корпуса взял власть в свои руки и разослал в части корпуса телеграммы с требованием ареста не признающих новую власть лиц командного состава¹¹¹. 22 ноября этот же ВРК издал постановление о непризнании Центральной рады и призвал солдат-украинцев воздержаться от отдельных выступлений¹¹². 28 ноября

ВРК 40-й пехотной дивизии того же корпуса также заявил о поддержке советского правительства и взятии власти в частях дивизии в свои руки¹¹³.

По требованию армейских большевиков 26 ноября в городе Галац (Румыния) открылся 2-й съезд 6-й армии, работавший до 4 декабря. На съезде присутствовало 715 делегатов, в том числе 231 большевик, 341 эсер, 78 меньшевиков, левых эсеров — 17, социал-демократов вне фракции — 22, народных социалистов — 8, кадетов — 2, анархистов — 1 и беспартийных — 26. В ходе съезда выделилась фракция левых эсеров в составе 130 человек (в начале его работы объявили себя левыми эсерами только 17 делегатов)¹¹⁴. В такой обстановке, не имея численного преимущества, большевики вступили в блок с левыми эсерами и добились принятия резолюции о признании советского правительства и его поддержки¹¹⁵.

4 декабря, в последний день работы съезда, был избран новый состав армискома в количестве 80 человек: 31 большевик, 12 левых эсеров, 10 меньшевиков, 17 правых эсеров и 10 мест было предоставлено блоку национальных организаций 6-й армии. Таким образом, большевики в армискоме не получили прочного большинства, что впоследствии обусловило колебания в его работе. 9 декабря был избран президиум армискома под председательством прапорщика левого эсера Л.С. Дегтярева¹¹⁶. Кроме того, съезд избрал новый ВРК 6-й армии. Его председателем стал большевик Воробьев, секретарем — большевик Хомкин¹¹⁷. Выборным командующим 6-й армией 11 декабря был избран Л.С. Дегтярев¹¹⁸.

9-я армия. Аналогичное политическое положение в первые послеоктябрьские дни сложилось и в 9-й армии. Так же, как и 6-я армия, она полностью дислоцировалась

на территории Румынии. Но в отличие от других армий Румынского фронта, здесь были очень сильны позиции украинских эсеров и меньшевиков. К тому же под влиянием пропаганды Центральной рады из подчинения русскому командованию вышли пять дивизий двух армейских корпусов — 26-го и 40-го, которым было присвоено название украинских, а впоследствии произошел раскол армии на украинскую и неукраинскую части¹¹⁹.

29 октября по инициативе эсеров, меньшевиков и командования был создан армейский ВРК. В его состав вошли представители эсеров-меньшевистского армискома, командования и Центральной рады. Большевики получили в нем только одно место (И. Комаровский). 31 октября ревком 9-й армии постановил не проводить перевыборов солдатских комитетов до окончания выборов в Учредительное собрание, признать власть Центральной рады и в случае необходимости предоставить войска в распоряжение Временного правительства¹²⁰.

Широко развернуть свою деятельность в этот период большевики 9-й армии не могли по тем же причинам, что и в 6-й армии. Однако, как и в соседней армии, армейским большевикам все же удалось в ряде частей и соединений, где они имели влияние в солдатских комитетах, создать большевистские ревкомы. Так, на состоявшемся 26 октября соединенном заседании солдатских комитетов 29-го армейского корпуса по предложению большевиков была принята резолюция о полном одобрении действий Петроградского ВРК. На этом же заседании был образован большевистский корпусной ревком, взявший под свой контроль штаб корпуса¹²¹. Вслед за ВРК 29-го армейского корпуса, 27 октября был образован большевистский ревком 10-го Кавказского стрелкового полка. Полковой

ВРК объявил о переходе власти в полку в его руки, а 30 октября вынес резолюцию о полной поддержке новой власти¹²². В конце октября — начале ноября большевистские ревкомы были созданы также в 18-м, 40-м армейских корпусах, 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, 37-й артиллерийской бригаде¹²³.

Оказавшись в ситуации, схожей сложившейся в 6-й армии, большевики 9-й армии также решили сначала создать армейскую большевистскую организацию. Дело в том, что армейские большевики состояли вместе с меньшевиками в объединенной организации социал-демократов, и на партийной конференции, состоявшейся в конце сентября, был избран объединенный комитет РСДРП 9-й армии, куда вошли также большевики. Поэтому 5 ноября под руководством одного из лидеров армейских большевиков П.И. Зуева был образован инициативный комитет организации РСДРП(б) 9-й армии, который возглавил подготовку к партийной конференции армии и развернул агитацию среди солдат за созыв армейского съезда¹²⁴.

С 23 по 25 ноября в городе Ботошани (Румыния) под председательством Ф.И. Рогова состоялась конференция большевиков 9-й армии, на которой присутствовало 197 делегатов, представлявших 6546 членов большевистской партии. На ней был избран большевистский комитет 9-й армии и намечены меры по привлечению солдат на сторону большевиков¹²⁵.

Активизация деятельности большевиков 9-й армии вскоре принесла первые плоды: 18—20 ноября в городе Сучава (Румыния) состоялась чрезвычайная армейская конференция, на которой блок большевиков и левых эсеров представлял уже 32 войсковые части. Большинство голосов было принято решение о созыве 1 декабря армей-

«Мировой пожар». Российский плакат времен Первой мировой войны

М.В. Алексеев и А.Ф. Керенский

Л.Г. Корнилов

А.А. Брусилов

Русская пехота в цепи

Русская пехота на привале

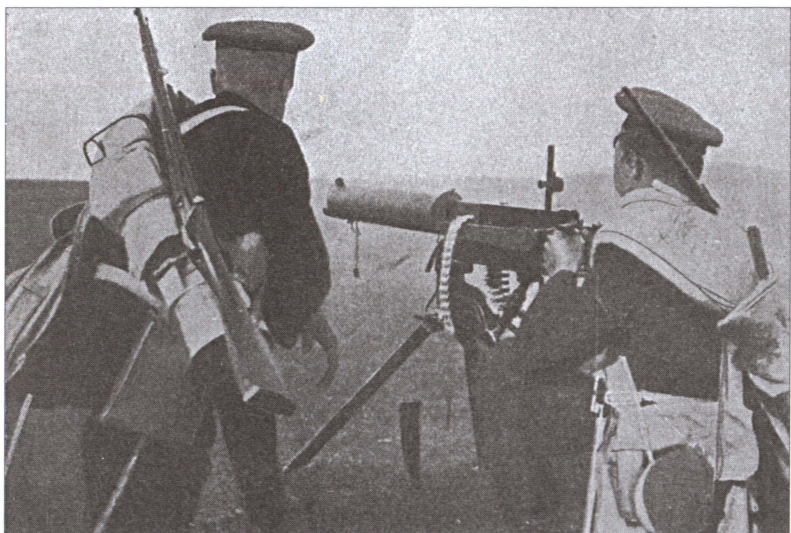
Русские пехотинцы в окопах

Первые русские окопы на Австрийском фронте

Русские пулеметчики

Сибиряки-пулеметчики в бою

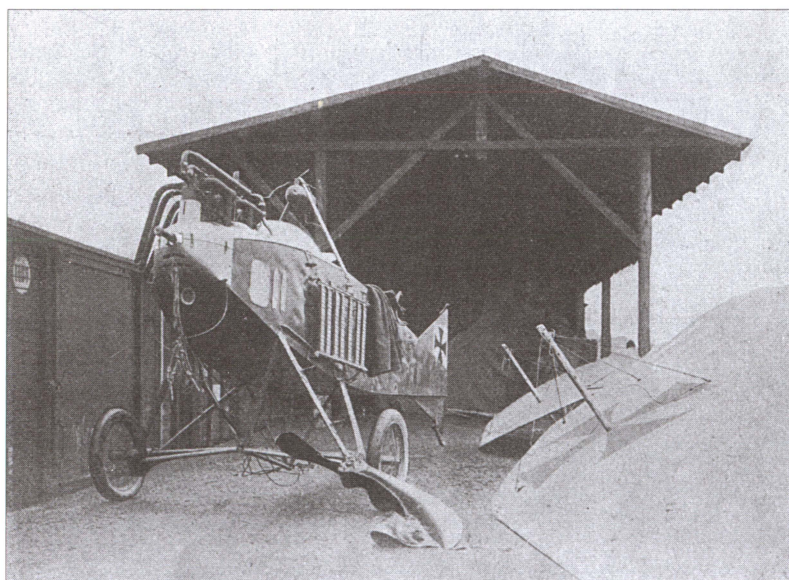
Русская батарея переправляется через реку в Галиции

Русская пехота на переправе

*Русские офицеры рассматривают карточку-донесение,
сброшенную с аэроплана*

Захваченный германский аэроплан

Австрийский генерал, попавший в плен со штабом

Пленные австрийцы в России

«Заем свободы! Война до победы!» Российский плакат 1917 г.

Н.В. Рузский

К.Е. Миллер

Н.Н. Духонин

*Броневики 1-й автопулеметной роты, замаскированные на дороге
в районе Прасныша. Февраль 1915г.*

Оборона предместий Прасныша

Телефонисты русской армии

Русская полевая батарея

М.Л. Бочкарева в 1918 г.

Братание. 1917 г.

Русская пехота в начале войны

*Солдаты Лейб-гвардии Кексгольмского полка
на манифестации в Петрограде*

Манифестанты у Петроградского арсенала. Февраль 1917 г.

В революционном Петрограде. Июнь 1917 г.

На съезде солдатских депутатов в Таврическом дворце. Май 1917 г.

Демонстрация в Гельсингфорсе. Май 1917 г.

ского съезда¹²⁶. За неделю до него эсеро-меньшевистский армиском 9-й армии под давлением большевиков сложил свои полномочия. Сдал дела и комиссар Временного правительства 9-й армии Печкуров¹²⁷. А 23 ноября объявил о своем самороспуске армейский ВРК¹²⁸.

С этого времени инициатива в 9-й армии перешла к блоку большевиков и левых эсеров. С 23 по 29 ноября под их руководством прошли корпусные и дивизионные съезды, избравшие новые большевистские ревкомы, 29 ноября из представителей корпусных военно-революционных комитетов был создан временный большевистский ВРК 9-й армии, который должен был исполнять роль высшего армейского органа до открытия армейского съезда¹²⁹.

3-й армейский съезд 9-й армии проходил 2—7 декабря в городе Ботошани. На нем присутствовали 503 делегата, в том числе 240 большевиков и 150 левых эсеров¹³⁰. Председателем съезда был избран большевик прапорщик Г.П. Сафронов. По всем вопросам повестки дня съезд принял резолюции, предложенные блоком большевиков и левых эсеров. Прежде всего съезд признал советское правительство и выразил протест против притязаний Центральной рады подчинить себе Юго-Западный и Румынский фронты, а на последнем заседании, 7 декабря, постановил переименовать себя в совет солдатских депутатов 9-й армии и избрал большевистский армейский ВРК¹³¹. На состоявшемся 9 декабря заседании исполкома совета солдатских депутатов 9-й армии на пост командующего русскими частями и соединениями 9-й армии¹³² был избран Г.П. Сафронов¹³³.

Таким образом, большевикам Румынского фронта на время удалось вырвать власть из рук своих политических противников и создать большевистские ревкомы во всех четырех армиях фронта. Однако руководство фронтом по-

прежнему оставалось в руках командования и действовавшего в полном согласии с ним эсерово-меньшевистского фронтового ВРК.

С создавшимся положением не хотели мириться ни Совнарком, ни местные большевики. Для консолидации своих сил большевики решили созвать фронтовую партийную конференцию. Она проходила с 28 по 30 ноября в Кишиневе. В работе конференции приняли участие 197 делегатов, представлявших около 200 воинских частей фронта, а также прибывшие на помощь местным большевикам представители ЦК РСДРП(б) и Одесского комитета РСДРП(б). Председателем президиума был избран В.Г. Юдовский. Конференция обсудила вопросы о текущем моменте, о власти, о созыве фронтового съезда и другие. В последний день работы конференция утвердила временный устав военной организации большевиков Румынского фронта и избрала партийный фронтовой комитет в составе 21 члена. В него вошли П.И. Баранов (председатель), В.С. Корнев, В.Г. Юдовский, А.С. Круссер, Ф.И. Рогов, Е.В. Арнольдов и другие большевики фронта¹³⁴.

После фронтовой партийной конференции армейские большевики стали действовать более решительно. 2 декабря в городе Яссы, где, напомним, располагались штаб Румынского фронта и эсерово-меньшевистский фронтовой ВРК, они провели совещание представителей фронтового комитета большевиков, Одесского комитета РСДРП(б) и посланцев Петрограда. Совещание приняло резолюцию: ультимативно потребовать от фронтового ревкома немедленного признания новой власти или безоговорочного сложения полномочий. Совещание выделило из своего состава большевистский ВРК Румынского фронта во главе с П.И. Барановым. В его состав вошли: В.С. Корнев,

М.Н. Троицкий, И. Комаровский, Н. Еремеев, Аксенов, Сухарев, Николаев, Щеканов, Рох, Григорьянц, Старостин, Герман и Рейсон.

В тот же день, в 10 ч вечера, представители вновь избранного ревкома в сопровождении вооруженного отряда, сформированного из сочувствующих большевикам солдат местного гарнизона, отправились в помещение эсеро-меньшевистского фронтового ВРК и с угрозой применения оружия предъявили ультиматум его членам. Не имея в этот момент охраны и не желая кровопролития, последние покинули здание¹³⁵.

В ночь на 3 декабря большевистский фронтовой ревком провозгласил установление советской власти по всему Румынскому фронту. В специально выпущенном по этому поводу воззвании говорилось: «Товарищи солдаты, рабочие и крестьяне! Объявляем вам радостную весть — еще один фронт стал на защиту прав трудящихся. Власть Совета Народных Комиссаров признана Румынским фронтом. 2 декабря фронтовой комитет социал-демократов большевиков... образовал фронтовой Военно-революционный комитет из своей среды, опирающийся на широкие солдатские массы. В 24 часа того же декабря власть перешла к вновь образованному комитету, так как старый комитет не являлся носителем стремлений и выразителем фронта, почему был вынужден сложить свои полномочия»¹³⁶.

Однако существование большевистского ВРК Румынского фронта продлилось не более суток, так как в ночь на 4 декабря по распоряжению главнокомандующего русскими армиями Румынского фронта генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева и при активном содействии созданного Центральной радой Комитета национальных и областных комиссаров его члены были арестованы. К утру 5 декабря

власть оказалась в руках командования и Комитета национальных и областных комиссаров во главе с представителями Центральной рады.

Между тем избежавшие ареста члены фронтового большевистского ВРК В.С. Корнев, П.И. Баранов и Герман снова объявили себя фронтовым ревкомом, а 6 декабря к ним присоединились остальные ревкомовцы, освобожденные из-под ареста. Большевистский фронтовой ВРК вновь потребовал передачи ему всей полноты власти на Румынском фронте. Включился в эту борьбу и прибывший в тот день в Яссы большевик С.Г. Рошаль, назначенный Совнаркомом советским комиссаром Румынского фронта.

Тогда 7 декабря по инициативе Щербачева на его квартире в Яссах было созвано совместное совещание претендующего на власть большевистского фронтового ревкома и Комитета национальных и областных комиссаров. Комиссары предложили большевикам создать объединенный фронтовой ВРК, в состав которого вошли бы представители всех демократических организаций фронта, что, естественно, давало преимущество эсерам, меньшевикам и представителям Центральной рады. Причем непременным условием своего вхождения в этот орган комиссары ставили признание власти СНК только на территории собственно России, но не Украины. Для большевиков подобное требование и перевес их политических противников в таком ВРК были неприемлемы. Один из членов большевистского ревкома поручик В.С. Корнев даже решился на отчаянный шаг — попытался совершить покушение на самого генерала Щербачева. Однако попытка не удалась.

По приказу Комитета национальных и областных комиссаров на квартиру генерала прибыл вооруженный от-

ряд, сформированный в основном из офицеров и казаков. Члены большевистского фронтового ревкома были вновь арестованы, в том числе С.Г. Рошаль, который вскоре был расстрелян. Как писал впоследствии Щербачев, «опираясь на умеренные элементы и соответственно перегруппировав румынские части, я арестовал все образовавшиеся и пытавшиеся захватить власть большевистские комитеты и назначенных ими лиц командного состава на всем Румынском фронте... Двинувшиеся с фронта для поддержки комитетов большевики были встречены румынскими войсками и разоружены». Далее он отмечал, что «разгром пытавшейся захватить власть в Яссах большевистской организации сопровождался вооруженным нападением на меня, окончившимся неудачей»¹³⁷.

Одновременно румынское командование ввело на станцию Соколы, расположенную вблизи Ясс, свой воинский контингент, который к 10 декабря разоружил сочувствующие большевикам части местного русского гарнизона¹³⁸.

Сразу же после событий в Яссах украинизированные войска по распоряжению Центральной рады приступили к разоружению большевизированных частей и соединений, аресту большевиков на всем Румынском, и частично на Юго-Западном фронтах. В ночь на 11 декабря ими были арестованы члены недавно созданных большевистских ревкомов 4, 6 и 8-й армий Румынского фронта, а также Особой и 11-й армий Юго-Западного фронта. В ночь на 13 декабря та же участь постигла и членов армейского большевистского ревкома 9-й армии¹³⁹.

Почему это стало возможным? Напомним, что командование трех фронтов — Юго-Западного, Румынского и Кавказского — после взятия Ставки Верховного главнокомандующего вооруженными отрядами Н.В. Крылен-

ко отказалось признать его власть. В связи с этим нарушилась оперативная связь фронтов. В такой обстановке Центральная рада не оставляла попыток сохранить боеспособность Юго-Западного и Румынского фронтов, прикрывавших украинскую территорию. С этой целью в ноябре на заседании украинского Генерального войскового секретариата было принято решение о создании из этих двух фронтов единого Украинского во главе с Д.Г. Щербачевым. Командование обоих фронтов признало власть Центральной рады, так как после падения духонинской Ставки у них не было другой альтернативы. Щербачев писал впоследствии, что принял предложение Центральной рады, так как ее деятельность в тот момент совпадала с его собственными планами. Однако генерал решил сохранить за собой командование Румынским фронтом, поскольку здесь, по его словам, «ожесточенная борьба с большевиками была в полном разгаре»¹⁴⁰.

Напомним, что немаловажную роль в борьбе с большевиками за власть сыграл, как было показано ранее, созданный Центральной радой на Румынском фронте межнациональный орган — Комитет национальных и областных комиссаров, где преобладали украинцы. Кстати, решение о его создании было задумано еще на Чрезвычайном съезде Румынского фронта (Роман, 31 октября — 1 ноября), где предлагалось образовать коллегиальный комиссариат из выборных представителей всех национальностей фронта. Комитет национальных и областных комиссаров в условиях Румынского фронта стал важным политическим орудием в борьбе с большевиками, поэтому последние упорно добивались его роспуска¹⁴¹.

В разгар событий на Румынском фронте в Одессе с 10 по 29 декабря работал 2-й съезд Центрального испол-

нительного комитета советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод)¹⁴². В числе прибывших на съезд 1090 делегатов было 396 большевиков, 220 левых эсеров, 187 правых эсеров, 68 меньшевиков-оборонцев, 74 украинских правых эсера. Заключив накануне открытия съезда блок с левыми эсерами (на платформе признания Совнаркома), большевики значительно усилили свои позиции для предстоящей борьбы со своими политическими противниками. Среди делегатов-украинцев на съезде произошел раскол. Украинские большевики огласили свое несогласие с действиями Центральной рады, в ответ на что украинские правые эсеры и меньшевики в знак протеста покинули съезд¹⁴³. Подавляющим числом голосов съезд принял резолюцию о власти, предложенную большевиками, а также избрал новый исполком Румчерода во главе с большевиком В.Г. Юдовским. В его состав вошли 180 человек: 70 большевиков, 55 левых эсеров, 23 представителя крестьянских организаций и 32 от других партий. Для руководства борьбой за власть на Румынском фронте съезд избрал фронтовой отдел Румчерода¹⁴⁴.

В это время события на самом Румынском фронте развивались следующим образом. Как ранее отмечалось, украинизированные войска по распоряжению Центральной рады приступили к разоружению большевизированных частей и аресту большевиков на всем фронте. 10 декабря ее части вошли в Могилев-Подольский, где размещался штаб 8-й армии, и в ночь на 11 декабря совершили нападение на большевизированный 47-й пехотный запасный полк, обезоружили его, арестовали командира полка и многих офицеров. Украинизированными частями был также захвачен штаб 8-й армии, телеграф, радиотелеграф

и все прочие средства связи. Ими также были заняты просветительская секция армискома, типография газеты «Известия исполнительного комитета 8-й армии» и редакция газеты большевиков 8-й армии «Красное знамя», а также арестована часть членов армейского ВРК, в том числе заместитель его председателя большевик Т.Н. Хохлов.

Из представителей украинских правых эсеров был создан федеративно-национальный комиссариат 8-й армии, который спешно объявил о роспуске большевистского ВРК 8-й армии¹⁴⁵. Однако армиском все же сумел оповестить об этих событиях части и соединения 8-й армии. 12 декабря состоялся экстренный съезд 16-го армейского корпуса, по решению которого 13 декабря был арестован корпусной украинский комиссар. Съезд потребовал восстановления власти ревкома 8-й армии и направил ультиматум федеративно-национальному комиссариату. 14 декабря состоялось экстренное объединенное заседание военно-революционных комитетов 11-го и 33-го армейских корпусов, которые также направили ему ультиматум о немедленном освобождении работников штаба армии, открытии газеты, типографии и радиостанции, о немедленном выводе украинизированных частей из района расположения 8-й армии. В итоге федеративно-национальный комиссариат вынужден был освободить заместителя председателя армейского ВРК Т.Н. Хохлова. Состоявшийся 14 декабря в Хотине съезд военно-революционных комитетов 8-й армии пополнил состав армейского ВРК своими представителями, а также сместил генерал-лейтенанта Н.Л. Юнакова с поста командующего армией и избрал временным исполняющим эту должность прапорщика большевика Л.А. Александровича, а начальником штаба армии — поручика большевика А.И. Геккера¹⁴⁶.

Состоявшийся там же 16—17 декабря армейский съезд представителей 11, 23, 33-го армейских и 2-го кавалерийского корпусов также осудил действия федеративно-национального комиссариата 8-й армии и принял решение восстановить власть большевистского армейского ВРК¹⁴⁷. С фронта были сняты большевизированные 159-я и 165-я пехотные дивизии и направлены в Могилев-Подольский. 18 декабря украинизированные части оставили город и вся полнота власти в 8-й армии вновь перешла к большевистскому армейскому ВРК¹⁴⁸. На следующий день его председатель большевик Г.В. Знаменский выслал во все корпусные, дивизионные и полковые солдатские комитеты 8-й армии телеграмму. Ее текст гласил: «Ревком 8-й армии принял на себя всю полноту власти в армии. Предлагаем всем членам армии продолжать свою работу»¹⁴⁹.

В Болград, где находился штаб 6-й армии, по просьбе Д.Г. Щербачева были выдвинуты румынские части. Отстраненный 11 декабря большевистским армейским ревкомом от должности командующего 6-й армией генерал от кавалерии А.А. Цуриков также рассчитывал на помощь румын и поэтому отказался сдать командование. На состоявшемся 6 января закрытом совещании членов левого крыла армискома было принято решение, гласящее: в связи с намерением командования «подавить революционные организации солдат при помощи войск румынских монархистов» необходимо немедленно начать борьбу со штабом армии. Для руководства армией из членов армискома и большевистского армейского ВРК был избран революционный штаб. Комиссаром этого штаба был назначен выборный командующий 6-й армией (с 11 декабря) прапорщик левый эсер Л.С. Дегтярев¹⁵⁰. В ночь на 9 января посланный революционным штабом вооруженный

отряд, сформированный из сочувствующих большевикам солдат, занял штаб 6-й армии, арестовал А.А. Цурикова и разоружил румынский гарнизон Болграда¹⁵¹.

Таким образом, в 8-й и 6-й армиях большевикам удалось вновь взять власть в свои руки. В двух других армиях фронта — 4-й и 9-й, несмотря на энергичные попытки их единомышленников из соседних армий оказать помощь, местные большевики так и не смогли восстановить свои ревкомы.

В тыловом же районе Румынского фронта борьбу большевиков за власть возглавил ВРК Южного района, находившийся в Кишиневе. По его инициативе 24 декабря был создан Революционный штаб советских общереспубликанских войск Бессарабского района во главе с большевиком Е.М. Венедиктовым¹⁵². В этом же городе располагался фронтовой отдел Румчерода. В ночь на 1 января он отдал распоряжение расквартированным там большевизированным частям занять все важные объекты Кишинева, а уже 3 января объявил в приказе, что он является верховной властью на Румынском фронте и в Молдавии, т.е. взял в свои руки «всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы»¹⁵³.

Однако этот приказ не был претворен в жизнь. Власть Центральной рады к тому времени утвердилась на значительной территории Украины. Вскоре Центральная рада прервала связь армий фронта со Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилеве. Румынский фронт оказался отрезанным от России. В сложившейся обстановке главнокомандующий русскими армиями фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев отменил демократизацию армии и предложил всему командному составу, опираясь на украинизированные части и соединения, взять власть в свои руки, что вскоре и осуществилось.

Затем развернулась демобилизация и одновременно начался отвод войск фронта в тыловые районы. Этот процесс происходил в трудных условиях (в частности, из-за попыток руководства Центральной рады разоружать русские части, отбирать военное имущество и т.д.), но относительно организованно — вместе с 8-й армией ушли части и соединения ряда корпусов 4-й и 9-й армий¹⁵⁴.

Особо следует сказать о судьбе 6-й армии. Самочинная демобилизация, проходившая здесь в течение декабря 1917 г. — начала января 1918 г., привела к тому, что большинство частей и соединений армии утратило боеспособность и в результате было разоружено румынскими войсками. Только отдельные части 4-го Сибирского и 47-го армейских корпусов сумели прорваться в район Одессы—Тирасполя¹⁵⁵.

В таких драматических условиях происходила борьба большевиков и их политических противников за армию на русском европейском театре военных действий. Как было показано, на каждом из четырех фронтов это противоборство имело свою специфику, тем не менее у них было и много общего, особенно у Северного и Западного. Другие же фронты — Юго-Западный и Румынский — сильно отличались от первых двух, в частности, за счет добавления национального (украинского) фактора.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ

Наиболее сложная политическая обстановка в послеоктябрьский период сложилась на самом дальнем от центра страны фронте — Кавказском. Входящая в его состав Кавказская армия располагалась на территории Турции (1, 4, 5 и 6-й Кавказские, 2-й Туркестанский армейские

корпуса), 7-й Кавказский армейский и 1-й Кавказский кавалерийский корпуса — в Персии (Иране), а фронтовые тылы были разбросаны по труднодоступной горной местности.

Откликом на октябрьские события в Петрограде послужило создание уже 26 октября в Тифлисе (Тбилиси), где находился штаб фронта и штаб Кавказского военного округа, эсеро-меньшевистским Краевым советом Кавказской армии специального органа — Закавказского комитета общественной безопасности (позднее, 15 ноября, он был заменен Закавказским комиссариатом). В его состав вошли лидеры грузинских меньшевиков, а также армянские дашнаки и азербайджанские мусаватисты. Возглавил этот орган грузинский меньшевик Е.П. Гегечкори. Следует напомнить, что Закавказский комиссариат проводил политику отторжения Закавказья от России, а первыми его шагами было заключение соглашения с Кубанской радой, атаманом Войска Донского генералом от кавалерии А.М. Калединым, дагестанскими и терскими сепаратистами о совместной борьбе против большевиков.

Необходимо подчеркнуть, что командование Кавказского фронта также стояло на позиции непризнания советской власти. Главнокомандующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии М.А. Пржевальский и командующий Кавказской армией генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе заявили о своей верности Временному правительству.

Вопрос об октябрьских событиях в Петрограде рассматривался на состоявшемся в Тифлисе объединенном заседании Краевого центра советов, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Краевого совета Кавказской армии и Тифлисского совета. На этом заседании большевик Кузнецов предложил резолюцию о поддержке действий

Петроградского ВРК. Однако за нее голосовало только 15 человек, 137 — против, при 4 воздержавшихся¹⁵⁶.

Во всех крупных городах Закавказья и ряде гарнизонов политическими противниками большевиков были созданы комитеты общественной безопасности, комитеты спасения и другие органы по борьбе с новой властью.

Краевому совету Кавказской армии, командованию и Закавказскому комиссариату противостоял Кавказский краевой комитет РСДРП(б). На состоявшейся по его инициативе 23—26 октября в Тифлисе конференции большевистских военных организаций Кавказского фронта и Кавказского военного округа было создано бюро военных организаций большевиков¹⁵⁷. Большевики фронта и прифронтовых районов развернули борьбу среди солдат за пере выборы эсеро-меньшевистских войсковых комитетов, за создание в частях фронта и тылового района военно-революционных комитетов и за созыв съезда Кавказской армии. Однако, как и на других фронтах, солдаты в своей массе старались не участвовать в политической борьбе, и все их мысли после обнародования декрета о мире сводились к желанию скорее вернуться домой. Об этом убедительно свидетельствуют сводки сведений командования о настроении в войсках этого фронта, составленные в первые послеоктябрьские недели¹⁵⁸.

События в Петрограде поставили перед большевиками Кавказского фронта вопрос о взятии власти в Тифлисе, где, как отмечалось, располагался штаб фронта. Как и на других фронтах, большевики старались использовать для этой цели сочувствующие им части, в данном случае Тифлисского гарнизона. 28 октября в результате агитации большевиков 36 воинских частей Тифлисского гарнизона образовали Делегатское собрание. Была установлена нор-

ма — один делегат от 100 солдат. Таким образом, большевики, созывая Делегатское собрание частей Тифлисского гарнизона, с одной стороны, намеревались этим добиться перевыборов солдатской секции Тифлисского совета рабочих и солдатских депутатов, рассчитывая получить в ней большинство мест, а с другой, — готовили сочувствующие им воинские части к вооруженному взятию власти в городе¹⁵⁹.

Главной опорой эсеров-меньшевистского Краевого совета Кавказской армии были юнкера Тифлисского военного училища, 1, 2 и 3-й школ прапорщиков пехоты и Школы прапорщиков пехоты Государственного ополчения. 28 октября, одновременно с созывом Делегатского собрания, Краевой совет Кавказской армии провел совещание начальников школ прапорщиков и военного училища. Было принято решение «поддержать всеми имеющимися средствами государственный порядок», для чего привести в боевую готовность все военно-учебные заведения города. С 31 октября в них были прекращены отпуска, прерваны занятия, офицеры переведены на казарменное положение, от каждой школы прапорщиков высланы в другие школы прапорщиков связные. Юнкера получили дополнительное оружие¹⁶⁰.

Стараясь избежать вооруженного столкновения, эсеры и меньшевики согласились удовлетворить требование большевиков и провести перевыборы солдатской секции Тифлисского совета, но при условии роспуска Делегатского собрания. Большевики согласились с этим предложением, и по решению Кавказского краевого комитета большевиков 13 ноября Делегатское собрание было распущено. «Кавказский Краевой Комитет РСДРП (большевиков), — говорилось в соответствующем постановлении, — обсудив при-

нятое Тифлисским советом рабочих и солдатских депутатов решение о Делегатском собрании, постановил считать роль Делегатского собрания исчерпанной»¹⁶¹. Таким образом, распустив его, большевики лишили себя вооруженной поддержки сочувствующей им части местного гарнизона. К тому же состоявшиеся 16 ноября перевыборы солдатской секции Тифлисского совета тоже не дали им перевеса: из 46 мест большевики получили только 20¹⁶².

Специфической особенностью Кавказского фронта в послеоктябрьский период являлась инициатива самовольного увода войск враждующими политическими партиями — от большевиков вплоть до кадетской верхушки казачества — с передовых позиций в тыловой район. Так, в первой половине ноября, еще до начала вступления СНК в переговоры о перемирии с противником, 39-я пехотная дивизия, где наблюдалось наиболее сильное влияние большевиков, ссылаясь на декрет о мире, стала самовольно отходить с линии фронта на Северный Кавказ. Для этой цели на состоявшемся 8 ноября объединенном заседании дивизионного и полковых комитетов этой дивизии было принято решение об организации дивизионного ревкома¹⁶³.

Позже в протоколе заседания дивизионного ВРК от 4 января 1918 г. об этом факте прямо заявлялось: «ВРК 39-й пехотной дивизии создан по следующим соображениям: для того, чтобы передвинуть дивизию для отдыха на Северный Кавказ, нужны были решительные революционные действия, которых не выполнил наш командный состав; тогда и был решен вопрос о ВРК, но, к сожалению, он тогда за отсутствием членов не собрался окончательно... И видя, что командный состав не отвечает своему назначению... что дивизия остается без управления, мы

установили необходимость демократизации командного состава и создания ВРК 39-й дивизии»¹⁶⁴. Вскоре во исполнение решения объединенного заседания комитетов о создании ВРК в полках состоялись выборы членов в дивизионный ревком¹⁶⁵.

13 ноября делегаты от полков собрались на первое заседание дивизионного ревкома. В его ходе был избран председатель временного ВРК — ефрейтор большевик Галкин, из членов ревкома назначены комиссары «как дивизии, так и отдельных входящих в нее частей». Комиссаром дивизии стал Малышев, 153-го пехотного Бакинского полка — Трофимов, 154-го пехотного Дербентского полка — Астапенко, 155-го пехотного Кубинского полка — Кузнецов, 156-го пехотного Елисаветпольского полка — Федоров. Временный ВРК создал также комиссии: ревизионную, по передвижению, по снаряжению и хозяйственную¹⁶⁶.

В изданном на следующий день, 14 ноября, приказе № 1 солдаты дивизии извещались о том, что «Революционный комитет 39-й дивизии организован и принимает власть контроля действий и распоряжений всего командного состава дивизии». Вместе с тем в приказе отмечалось, что главной задачей дивизионного ВРК является организованный отвод частей дивизии с фронта на Северный Кавказ, и требовалось от всех солдат и офицеров дивизии неукоснительно исполнять все приказы, исходившие от комитета¹⁶⁷. Еще 9 ноября командование этой дивизии и комиссар Временного правительства Кавказской армии эсер Д.Д. Донской телеграфировали в Ставку Верховного главнокомандующего, что превалирующей причиной самовольного отхода дивизии является недовольство солдат (она состояла в основном из крестьян Северного Кавка-

за) действиями казачьих областных правительств Кубани, Терека и возникшими беспорядками в казачьих областях.

14 ноября делегаты 39-й пехотной дивизии прибыли в Эривань (Ереван) и начали всячески склонять расположенные там 5-й и 6-й пехотные запасные полки к тому, чтобы также «требовать отвода на Северный Кавказ» в связи с событиями в тылу. Как заявлял главнокомандующий Кавказским фронтом генерал от инфантерии М.А. Пржевальский, дивизия следовала на Северный Кавказ «для гражданской войны». Командующий Кавказской армией генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе в своей телеграмме в штаб фронта всю ответственность за уход дивизии в тыл возложил на созданный большевиками дивизионный ВРК¹⁶⁸.

Еще 7 ноября верхушка кубанского казачества выдвинула требование о немедленном отзыве кубанских казаков с фронта для защиты своих хозяйств и прав на Кубани¹⁶⁹. Кроме того, казаки получали тревожные письма из дома. Столь негативная информация, а также значительное ухудшение и без того скудного снабжения Кавказского фронта тотчас сказалось на политико-моральном состоянии казаков на фронте, в частности коснулось его персидского фланга. В этом отношении показателен такой эпизод. К командиру 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генералу от кавалерии Н.Н. Баратову явилась делегация 1-го Горско-Моздокского казачьего полка (1-я Кавказская казачья дивизия), которая заявила, что полк настаивает на уходе с фронта. Как сообщал свидетель этой встречи председатель корпусного солдатского комитета А.Г. Емельянов, «Баратов уговаривал, убеждал, доказывал, угрожал и кричал». Однако казаки настаивали на своем. Когда делегация ушла, «Баратов упал в кресло и плакал»¹⁷⁰.

Одновременно с самовольным уходом ряда частей и соединений с фронта на Кавказе проходил процесс формирования национальных войск. Здесь, помимо ряда украинизированных частей, как это было на Юго-Западном и Румынском фронтах, создавались грузинские, армянские, мусульманские и другие воинские формирования. Так, после состоявшегося в конце ноября 1-го Украинского краевого съезда Кавказской армии и организации Краевой рады лидеры последней добились разрешения у командования фронтом об украинизации 5-го Кавказского армейского корпуса, расположенного в районе города Трапезунд (Турция), и других, более мелких, частей. Вскоре этот корпус был переименован в Украинский¹⁷¹.

Постановлением Закавказского комиссариата в декабре был создан Межнациональный военный совет — руководящий орган при Закавказском комиссариате по вопросам комплектования, организации и снабжения национальных войск на Кавказском фронте. В его состав вошли члены национальных советов, формирующих национальные части, представители главнокомандующего фронтом, Краевого совета Кавказской армии и Краевого объединенного центра советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Межнациональным советом были созданы Грузинский, Армянский и Мусульманский корпуса, а из солдат-немцев, жителей немецких колоний Закавказья, несших воинскую службу главным образом в обозных и других обслуживающих фронт частях, — Немецкий полк. Кроме того, началось формирование польских, греческих, ассирийских и других воинских частей¹⁷². Следует подчеркнуть, что комплектование подобных частей происходило в обстановке острой борьбы за реализацию национальных претензий в их широком и сложном аспекте, а также за овладение

военным имуществом и оружием распадающейся Кавказской армии.

Необходимо отметить, что солдаты Кавказского фронта поддерживали главным образом эсеров. Это показал армейский съезд Кавказской армии, открывшийся 2 декабря в городе Эрзерум (Турция), где находился штаб Кавказской армии. Большинство делегатов на нем было от эсеровской партии¹⁷³. Поэтому первоочередная задача армейских большевиков заключалась в этот период в том, чтобы добиться переизбрания эсеровского Краевого совета Кавказской армии путем созыва 2-го Краевого съезда Кавказской армии.

30 ноября Кавказский краевой комитет РСДРП(б) обратился с воззванием к солдатам фронта и его тылового района. В нем сообщалось о созыве армейского съезда, намеченного на 10 декабря, и ставился вопрос о том, с кем им быть: «На этом съезде вы должны решить: оставаться ли контрреволюционному блоку оборонцев с националистами у кормила сепаратной краевой власти или подчинить закавказскую власть центральной власти — Совету Народных Комиссаров — рабоче-крестьянскому правительству России... Если вы, солдаты Кавказа, хотите спасти революцию и Россию от гибели, вы должны поддержать ваше Рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным и помочь Совету Народных Комиссаров проводить и на Кавказе все революционно-демократические мероприятия, проведенные ими уже в России. Вы должны помнить, что проведению здесь всех этих мероприятий мешают оборонцы, меньшевики и правые эсеры. Вы должны помнить, что они будут вам мешать и на армейском съезде... Поэтому вы, товарищи солдаты, должны выбирать на съезд делегатов с определенным наказом, чтобы они не

изменили вам, как изменяли эсеры и меньшевики в течение восьми месяцев революции, когда вы их выбирали на первый армейский съезд»¹⁷⁴.

Однако, как показали дальнейшие события, это «пламенное» воззвание не произвело на солдат Кавказской армии особого эффекта, и они, как и на других фронтах, не желали втягиваться в гражданскую войну в действующей армии.

2-й Краевой съезд Кавказской армии проходил в Тифлисе с 10 по 23 декабря. На нем присутствовало 350 делегатов, и большинство составляла коалиция большевиков и левых эсеров. Самой же многочисленной фракцией были большевики (160 человек), возглавляемые членом ЦК РСДРП(б) С.Г. Шаумяном. В упорной борьбе со своими политическими противниками большевикам в блоке с левыми эсерами удалось повести за собой большую часть съезда. Съезд выразил недоверие Краевому совету Кавказской армии и лишил его членов полномочий, осудил политику Закавказского комиссариата и принял резолюцию, которая приветствовала Совет народных комиссаров, одобряла декреты о мире, земле и требовала немедленного установления советской власти в Закавказье. На съезде был избран новый Краевой совет Кавказской армии в составе 100 человек, из них 52 — от левого блока (большевики и левые эсеры) и 48 человек от правого блока (меньшевики, правые эсеры и представители национальных партий). Председателем Краевого совета был избран большевик Г.Н. Корганов, секретарем — большевик И.В. Малыгин¹⁷⁵.

Избранный на съезде Краевой совет Кавказской армии не удовлетворял ни одну из сторон — ни большевиков, ни меньшевиков и правых эсеров, ни национальные партии.

Три дня делегаты правого блока не давали работать вновь избранному совету заявлениями о неправомерности главенства левого блока, обличительными выступлениями и т.п. Затем 27 декабря они совершили переворот: опираясь на вооруженную поддержку Закавказского комиссариата, захватили канцелярию, все средства и собственность Краевого совета Кавказской армии и объявили таковым себя.

Эти действия правого блока были официально поддержаны Краевым центром советов рабочих и крестьянских депутатов, в котором большинство мест принадлежало политическим противникам большевиков: центр заявил, что признает Краевой совет Кавказской армии. Одновременно по приказу Закавказского комиссариата были разоружены сочувствующие большевикам части Тифлисского гарнизона. Левый блок Краевого совета объявил себя революционным Краевым советом Кавказской армии и 28 декабря образовал Военно-революционный комитет Кавказской армии. В его состав вошли 9 большевиков и левых эсеров, председателем был избран большевик Г.Н. Корганов¹⁷⁶.

В тот же день революционный Краевой совет обратился с воззванием к солдатам Кавказского фронта не признавать Краевой совет в лице его правого блока. «Мы, социал-демократы большевики и «левые» эсеры-интернационалисты, — говорилось в воззвании, — как большинство ваших избранных в Совет, считаем себя истинными представителями всей революционной Кавказской армии, и ввиду создавшегося положения объявляем себя Краевым Советом Кавказской армии впредь до созыва нового чрезвычайного армейского съезда, который будет созван в ближайшее время»¹⁷⁷.

Учитывая невозможность дальнейшей работы в Тифлисе, революционный Краевой совет переехал в Баку,

ставший к тому времени оплотом большевиков в Закавказье. Характерно, что солдаты Кавказского фронта не выступили в защиту разогнанного левого блока Краевого совета, так как в это время был в разгаре процесс самовольного ухода частей и соединений с передовых позиций в тыл¹⁷⁸. Таким образом, с конца декабря на Кавказском фронте действовали два враждующих между собой Краевых совета Кавказской армии.

Заседавший в Тифлисе в конце декабря Краевой совет Кавказской армии принял решение об обязательном разоружении отходящих с фронта частей и соединений армии, мотивируя его тем, что нельзя оставлять безоружной «закавказскую демократию». Подобное постановление принял и Межнациональный военный совет, также считавший, что в Закавказье не хватает оружия для национальных формирований¹⁷⁹.

В противовес решениям Краевого совета и Межнационального военного совета большевистский военно-революционный комитет Кавказской армии, созданный, как уже отмечалось, левым блоком 28 декабря¹⁸⁰, поставил перед собой первоочередную задачу организации отвода частей и соединений фронта с оружием в руках для подавления антибольшевистских сил на Северном Кавказе. В связи с этим 29 декабря армейским ревкомом был издан приказ № 1, в котором постановлялось: «Ввиду большого протяжения Кавк[азского] фронта, обособленности отдельных отрядов, а также ввиду особых задач по отводу и демобилизации войск и борьбе с контрреволюцией образуются военно-революционные комитеты» в главных пунктах прохождения войск с фронта в тыл — Трапезунде (Трабзон), Сарыкамыше, Джульфе, Энзели и Шахтахты. Кроме того, «все войсковые части и высшие

войсковые соединения, а также гарнизоны учреждают военно-революционные комитеты». Приказ объявлял, что «ВРК принадлежит вся полнота власти в частях и войсковых соединениях, соответственно: высшим военно-революционным органом Кавказской армии является Революционный краевой Совет и его исполнительный орган — ВРК Кавказской армии»¹⁸¹.

В дополнение к этому приказу армейский ВРК издал 31 декабря приказ № 3, которым предписывал всем военно-революционным комитетам «немедленно приступить к планомерному отводу значительной части войск, оставив необходимые позиционные заслоны по охране для складов, средств связи и транспортов. Также следует оставить в необходимом числе инженерные и технические войска и транспортно-этапные части, чтобы обеспечить деятельность всех средств транспорта, как узкоколейки, автомобильные обозы и проч.». В том же номере газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района», где был опубликован этот приказ, была помещена инструкция, которой армейский ВРК предлагал руководствоваться при отводе войск. Она состояла из 9 пунктов. Пункт 8, в частности, гласил: «ВРК принимает все меры, чтобы к этапам и к пунктам посадки доставлялось необходимое продовольствие для солдат и фураж для лошадей, а также чтобы отправки частей не задерживались излишне»¹⁸².

Для создания военно-революционных комитетов важное значение имел приказ армейского ВРК № 6 от 2 января. Согласно ему все военно-революционные комитеты фронтовых районов должны были образовать комиссии: военно-техническую, снабжения и передвижения войск, демобилизационную, а также выпускать газету «Извес-

тия ВРК». Приказ объявлял о начале издания газеты «Известий Военно-революционного комитета Кавказской армии» в Баку¹⁸³. Наконец, он предписывал: «Военно-революционному комитету Трапезундского района немедленно установить тесную связь с Черноморским флотом и Советами Новороссийским и Туапсинским, а также приняться за организацию военно-революционных комитетов в гг. Баку, Поти, Новороссийске и Туапсе. Военно-революционному совету Эрзерум-Эрзинджанского района организовать ВРК на узловой станции Александрополь, а ВРК Восточно-Персидского района — в Петровске-порте, и установить связь с Красноводским Советом рабочих и солдатских депутатов». Практическая связь с армейским ВРК должна была происходить «при посредстве специальных курьеров»¹⁸⁴.

Следуя приказам и инструкциям, изданным ВРК Кавказской армии, большевики приступили к образованию на Кавказском фронте военно-революционных комитетов, которые брали в свои руки власть в частях и организовывали их отвод с фронта в тыл.

В борьбе за власть между противоборствующими силами на Кавказском фронте большое значение имел Сарыкамышский гарнизон, насчитывавший около 30 тыс. солдат. К тому же в районе города Сарыкамыш в то время сосредоточилось большое количество войск, ушедших из Турции. Учитывая важное стратегическое значение Сарыкамыша, революционный Краевой совет Кавказской армии направил туда девять своих представителей. 2 января 1918 г. ими был образован в Сарыкамыше ВРК Эрзерум-Эрзинджанского района, возглавляемый большевиками Б.П. Шеболдаевым (председатель), Ганиным (помощник председателя), Ф.Ф. Солнцевым, С. Алахвердяном, Коро-

виным, Наумовым, И. Киясовым, С. Петренко и Т. Мусияном.

ВРК заявил, что не признает власти Закавказского комиссариата, будет выполнять только распоряжения Совета народных комиссаров¹⁸⁵, и немедленно взял власть в свои руки: распустил эсеро-меньшевистский гарнизонный исполком, назначил во все учреждения своих комиссаров и отменил приказ командования о роспуске солдат по домам, по сути означавший стихийную демобилизацию. Для задержки едущих по железной дороге солдат-одиночек и мелких групп ревком направил на станцию Новоселим, в города Карс и Александрополь (Кумайри) вооруженные отряды, сформированные из солдат Эрзерумского крепостного полка. Этим подразделениям была также поставлена задача задержки и сбора железнодорожных вагонов для организованной отправки войск в тыл. ВРК взял под свой контроль все интендантские склады, всюду расставил караулы и т.д.¹⁸⁶ Как впоследствии (в марте 1918 г.) отмечал в своем докладе председатель ВРК Эрзерум-Эрзинджанского района Б.П. Шеболдаев, с задачами «организовать... массы прибывающих солдат... воссоздать хозяйственный аппарат демобилизуемой армии и создать армию сильную, могущую пробиться на Сев[ерный] Кавказ» большевистский ревком справился полностью¹⁸⁷.

Большую работу по отводу войск из Персии, где находились 7-й Кавказский армейский и 1-й Кавказский кавалерийский корпуса, провел ВРК Восточно-Персидского района. В соответствии с приказом № 7, изданным ревкомом Кавказской армии 5 января, комиссаром Восточно-Персидского района Кавказского фронта стал член революционного Краевого совета Кавказской армии Коломийцев. Ему предписывалось совместно с ВРК района,

расположенным в городе Энзели (Персия), немедленно «приступить к планомерной эвакуации войск из Персии, направляя их через Петровск-порт... Эшелоны частей войск, отбывающие из Энзели, должны посылать делегатов в ВРК Кавказской армии в городе Баку за получением инструкций, маршрутов и указаний мест расположения частей»¹⁸⁸.

ВРК Восточно-Персидского района под председательством большевика А. Челябинца объявил о переходе власти в частях к военно-революционным комитетам, а там, где они не созданы, — к большевизированным солдатским советам и комитетам, запретил расформирование частей до их прибытия в пределы России. Под руководством ревкома района были созданы вооруженные части для охраны правопорядка — Военно-революционный отряд, Интернациональный полк, Красная сотня и 1-й Кавказский революционный батальон. Опираясь на эти части, ВРК района разоружил не подчинившееся советской власти офицерство и наладил планомерный отход войск через Энзели—Петровск-Порт (Махачкала) на территорию России¹⁸⁹.

По примеру военно-революционных комитетов Эрзерум-Эрзинджанского и Восточно-Персидского районов в начале 1918 г. в городе Александрополь, селе Ахпат и других населенных пунктах тылового района Кавказского фронта также были созданы ревкомы, главной целью которых был тоже организованный отвод войск¹⁹⁰.

Уже в начале января 1918 г. главнокомандующий Кавказским фронтом генерал-майор Е.В. Лебединский (сменивший 28 декабря на этом посту генерала от кавалерии М.А. Пржевальского), сообщал председателю Закавказского комиссариата Е.П. Гегечкори, что «отход нашей старой Кавказской армии с фронта в тыл в настоящее время под-

ходит к концу». Из сообщения следовало, что 5-й Кавказский армейский корпус (переименованный в Украинский) разделился на две группы: одна на судах Черноморского флота отплыла из Трапезунда в Феодосию, другая — в пределы Новороссийской губернии, а 2-й Туркестанский армейский корпус находился тоже в Трапезундском порту в ожидании транспорта. Основные силы 1-го Кавказского армейского корпуса двигались через Главный Кавказский хребет на Северный Кавказ, подтягивая остальные свои части и соединения. 4-й и 6-й Кавказские армейские корпуса покидали район городов Караклис (Ванадзор) и Сарыкамыш.

Из состава 7-го Кавказского армейского корпуса, отходившего из Персии, там еще оставались 4-я и 6-я Кубанские казачьи дивизии, в порту Энзели в ожидании движения на Петровск-порт, Красноводск (Туркменбаши), Баку скопились части и соединения также отходившего из Персии 1-го Кавказского кавалерийского корпуса. 39-я пехотная дивизия уже давно находилась на Северном Кавказе, а 2-я Кавказская стрелковая дивизия демобилизовала личный состав в Закавказье. Казачьи части района Кавказской армии и 7-го армейского корпуса, кроме 4-й Кубанской казачьей дивизии, тоже ушли за Главный Кавказский хребет¹⁹¹.

Как уже отмечалось, политические противники большевиков, в основном из числа местных националистов, стремились задерживать следовавшие с фронта воинские эшелоны с целью их разоружения. В ряде случаев это им удавалось, зачастую с применением силы. Подобные кровавые столкновения имели место в начале января на станциях Шамхор, Акстафа, Тауз, Евлах, Зазалы и других местах. В результате только на станции Шамхор погибло

около двух тысяч солдат и несколько тысяч было ранено. При этом вооруженные формирования кавказских националистов захватили свыше 30 орудий, около 100 пулеметов и 12 тыс. винтовок¹⁹².

В связи с событиями в Шамхоре ВРК Кавказской армии командировал в Тифлис и Елизаветполь (Гянджа) своих представителей с требованием немедленного прекращения разоружения воинских эшелонов. Армейским ревкомом были также приняты дополнительные меры по охране пути следования воинских частей¹⁹³.

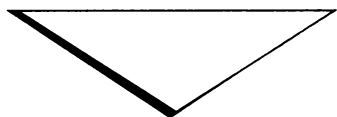
В течение января—февраля 1918 г. подавляющая часть Кавказской армии отошла на Северный Кавказ и в Причерноморье, где и была в марте 1918 г. демобилизована. Большевикам Кавказского фронта так и не удалось взять в свои руки власть в Тифлисе, где под прикрытием Закавказского комиссариата продолжало функционировать не признавшее советской власти фронтовое командование. Более того, с уходом основных сил Кавказской армии в Россию Закавказским комиссариатом в конце января был издан приказ об аресте С.Г. Шаумяна и других руководителей большевиков, а в феврале закрыты все большевистские газеты¹⁹⁴.

Таким образом, в борьбе за власть на дальних фронтах к политическим противникам большевиков — эсерам, меньшевикам и командованию — добавились украинские эсеры, а на Кавказском фронте — грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты. Солдаты Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов в значительно меньшей степени были большевизированы по сравнению с Северным и Западным. Об этом красноречиво говорят результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшихся в действующей армии в самый разгар

борьбы за власть — в ноябре 1917 г. Так, на Северном и Западном фронтах большевики набрали 56 % и 67 % голосов соответственно, на Юго-Западном фронте — только 31 % голосов, а на Румынском и Кавказском фронтах и того меньше — 15 % и 18 % голосов соответственно¹⁹⁵.

И если на Юго-Западном фронте большевикам после упорной борьбы со своими политическими противниками удалось только в начале января 1918 г. установить формальный контроль над уже фактически развалившимся фронтом, то на Румынском и Кавказском фронтах благодаря наличию еще более сильного национального фактора, командование смогло сохранить свои позиции до полной ликвидации действующей армии. Подавляющее большинство солдат этих фронтов, так же как на Северном и Западном, не желало вступать в противоборство на стороне тех или других политических сил, а стремилось во что бы то ни стало быстрее разойтись по домам.

Глава 4. ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ДЕКРЕТОВ НА ФРОНТЕ

ДЕКРЕТ О МИРЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

История борьбы за власть на фронте не была бы полной без освещения деятельности армейских большевиков по реализации первых советских декретов (о мире, о земле, о демократизации и демобилизации) и противодействия им со стороны политических противников. Претворение в жизнь этих декретов шло одновременно с борьбой за власть, являясь одной из важнейших составляющих этой борьбы и зачастую оказывая решающее влияние на ее исход. И если, как было показано в предыдущих главах, солдаты в своей массе уклонялись от участия в борьбе за власть, придерживаясь нейтралитета, то в деле реализации первых советских декретов они проявили исключительную заинтересованность. Особенно рельефно она проявилась в отношении первого декрета новой власти — о мире.

Принятый на II Всероссийском съезде советов 26 октября декрет о мире стал известен на фронте на следующий день, 27 октября. Он был встречен солдатами, как известно, с большим одобрением. Поведение солдат-фронтовиков в послеоктябрьский период убеждает, что главным для них было неудержимое желание мира, по понятным причинам проявлявшееся в действующей армии еще сильнее, чем в тылу. Военный министр Временного правительства генерал-майор А.И. Верховский весьма удачно сравнил

лозунг мира с волшебной лампой Аладдина: у кого она в руках, тому и служат духи¹. Именно поэтому фронт отказал в поддержке Временному правительству и нейтрально в целом отнесся к октябрьским событиям в Петрограде.

Однако мирный «козырь» советского правительства вскоре оказался под угрозой, так как после обнародования декрета о мире события разворачивались не по ленинской программе, а вопреки ей. В.И. Ленин обещал народу, что мирные предложения большевиков найдут у воюющих народов «горячий отклик» и союзники России «должны будут ответить»² на инициативу Совнаркома. Однако члены Антанты не отвечали на его обращение и советские мирные предложения повисли в воздухе. Более того: 9 ноября в Петрограде совещание союзных послов приняло решение о рекомендации своим правительствам не отвечать на советскую ноту, ибо Совет народных комиссаров создан силой и не признан народом России³.

Советское правительство после двух недель безрезультатного ожидания отклика союзников оказалось в чрезвычайно сложном положении. Солдатская масса требовала мира, и на этом же настаивало все крестьянство. В действующей армии солдаты уже стали обвинять большевиков в обмане и затягивании дела мира, так как ждали от новой власти немедленного прекращения войны. Об этом говорили не только сводки командования о настроении в армии, но, что наиболее важно, многочисленные письма солдат⁴.

Наконец 7 ноября Совнарком решил вступить в секретные переговоры с противником, поручив это дело временно исполняющему должность Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н.Н. Духонину. Рано утром 8 ноября он получил распоряжение советского правительства, подписанное Лениным, немедленно начать

предварительные переговоры. Как известно, Духонин открыто отказался от этой миссии, за что был 9 ноября решением советского правительства отстранен от должности, но оставлен исполнять обязанности до прибытия нового Верховного главнокомандующего — назначенного на эту должность прапорщика большевика Н.В. Крыленко. В тот же день Духонин направил всем главнокомандующим армиями фронтов телеграмму с обоснованием своего отказа выполнить распоряжение Совнаркома. Главнокомандующие армиями трех из пяти фронтов (Юго-Западного, Румынского и Кавказского) поддержали его действия⁵.

Одновременно с распоряжением о смещении Духонина Ленин обратился в радиোগрамме непосредственно к солдатам с призывом: «Солдаты! Дело мира в ваших руках... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет народных комиссаров дает вам права на это»⁶. Следует подчеркнуть, что привлечение солдатской массы к этому не свойственному ей делу сильно подорвало и так уже едва державшуюся дисциплину на фронте. К тому же любое локальное перемирие отдельных частей и соединений создавало брешь в единой линии фронта и делало невозможной оборону на позициях армий в целом.

Высший генералитет рассчитывал на падение советского правительства в случае отказа немцев вести с большевиками переговоры о сепаратном перемирии. 14 ноября в разговоре по прямому проводу со Ставкой Верховного главнокомандующего генерал-квартирмейстер Западного фронта генерал-лейтенант Н.В. Соллогуб высказывал мнение, что разрешить сложную ситуацию, связанную с заключением перемирия, может «только время и не-

мец, который откажется заключить перемирие». Кроме того, генерал особо подчеркивал: он сам и его сослуживцы не сомневаются, что отрицательный ответ немцев на вступление в переговоры о перемирии «дискредитирует Крыленко»⁷. Однако, как показали дальнейшие события, Соллогуб и другие представители генералитета глубоко ошибались.

Северный фронт. Армии Северного фронта, как уже отмечалось, из-за близости к Петрограду были наиболее большевизированы и подвержены воздействию антивоенной агитации. Однако, как было показано ранее, в Октябрьские дни большевики здесь действовали исключительно осторожно во избежание вооруженного столкновения на этом участке — потенциального вмешательства войск Северного фронта в петроградские события. В политической позиции солдатских масс Северного фронта самым определенным было неприятие милитаристской политики Временного правительства. Исследуя их настроения, американский историк А.К. Уайлдман предположил, что, приветствуя советскую власть, простые люди, одетые в серые шинели, отождествляли ее с миром. Большевиков они признавали как победителей, но при этом не проявляли ненависти к партиям эсеров и меньшевиков, чьи фракционные разногласия осознавали с трудом. При таком мировоззрении любые сторонники немедленного мира могли быть избраны так же легко, как и большевики⁸.

Эта мысль не так уж нова для зарубежной историографии. Она всегда исходила из необходимости различать большевизм идейный, партийный и большевизм стихийный, особенно солдатский, обусловленный духом разрушения существующего общественного порядка. Признания такого рода можно найти и у большевиков, руково-

дивших партийной работой в армии. Например, по словам Н.И. Подвойского, возглавлявшего в 1917 г. Всероссийское бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), «в ту пору (октябрь) редкий солдат уже не был большевиком, разумеется относясь с полной несознательностью к самому большевизму как учению, он просто был большевиком по настроению»⁹.

Стремление солдат к миру проявилось не только в принятии солдатскими комитетами резолюций, одобряющих шаги новой власти на пути к перемирию (14, 19, 27-й армейские корпуса 5-й армии)¹⁰, но и в практических действиях. В частности, после ленинского обращения широкое распространение получили «солдатские миры», то есть локальные перемирия отдельных частей с противостоящими войсками противника. На всем протяжении фронта корпуса, дивизии и другие части посылали парламентариев за разделяющую воюющие стороны колючую проволоку с целью заключить перемирие. Например, по поручению солдатского комитета 3-й Сибирской стрелковой дивизии (12-я армия) председатель мирной секции комитета Зорин, секретарь секции Суршев и еще один солдат отправились в германские окопы. Там они встретились с немецким офицером, владеющим русским языком, который был уполномочен вести переговоры от имени командования своей части, и перемирие было заключено¹¹.

В солдатских комитетах других воинских частей также были созданы подобные мирные секции, впоследствии в договоре о перемирии называемые местными комиссиями по перемирию¹². И примерно так же заключались локальные перемирия в других частях и соединениях, в результате в течение нескольких дней этот процесс охватил весь Северный фронт. 12 ноября из штаба главнокоман-

дующего армиями фронта телеграфировали в Ставку, что обнародованная газетами и радиogramмами декларация о перемирии приводится в исполнение¹³, а 13 ноября сообщали, что на большей части Северного фронта перемирие фактически осуществлено самочинными переговорами отдельных солдатских организаций¹⁴.

Предварительные переговоры о заключении перемирия с противником от имени Совнаркома возглавил Н.В. Крыленко. Вступив в должность Верховного главнокомандующего, он издал приказ № 1 от 9 ноября. В нем сообщалось, что «ввиду последовавшего отказа генерала Духонина исполнить предписание правительства о начатии переговоров о перемирии, постановлением Совета Народных Комиссаров я назначен верховным главнокомандующим. Выезжаю на фронт»¹⁵.

Целью поездки в действующую армию советского Верховного главнокомандующего были именно переговоры с германским командованием. Накануне отъезда (11 ноября) Крыленко был принят Лениным. Глава советского правительства говорил с ним о необходимости немедленно направиться на фронт, организовать там контакт с германским командованием для вступления в предварительные переговоры о перемирии. При этом Ленин дал подробную инструкцию, как вести себя с представителями германского верховного командования¹⁶. В тот же день Крыленко в сопровождении Е.Ф. Розмирович (секретарь военной организации при ЦК РСДРП(б)) и поручика В.К. Шнеура (переводчик) выехал на фронт¹⁷. Охрана советского Верховного главнокомандующего состояла из 50 красногвардейцев, солдат и матросов¹⁸.

В ночь на 12 ноября поезд с Крыленко прибыл в Псков, где находился штаб главнокомандующего армиями Се-

верного фронта. Новый Верховный главнокомандующий незамедлительно потребовал явки в свой штабной вагон главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии В.А. Черемисова. Однако тот под разными предлогами уклонился от этой встречи, после чего Крыленко отправил генералу письменный приказ об отстранении его от должности. Затем поезд с Крыленко отправился в Двинск, где находился штаб 5-й армии¹⁹. Она была избрана для ведения переговоров не случайно. Как уже говорилось, в 5-й армии раньше, чем в других армиях Северного фронта, взял в свои руки власть большевистский военно-революционный комитет. Крыленко впоследствии писал: «Там, в Двинске, можно было на месте ознакомиться, что сделано в армии. Военно-революционные комитеты были повсюду, в каждом полку был выборный комиссар, генералы покорно стояли навытяжку, и через день новая власть уже выехала в окопы для определения места, откуда всего удобнее можно было послать парламентариев»²⁰. Здесь следует заметить, что «покорно стояли навытяжку» далеко не все генералы этой армии, о чем будет сказано далее.

Узнав о том, что советская мирная делегация отправилась из Пскова в Двинск, командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев тут же сообщил об этом по прямому проводу в Ставку Н.Н. Духонину, сетуя на то, что не имеет возможности помешать приезду делегации: «Ввиду того, что все комитеты армии и в особенности армейский явно большевистского направления, а идея немедленного мира очень живуча и остра в сознании солдатской массы, полагаю, что приезд этот будет встречен сочувственно, и помешать ему, не имея реальной силы, я не могу»²¹.

12 ноября в 9 часов утра Крыленко прибыл в Двинск. Его встретили члены армейского ревкома и представители большевистской фракции армейского исполнительного комитета (армискома) во главе с его председателем большевиком Э.М. Склианским²². В тот же день состоялось совместное заседание армискома и ВРК 5-й армии, на котором советский Верховный главнокомандующий сообщил, что от имени Совета народных комиссаров намерен вступить в переговоры с противником²³. Эсеры, меньшевики и командование выступили против этого. Фракция эсеров армискома поставила вопрос о непризнании советского Верховного главнокомандующего, однако при голосовании за эту резолюцию осталась в меньшинстве²⁴.

Командующий 5-й армией Болдырев отказался явиться ни по вызову Крыленко, ни на совместное заседание армискома и армейского ВРК, проигнорировав все крыленковские распоряжения. Вот как сам генерал рассказывал об этом по телефону генералу для поручений при Верховном главнокомандующем генерал-майору Б.А. Левицкому: «В начале 12-го (часа дня. — С.Б.) я получил по телефону его (Н.В.Крыленко. — С.Б.) приглашение прибыть в его вагон, на что я ничего не ответил и конечно никуда не поехал... В 15 ½ часов я получил приглашение армискома прибыть на его заседание в присутствии Верховного главнокомандующего прапорщика Крыленко, на что был дан ответ, что командарм прибыть не может». И далее генерал заключал: «Полагаю, что Двинск делается временно штаб-квартирой Крыленко, чему я помешать средств, к сожалению, не имею... В указанных условиях положение мое крайне тяжелое, но буду твердо вести свою линию до конца»²⁵. В ответ на неповиновение Болдырева Крыленко издал приказ о его отстранении от должности и аре-

сте²⁶. Как сообщалось в сводке сведений, отправленной из штаба Северного фронта в Ставку, «13 ноября в 4 часа (утра. — С.Б.) вооруженный караул от Кромского полка (278-го пехотного. — С.Б.) во главе с членом Военно-революционного комитета 5-й армии явился с предписанием от Крыленко и арестовал командарма 5 (командующего 5-й армией. — С.Б.)»²⁷.

Помимо Болдырева, не признали Крыленко в качестве Верховного главнокомандующего и генерал-квартирмейстер штаба 5-й армии генерал-майор К.И. Гейдеман, и командир 27-го армейского корпуса генерал-лейтенант В.В. Рычков, за что также были отстранены от занимаемых должностей²⁸.

Для ведения переговоров о перемирии с противником Крыленко назначил парламентаров: члена армейского ВРК большевика вольноопределяющегося Г.Я. Мерэна, члена армискома меньшевика-интернационалиста военного врача М.А. Сагаловича и приехавшего вместе с новым Верховным главнокомандующим в качестве переводчика поручика 9-го Киевского гусарского полка В.К. Шнеура. На совместном заседании армискома и армейского ВРК, по свидетельству Мерэна, был составлен текст полномочий парламентарам и к нему приложена печать Совнаркома, имевшаяся у Крыленко. Мандат этот за № 2 вручили парламентарам²⁹. В нем сообщалось, что уполномоченные советского Верховного главнокомандующего Крыленко — парламентары — посланы обратиться к верховному командованию германской армии и запросить, «согласно ли оно прислать своих уполномоченных для открытия немедленных переговоров об установлении перемирия на всех фронтах воюющих стран в целях начала затем мирных переговоров»³⁰. В случае утвердительного отве-

та со стороны высшего командования германской армии парламентарам поручалось установить место и время для встречи уполномоченных с обеих сторон.

После этого заседания Крыленко и Склянский организовали совещание членов ВРК 19-го армейского корпуса. Дело в том, что участок, занимаемый войсками этого корпуса, был предложен Склянским для перехода к противнику. На этом же совещании председатель армискома поставил перед корпусным ревкомом задачу обеспечить беспрепятственный переход парламентаров через линию фронта. С таким призывом он выступил в тот же день и на солдатских митингах, прошедших в частях корпуса³¹.

Рано утром 13 ноября парламентары, сопровождаемые представителями армискома и членами ВРК 19-го армейского корпуса, выехали на место, назначенное для перехода к противнику. В 16 ч на участке расположения 65-го пехотного Московского полка (17-я пехотная дивизия) они перешли линию фронта и направились в сторону германских окопов. Их сопровождал, как предписывала Гагская конвенция 1907 г., трубач с белым флагом. В это время политические противники большевиков предприняли попытку сорвать переговоры. «Когда парламентары армискома 5 отправились к противнику, — сообщали об этом инциденте из штаба 5-й армии в Ставку, — на одном из ближайших участков с нашей стороны был открыт сильный бомбометный и артиллерийский огонь, что поставило парламентаров, по их словам, в весьма неприятное положение»³².

Парламентаров встретили немецкие офицеры и проводили сначала в штаб батальона. Письменные полномочия у них приняли специально присланные офицеры германского генерального штаба. Затем парламентаров отвезли в близлежащий штаб германской дивизии. Здесь

начальник дивизии генерал-майор Гофмейстер объявил им, что их полномочия признаны действительными, предложения доложены высшему командованию и ответ его можно ожидать через сутки — к 20 ч 14 ноября. Об этом парламентарам разрешалось сообщить советскому Верховному главнокомандующему в Двинск³³.

Вслед за этим, по свидетельству Мерэна, состоялись переговоры об установлении перемирия на участке Северного фронта. Он, в частности, впоследствии писал: «Командованию германской дивизии ген. Гофмейстера по телеграфу от высшего командования были также даны полномочия на частичное перемирие. Таким образом, после установления некоторых условий, чисто технического характера, протокол о перемирии на данном участке фронта был подписан»³⁴.

Парламентеры вернулись в свои окопы раньше, чем предполагалось — около 12 ч 14 ноября. Ответ германского верховного командования на советские предложения о перемирии был получен в штабе дивизии Гофмейстера еще вечером 13 ноября. Оно соглашалось вести переговоры о перемирии с советским правительством и назначило для этого встречу немецкой стороны с советской в Брест-Литовске (Брест) на 19 ноября в 12 ч.³⁵

После возвращения парламентаров в Двинск 14 ноября Крыленко созвал экстренное совместное заседание армискома и ВРК 5-й армии. На нем выступили парламентары Сагалович и Мерэн с отчетами о результатах предварительных переговоров с немецким командованием, а также о заключении перемирия на Северном фронте³⁶. На заседании было принято также обращение к солдатам 5-й армии, в котором сообщалось о начале переговоров о мире³⁷. Это известие было встречено ими весьма одобрительно, о

чем свидетельствовал состоявшийся в тот же день пяти-тысячный митинг солдат Двинского гарнизона³⁸.

Выполнив свою миссию, Крыленко вернулся в Петроград. Впоследствии он об этом писал: «14 ноября наша экспедиция двинулась назад... власть возвращалась из Двинска с сознанием свершенного великого дела»³⁹. Крыленко представил советскому правительству подробный отчет о результатах своей поездки на фронт⁴⁰.

Накануне подписания перемирия на Северном фронте ВРК района 12-й армии издал приказ, в котором известил солдат об обращении Совета народных комиссаров от 9 ноября и потребовал: «командующему армией тотчас по получении сего обратиться к соответствующим военным властям соприкасающихся с нами неприятельских армий с формальным предложением немедленного прекращения военных действий и установления перемирия на участке армии. Армейскому исполнительному комитету всемерно способствовать ведению переговоров. Командиры корпусов, дивизий, полков и отдельных отрядов независимо от шагов, предпринимаемых командующим армией, самостоятельно обращаются к соответствующим неприятельским частям своего участка с подобным же предложением. Наблюдение за точным и немедленным исполнением сего возлагается на корпусные, дивизионные, полковые и им соответствующие комитеты, которым дается право устранять командиров, если последние откажутся приступить к переговорам. В последнем случае переговоры ведутся одними уполномоченными сих комитетов... Все без исключения части обязаны непрерывно и срочно сообщать о ходе переговоров в Военно-революционный комитет района 12-й армии... На вас, товарищи солдаты всех видов оружия, возлагается наблюдение за тем, чтобы

наши комитеты и командиры немедленно исполнили этот приказ»⁴¹.

Узнав о действиях ВРК района 12-й армии, ее командующий генерал-лейтенант Я.Д. Юзефович 13 ноября доложил по прямому проводу об этом отстраненному от должности главнокомандующего армиями Северного фронта генералу от инфантерии В.А. Черемисову: «Сегодня расклеен приказ Военно-революционного комитета 12-й армии с призывом ко всему командному составу и солдатам о вступлении с противником в переговоры о заключении перемирия и тому подобному». В разговоре Юзефович, так же как и Болдырев, заявил Черемисову, что помешать этой инициативе ВРК района 12-й армии, к сожалению, не может⁴².

Следует отметить, что выполнение приказа ВРК района 12-й армии о заключении локального перемирия на участке армии солдатскими комитетами было в значительной степени облегчено и ускорено подписанием 13 ноября парламентами 5-й армии перемирия на всем Северном фронте. Так, быстро и организованно заключили локальные перемирия на своих участках солдатские комитеты 3-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий⁴³.

Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко в обращении от 4 декабря к солдатам, военно-революционным и солдатским комитетам известил о подписании перемирия на всем русском фронте и призвал «способствовать всеми силами самому строжайшему соблюдению условий договора о перемирии... Малейшая несдержанность, малейшая неосторожность могут погубить все»⁴⁴. В тот же день член ВРК 5-й армии Собецкий направил телеграмму командирам корпусов, в которой уведомлял, что «вследствие подписания договора о перемирии... предлагаю... прекратить всякие действия»⁴⁵.

Военно-революционные комитеты 5-й армии поддерживали требования Крыленко и армейского ВРК. Так, 7 декабря ВРК 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса обратился к солдатам с воззванием, где говорилось: «Товарищи! Итак, перемирие заключено! Пришел долгожданный час, когда замолк ожесточенный грохот пушек!.. Мы стоим накануне возвращения домой, но наш долг теперь, товарищи, — не оставлять своих рядов до тех пор, пока не будет заключен мир»⁴⁶.

В частях 12-й и 1-й армий военно-революционные и солдатские комитеты также неукоснительно соблюдали условия перемирия, разъясняли солдатам необходимость соблюдать дисциплину и твердость фронта. И это дало положительные результаты. В частности, в сводке сведений о настроениях в 12-й и 1-й армий, составленной в военно-политическом отделе штаба Верховного главнокомандующего, отмечалось, что по полученным от 17 декабря сведениям, «мирные переговоры встречены солдатами с радостью... уходящих с фронта в связи с объявленным перемирием не наблюдается»⁴⁷.

Западный фронт. Заключение локальных перемирий между отдельными частями и соединениями на Западном фронте началось сразу после обращения Совнаркома к солдатам действующей армии от 9 ноября с призывом приступить к заключению перемирия. Под руководством ВРК Западного фронта переговоры с противником взяли на себя армейские, корпусные и дивизионные военно-революционные комитеты. В воззвании к солдатам от 12 ноября ревком Западного фронта известил, что во исполнение постановления советского правительства он обратился к главнокомандующему армиями Западного фронта генералу от инфантерии П.С. Балуюеву с предло-

жением предписать всем командующим армиями фронта приступить к переговорам о немедленном перемирии с противником. За отказ выполнить это требование ВРК фронта отстранил генерала от должности и назначил вместо него подполковника большевика В.В. Каменщикова. Фронтвой ревком призвал солдат «к дружной, единойдушной поддержке» мирной инициативы советского правительства»⁴⁸.

Одновременно ВРК Западного фронта обратился ко всем офицерам с воззванием, в котором извещал о смещении Балугева с должности и предупреждал командный состав, «что всякое массовое уклонение от выполнения служебных обязанностей будет рассматриваться им как преступление против Родины, и виновные будут отрешаться от занимаемых ими должностей с лишением содержания и предаваться военно-революционному суду»⁴⁹.

В тот же день на заседании бюро ВРК Западного фронта была выработана инструкция о подготовке перемирия на Западном фронте. Она была объявлена в приказе № 3 нового главнокомандующего армиями Западного фронта Каменщикова. Инструкция рекомендовала во всех войсковых комитетах немедленно образовать специальные «комиссии по организации перемирия на фронте». В инструкции особо подчеркивалось, что «необходимым условием переговоров является не только присутствие парламентаров от командного состава, но и обязательное участие солдат — представителей германской стороны». Инструкция требовала от солдат «в течение всего времени переговоров, а также и по ведению переговоров о перемирии... соблюдать сугубую бдительность, ни на минуту не допуская ослабления боеспособности фронта»⁵⁰. 15 ноября фронтвой ВРК известил солдат Западного фронта,

что для координации действий по заключению перемирия создана специальная комиссия из пяти человек — двух членов фронтового ВРК и по одному представителю от армейских ВРК 2, 3 и 10-й армий⁵¹.

Одним из первых на Западном фронте заключил перемирие с противником ВРК Гренадерского корпуса (2-я армия). 14 ноября корпусной ревком направил делегацию в расположение неприятеля. В ее состав вошли: корпусной комиссар Воробьев, член корпусного ревкома Е. Кнобеев, секретарь корпусного ревкома Рак, председатель солдатского комитета штаба корпуса Грецен, член солдатского корпусного комитета Лебедев и представитель штаба корпуса прапорщик Гордон⁵². О посылке делегации для переговоров и о прекращении военных действий ВРК Гренадерского корпуса сообщил советскому Верховному главнокомандующему Крыленко и штабу Западного фронта⁵³. Немецкие офицеры-парламентеры привезли готовый проект договора о перемирии, после обсуждения которого было достигнуто соглашение о прекращении военных действий 16 ноября с 12 ч. Соглашение распространялось на специально оговоренный и очерченный на карте участок фронта. Здесь запрещались с обеих сторон все работы, которые могли бы служить для подготовки наступления. Договор о перемирии был действителен до отказа от него одной из сторон, который должен быть заявлен за два дня. Возможные недоразумения решено было разбирать и улаживать уполномоченными обеих сторон⁵⁴.

Вслед за ВРК Гренадерского корпуса договор о перемирии с противостоящими немецкими частями заключили и другие военно-революционные комитеты фронта. Так, 15 ноября был подписан договор о прекращении военных действий 19 ноября с 12 ч дня между ВРК 15-го армей-

ского корпуса (3-я армия) и 67-м германским корпусом. С немецкой стороны текст договора подписал генерал Натель, с русской — председатель ВРК корпуса большевик Вашнев⁵⁵. 17 ноября аналогичный договор был подписан между ВРК 3-го армейского корпуса (10-я армия) и 57-м германским корпусом, сроком на 5 дней — с 19 по 24 ноября. Причем договором предусматривалось продление перемирия на срок до трех месяцев⁵⁶.

Вскоре в переговоры о перемирии стали вступать и армии фронта. 17 ноября ВРК 2-й армии обратился с официальным предложением к немецкому командованию о заключении перемирия на участие своей армии. В тот же день с аналогичным предложением обратился ревком 10-й армии к штабу 12-й германской армии. В обращении говорилось: «Военно-революционный комитет, имеющий всю полноту власти в X русской армии, предлагает, во исполнение воли солдат X армии и предписания Правительства Народных Комиссаров, вступить в переговоры о перемирии с противостоящей XII германской армией». Обращение было подписано председателем ВРК 10-й армии большевиком В.И. Ярким и передано всем германским военным радиотелеграфным станциям. Немецкое командование дало согласие на переговоры и назначило место и время встречи делегаций⁵⁷.

На состоявшемся 18 ноября заседании ВРК 3-й армии были избраны уполномоченные для переговоров о перемирии. На нем было также заслушано заявление председателя армейского ВРК большевика А.Ф. Боярского о том, что командующий армией генерал-лейтенант Д.П. Парский отказался подписать мандат парламентарам армейского ВРК. Было постановлено отстранить генерала от должности командующего. Уполномоченные ВРК 3-й армии

были направлены для ведения переговоров с мандатом без подписи командующего армией, на что германская сторона, желавшая перемирия, не обратила внимания⁵⁸.

Характеризуя положение, создавшееся в связи с заключением локальных перемирий, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта полковник Генерального штаба Н.В. Соллогуб сообщал 17 ноября в Ставку: «Почти всюду фактически заключено перемирие, которое выражается в некоторых местах в полном прекращении всякого огня, в иных местах происходит под видом братания и лишь в редких местах перестрелка. Сегодня и этой перестрелки не было. В некоторых частях, число которых постепенно умножается, данное положение бездействия закреплено формальными договорами. Пока я имею лишь один, посланный вам — Гренадерского корпуса. Не подлежит никакому сомнению, что в ближайшее время такая же обстановка разольется от нас вправо на север и влево на юг, т.к. занятое фронтом положение чрезвычайно соблазнительно»⁵⁹.

В результате подписания военно-революционными комитетами многих частей Западного фронта локальных договоров с противником о перемирии создалась благоприятная обстановка для заключения перемирия во фронтовом масштабе. 17 ноября с предложением о перемирии к немецкому командованию обратился ВРК Западного фронта, на что главнокомандующий группой армий «Эйхгорн» генерал-фельдмаршал Г. Фон Эйхгорн ответил согласием. Начало переговоров было назначено на 19 ноября в деревне Солы⁶⁰.

О мероприятиях фронтового ревкома по подготовке перемирия член ВЦИК Советов большевик В.В. Фомин в телеграмме от 17 ноября, направленной в Совнарком и ВЦИК Советов, сообщал: «Революционный комитет За-

падного фронта сего числа приступает к переговорам о перемирии на участке наших армий. Подготовка к перемирию ведется организованно высшей организацией фронта совместно с главказапом армий (главнокомандующим армиями Западного фронта. — С.Б.)»⁶¹.

ВРК фронта выработал проект договора о перемирии, который в ночь на 19 ноября в течение шести часов подробно обсуждался в штабе фронта и был принят⁶². Для ведения мирных переговоров фронтовой ревком избрал комиссию в составе девяти человек — по два представителя от ревкомов каждой из трех армий фронта и три от фронтового ВРК. Членами комиссии являлись: от ВРК фронта — С.Г. Щукин (руководитель), В.В. Фомин, С.И. Бернсон, от ревкома 2-й армии — Н.С. Тихменев, Н.Г. Петров, от ревкома 3-й армии — В.Ф. Лукьянов, Школьников, от ревкома 10-й армии — В.И. Яркин. Н.В. Хрусталев. Кроме того, в состав делегации были включены два военнотехнических советника — капитаны Генерального штаба Крузенштерн и Липский⁶³.

Переговоры с немецкой стороной начались в деревне Сола 20 ноября, и на следующий день, 21 ноября, в 8 ч 15 мин между представителями фронтового ВРК и германской делегацией, возглавляемой генералом фон Зауберцвейгом, был подписан договор⁶⁴ об установлении перемирия сроком на два месяца на всем протяжении Западного фронта⁶⁵. Следует заметить, что благодаря настойчивым требованиям и мотивированным протестам руководителя комиссии по перемирию большевика Щукина в основу обсуждения был положен проект договора, выработанный ВРК фронта. Член комиссии по перемирию Тихменев писал впоследствии, что «на дипломатическом поприще в тот момент наша делегация, которую возглавил Щукин,

оказалась сильнее немецкой и добилаь того, что в основу договора о перемирии был взят наш проект»⁶⁶.

Организованная большевиками 25 ноября в Минске демонстрация солдат местного гарнизона и рабочих приветствовала заключение перемирия на Западном фронте⁶⁷.

Юго-Западный фронт. Достижению подобного успеха на Юго-Западном фронте большевикам в значительной степени препятствовало противодействие Центральной рады, командного состава и эсеров-меньшевистского руководства значительной части солдатских комитетов. Центральная рада задерживала телеграммы советского Верховного главнокомандующего Крыленко, не позволяла передавать приказы и воззвания Совнаркома о перемирии войскам фронта⁶⁸. Кроме того, 21 ноября ее лидеры приняли резолюцию, в которой отрицалось право советского правительства вести переговоры о мире, и заявлялось, что Центральная рада «приступает к немедленному составлению конкретной программы мира для предложения всем державам»⁶⁹. Текст этого документа был передан по радио и телеграфу, опубликован в армейской печати Юго-Западного фронта.

Однако здесь так же, как и на соседних фронтах, большевистские ревкомы, несмотря на сопротивление своих политических противников, приступили к заключению локальных перемирий. 17 ноября ВРК Особой армии для переговоров с командованием неприятеля об условиях перемирия выслал в Ковель группу парламентаров в составе председателя армейского ревкома большевика Автокротова, товарища председателя ВРК большевика Ю.С. Гузарского и члена ревкома большевика Гайлитса. Извещая солдат о начале мирных переговоров на участке Особой армии, армейский ВРК призвал их «до возвращения парламентаров воздержаться от неорганизованного братания

и перемирия и оставаться на своих местах, сохранять полное спокойствие, ожидая распоряжения революционного комитета»⁷⁰.

На другой день парламентары армейского ревкома встретились с уполномоченными командующего армейской группой генерал-полковника А. фон Линзингена. В результате переговоров обе стороны подписали «Протокол об условиях прекращения военных действий». Боевые действия прекратились в ночь на 20 ноября по всей линии фронта Особой армии от реки Припять до местечка Берестечко⁷¹. Немедленное проведение в жизнь соглашения о перемирии ВРК армии возложил на войсковые комитеты и командный состав. 19 ноября армейский ВРК, сообщая Крыленко о заключении перемирия на участке Особой армии, в частности, отмечал, что «всем войсковым организациям и представителям командного состава поручается немедленное приведение в исполнение» соглашения о перемирии, и заявлял, что «твердо рассчитывает на товарищей солдат и офицеров с своей стороны не допускать никакого нарушения вышеизложенного соглашения, сохранять порядок и остаться на своих постах и не допускать необдуманных действий...»⁷²

Большую роль в заключении локальных перемирий на участке фронта, занимаемом частями и соединениями 11-й армии, сыграл армейский ВРК. 17 ноября он обратился с воззванием к солдатам 11-й армии о сохранении спокойствия перед заключением перемирия с противником⁷³. Затем, на состоявшемся 20 ноября заседании армейского ревкома было принято решение «послать в немецкие окопы представителей Военно-революционного комитета 11-й армии». В связи с этим армейский ВРК приказал «прекратить как братание, так и военные действия

на фронте 11-й армии»⁷⁴. На следующий день, 21 ноября, председатель армейского ревкома большевик Устьянцев сообщил в Ставку Крыленко, что «сегодня представители комитета армии должны выехать для ведения переговоров с неприятелем»⁷⁵. Тем временем ВРК 25-го армейского корпуса в приказе № 1 от 23 ноября предупреждал солдатские массы о том, что «покуда будут вестись переговоры о перемирии и мире, будьте осторожны и сдержанны от ненужных выстрелов»⁷⁶.

Активное участие в заключении локальных перемирий на Юго-Западном фронте приняли военно-революционные комитеты 7-й армии. Так, 25 ноября председатель ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса Павлов известил все его части о том, что 24 ноября корпусным ревкомом были отправлены 15 парламентаров в распоряжение противника для заключения перемирия на участке, занимаемом корпусом⁷⁷.

Немаловажное значение в деле заключения перемирия в масштабе всего Юго-Западного фронта имел проходивший в Бердичеве с 18 по 23 ноября фронтовой съезд. 21 ноября присутствующим был зачитан приказ Крыленко, который гласил: «Предписываю заключить перемирие целыми фронтами, как исходящее от центральной власти. В момент заключения фронтового перемирия все заключенные частичные перемирия теряют свою силу». В связи с этим приказом съезд большинством голосов принял резолюцию о необходимости заключения перемирия на Юго-Западном фронте. В ней отмечалось, что «переговоры будут вестись Главкоюзом (главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. — С.Б.) при участии членов съезда и Центральной рады»⁷⁸.

Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Г. Володченко сделал попытку са-

ботировать решение фронтового съезда о вступлении в переговоры о перемирии с противником. Но на его запрос штабы армий фронта ответили: «Приходится считаться с свершившимся фактом: перемирия всюду заключаются» (Особая армия); «Перемирие фактически осуществлено войсками...» (7-я армия)⁷⁹. В сложившейся обстановке на совещании командования, состоявшемся на следующий день, 22 ноября, в Бердичеве, в штабе фронта, была высказана мысль: «Мы поставлены перед свершившимся фактом и насущной необходимостью приступить к официальным переговорам о перемирии на Юго-Западном фронте, каковые уже ведутся на других фронтах»⁸⁰. 24 ноября Володченко, не желая в дальнейшем сотрудничать с новой властью, добровольно оставил пост главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта и покинул действующую армию. В результате состоявшихся вскоре переговоров с противником 24 ноября с 12 часов дня на всем Юго-Западном фронте — от Пинска до Могилева-Подольского — военные действия прекратились и было заключено перемирие.

Румынский фронт. Как и на других фронтах, командование Румынского фронта отрицательно отнеслось к директиве Совнаркома о вступлении в переговоры о перемирии с противником. Главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев, как уже отмечалось, встал на путь борьбы с большевиками. «Ни новое правительство, ни новый верховный главнокомандующий мною признаны не были, и я начал открытую борьбу с идеями большевизма и пацифизма, чтобы сохранить хотя бы свой фронт», — писал впоследствии Щербачев⁸¹. Открыто выступили против мирной инициативы советского правительства также эсеры и

меньшевики, преобладавшие во фронтовом отделе Центрального исполнительного комитета советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта (Румчерода). В армейской печати ими публиковались телеграммы Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина и Общеармейского комитета при Ставке с призывами не подчиняться советскому правительству.

Румчерод, в свою очередь, призывал все армейские организации присоединить свой голос к протесту Общеармейского комитета при Ставке против назначения Н.В. Крыленко Верховным главнокомандующим⁸². Эсеро-меньшевистский ВРК 8-й армии выразил свое одобрение по поводу отказа Духонина выполнить предписание Совнаркома о начале мирных переговоров⁸³. Армиском 6-й армии совместно с эсеро-меньшевистским армейским ВРК обсуждал вопросы о перемирии на четырех заседаниях, состоявшихся 9, 10, 15 и 16 ноября. В принятых резолюциях оба комитета отказались признать советское правительство, его предложение о перемирии и назначение Крыленко Верховным главнокомандующим.

Фракции большевиков этих комитетов выработали собственную резолюцию, в которой законной властью признавался Совет народных комиссаров и предлагалось Духонину приступить к немедленным переговорам о перемирии на фронте. Однако большевики в этих комитетах составляли меньшинство, и за предложенную ими резолюцию голосовали лишь 8 человек из 45 присутствовавших, в результате была принята резолюция о непризнании новой власти⁸⁴. Эсеро-меньшевистский фронтовой ВРК, обсудив предложение советского правительства вступить в мирные переговоры с противником, также принял «резолюцию, с осуждением всей тактики власти народ-

ных комиссаров». Предложение фракции большевиков, состоявшей из трех человек, «немедленно приступить к перемирию на всем фронте» было отвергнуто эсеро-меньшевистским большинством⁸⁵.

Между тем позиция солдатских масс Румынского фронта была другой. Собрания, заседания и митинги частей и соединений выносили резолюции об одобрении декрета о мире и мирной инициативе советского правительства⁸⁶. Благодаря солдатской поддержке большевики Румынского фронта в ряде частей и соединений, особенно в тех, где пользовались наибольшим влиянием, сумели приступить к заключению локальных перемирий с противником. Такую инициативу, к примеру, на участке 11-го армейского корпуса (8-я армия) взял на себя большевизированный совет солдатских депутатов 32-й пехотной дивизии. На состоявшемся 10 ноября собрании дивизионного совета была обсуждена радиограмма Совнаркома от 9 ноября и вынесена резолюция. В ней постановлялось: «оказать немедленно самую энергичную поддержку своему правительству, честно и открыто заявившему о желании вступить на путь мирных переговоров с противником, с каковой целью послать к противнику парламентариев с предложением немедленного прекращения военных действий»⁸⁷.

На следующий день уполномоченные 32-й пехотной дивизии отправились в расположение противника для переговоров о перемирии. Парламентарии заявили представителям командования неприятеля, что по указанию советского правительства дивизия на своем участке фронта прекращает военные действия, и предложили им принять такое же решение. В тот же день в дивизионный совет прибыли переговорщики противника, которые сообщили, что их командование согласно на «перемирие на участке

32-й дивизии», и предложили заключить также «перемирие на соседних участках»⁸⁸.

12 ноября объединенное заседание солдатских комитетов 11-го армейского корпуса по инициативе большевиков постановило приступить с 13 ноября к переговорам о перемирии с противником, призвав присоединиться к этому соседние корпуса. 15 ноября представители комитетов корпуса и специально назначенные уполномоченные от австро-венгерской стороны подписали договор о перемирии, и военные действия на участке 11-го армейского корпуса прекратились. Следует заметить, что переговоры с русской стороны велись только солдатскими комитетами без участия командования. Об этом, в частности, доносил 19 ноября в штаб фронта командующий 8-й армией генерал-лейтенант Н.Л. Юнаков: «Комкор и командный состав в этих переговорах никакого участия не принимали: совет депутатов захватил всю власть»⁸⁹.

Вслед за 11-м армейским корпусом последовал 33-й армейский корпус. 17 ноября заседавший в городе Хотин съезд военно-революционных комитетов корпуса избрал новый большевистский корпусной ВРК и принял решение немедленно вступить в переговоры о перемирии с противостоящим 13-м корпусом противника. Корпусной ревком избрал комиссию, в состав которой вошли большевик солдат И.Ф. Кучмин, солдат Зубов и прапорщик Кудрин. Командир корпуса отказался участвовать в ведении переговоров, и тогда корпусной ВРК, решив заключить перемирие, минуя командный состав, направил делегацию к противнику. 19 ноября договор о перемирии между этим корпусом и 13-м неприятельским был подписан, и военные действия на занимаемом ими участке фронта прекратились⁹⁰.

21 ноября 2-й съезд 8-й армии, проходивший в Могилеве-Подольском, в первый же день своей работы по предложению большевиков принял резолюцию о перемирии, в которой «признал необходимость избрать парламентерскую комиссию из состава съезда по одному представителю от каждого корпуса и дать ей полномочия для заключения перемирия на фронте VIII армии согласно условиям, указанным в телеграмме Главковерх[а] Крыленко, кооптируя представителя от штаба армии для облегчения ведения технической стороны перемирия». В резолюции также отмечалось, что «перемирие должно иметь целью демократический мир и должно быть связано с организованным братанием»⁹¹. В состав комиссии по заключению перемирия съездом были избраны солдат Кучмин, уже имевший «дипломатический» опыт, солдат Польский, солдат Крейцберг, подпоручик Ансеров, прапорщик Дивногорский и подполковник Паук. 25 ноября договор о перемирии между 8-й армией и 3-й австро-венгерской был подписан⁹². В 4-й армии 21 ноября усилиями армейских большевиков были заключены локальные перемирия с противником на участках 24-го и 30-го армейских корпусов⁹³.

Таким образом, в отношении мирных переговоров главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев был поставлен перед фактом изолированных мирных соглашений по всему фронту. В сложившихся условиях он был поставлен перед необходимостью начать переговоры о перемирии во фронтовом масштабе. Щербачев заявил членам эсеро-меньшевистского ВРК Румынского фронта, что «при создавшемся положении считает себя вынужденным заключить перемирие». В кругу же румынских высокопоставленных лиц он сказал, что предпочитает сам объявить

прекращение военных действий и тем самым «избежать получения приказов от тех, чью власть он не признает», то есть от советского правительства⁹⁴.

21 ноября Щербачев передал командованию австро-венгерских войск предложение начать переговоры о заключении перемирия на Румынском фронте⁹⁵. К участию в переговорах он привлек членов эсеро-меньшевистского фронтового ВРК, представителей армискомов и командного состава. При этом 23 ноября Щербачев официально уведомил командование противника в лице генерала-фельдмаршала А. фон Макензена, что русские и румынские войска фронта не признают правомочия Совнаркома и что окончательно вопрос о мире решит Учредительное собрание⁹⁶. 24 ноября мирные делегации обеих воюющих сторон встретились севернее города Фокшани (Румыния), около станции Марашешты, и начали переговоры. 26 ноября в Фокшани был подписан договор о перемирии на Румынском фронте, и на протяжении от Днестра до устья Дуная военные действия прекратились⁹⁷.

Таким образом, сопротивление командования Юго-Западного и Румынского фронтов заключению перемирия было подобно «гласу вопиющего в пустыне», в том числе и в военном аспекте. Представители солдатских комитетов и большевистских ревкомов частей и соединений достаточно организованно и быстро — в течение менее чем двух недель после ленинского обращения к солдатам действующей армии, о котором говорилось ранее, — заключили локальные перемирия с противником, образовав многочисленные бреши в линии фронта.

Кавказский фронт. Заключение перемирий на русских европейских фронтах, настойчивые требования солдат Кавказского фронта вступить в переговоры с против-

ником⁹⁸ подтолкнули фронтовое командование принять предложение турецкой стороны о мирных переговорах, поступившее 17 ноября. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта генерал от инфантерии М.А. Пржевальский дал согласие начать диалог о перемирии, но при условии, что противник не будет производить стратегических перегруппировок и все войска останутся на занимаемых ими позициях⁹⁹. С 29 ноября по 2 декабря в городе Эрзинджан (Турция) работала специально созданная комиссия по перемирию Кавказского фронта. Вместе с турецкой стороной она разработала договор о перемирии. Телеграмма командования Кавказского фронта, переданная частям и соединениям, извещала о начале перемирия с 1 часа ночи 5 декабря¹⁰⁰.

Таким образом, в середине ноября — начале декабря было заключено перемирие на всех пяти фронтах. Причем на Северном и Западном фронтах договоры о перемирии подписали делегаты военно-революционных комитетов, а на остальных — представители командования. А 20 ноября в оккупированном немцами Брест-Литовске начались переговоры между делегациями, уполномоченными советским и германским правительствами, и 2 декабря было подписано соглашение о перемирии сроком на 28 дней между Советской Россией и странами Четверного союза.

Однако, заключив перемирие, Совнарком не смог дать стране и армии того долгожданного демократического мира «без аннексий и контрибуций», который провозглашался большевиками в дооктябрьский период. Сепаратные действия советского правительства в условиях продолжения войны в Западной Европе во многом предопределили грабительский и «похабный», как признавал В.И. Ленин, мир с Германией. К тому же заключение местных согла-

шений о перемирии на фронте окончательно подорвало единое централизованное управление войсками и свело на нет роль Ставки Верховного главнокомандующего.

Кроме того, после заключения общего перемирия с противником солдатские массы считали войну законченной, и усилия советского правительства поднять их на так называемую революционную войну были заранее обречены на провал, тем более что солдаты тяготели к любому миру. Советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко вынужден был констатировать, что в распоряжении советской власти отсутствовала «революционная армия бойцов», а солдаты в частях являлись «армией тех, кто думает только о своей хате»¹⁰¹.

Борьба большевиков за претворение в жизнь декрета о мире неразрывно связана с таким феноменом Первой мировой войны, как братание¹⁰². Как ранее отмечалось, братание с противником представляло собой проявление наивысшей всеобщей деморализации войск, хотя многие солдаты связывали с этими невраждебными актами надежды на заключение мира. В послеоктябрьский период братание было не только официально узаконено, но и стало одним из главных инструментов борьбы большевиков за заключение сепаратного мира с противником. Лозунг дней, прошедших от декрета о мире до ленинского обращения 9 ноября по радиотелеграфу к солдатам заключать локальные перемирия с неприятелем, «Братание ускорит мир» стал доминирующим на фронте. Фактически поддержка и организация большевиками братаний в этот период психологически подготавливало солдат только к миру. Но не к «справедливому демократическому миру без аннексий», за который ратовали большевики, а к миру любой ценой. Ведь в итоге внедрения ими массового братания непоправимым стало

положение в деле обороноспособности действующей армии, а справедливый мир можно было заключить только при наличии крепкого фронта.

Следует также подчеркнуть, что продолжение курса большевиков на братание в послеоктябрьский период, когда они объявили себя оборонцами, в политическом и военном отношении было в интересах противника, так как безнадежно подрывало воинскую дисциплину. Исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант В.В. Марушевский в разговоре по прямому проводу с Верховным главнокомандующим генерал-лейтенантом Н.Н. Духониным в ночь на 11 ноября, касаясь этого вопроса, особо подчеркивал: «Мне лично кажется, что если на всем фронте происходило братание в течение многих недель и что если предложение о немедленном перемирии, переданное комиссарами на фронт, проникло уже в сознание войсковой массы, то положение делается, вероятно, трудно поправимым»¹⁰³.

В период заключения «солдатских миров» с представителями командования противника — с 14 ноября по 5 декабря — братание было практически непрерывным на всех русских европейских фронтах (только на Кавказском фронте все попытки турецкой стороны вызвать русских солдат на мирный контакт заканчивались безрезультатно). Для этого времени было характерно, что инициатором встреч с русскими солдатами часто выступало австро-германское командование с целью получения разведывательных данных и посылало на такие акции одних и тех же лиц, как правило, офицеров разведки, переодетых в форму рядовых. Кроме сбора разведывательной информации, противник открыто занимался и разложением русской армии, прибегая к спаиванию алкоголем наших

солдат и обильно снабжая их своими агитационными изданиями на русском языке. Накопив же достаточный разведывательный материал, командование противника в одностороннем порядке приостанавливало братание¹⁰⁴.

Несмотря на очевидный вред рассматриваемого явления, большевики не отказались от него и после заключения перемирия. Более того, при выработке текста договора о перемирии со странами Четверного союза именно по предложению советской стороны в него был включен пункт о братании¹⁰⁵. Примечательно, что по этому поводу восторженно высказался советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко. В телеграфном обращении к солдатам от 4 декабря он отмечал, что «братание — одно из могучих средств нашей революционной борьбы», и «поставлено братание на почву правильной социалистической пропаганды международного братания»¹⁰⁶.

Однако целый ряд случаев свидетельствовал о том, что вместо «правильной социалистической пропаганды международного братания» наши солдаты все больше втягивались в меновую торговлю с солдатами противника. В частности, в сводке сведений, составленной 21 декабря Военно-политическим и гражданским управлением при Верховном главнокомандующем, сообщалось, что братание чаще всего выражалось в «обмене вещей; солдаты группами... собираются для этой цели и братаются с немецкими солдатами». В рапорте этого управления за 4 января 1918 г. по-прежнему указывалось, что на фронте «братания продолжаются и носят в большинстве случаев характер натурального обмена». А 16 января начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич в сообщении советскому правительству о состоянии действующей армии вынужден был

также признать, что «братание превратилось в бойкую торговлю»¹⁰⁷. Таким образом, надежды Крыленко на братание как на «могучее средство революционной борьбы» не оправдались. Если вначале солдаты связывали с ним свои чаяния о мире, то после заключения перемирия политические цели большевиков стали безразличны фронтовикам и в основу братания легли материальные интересы.

РЕАКЦИЯ СОЛДАТ-ФРОНТОВИКОВ НА ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

Растущей деморализации солдат-фронтовиков и распаду действующей армии содействовало не только братание со всеми его аспектами. В значительной степени способствовал этому и не решенный Временным правительством земельный вопрос. В результате после обнародования принятого Совнаркомом декрета о земле солдатская масса все больше втягивалась в аграрное движение в прифронтовых районах и зачастую выступала в роли инициатора аграрных погромов. Аграрное движение крестьянства в тылу вызывало беспокойство солдат-фронтовиков, подавляющее большинство которых составляли крестьяне, усиливало их тягу домой и рост дезертирства, так как многие солдаты опасались, что при разделе помещичьей земли они будут обойдены. На этой почве значительная часть солдат, находившихся в отпусках, выжидала и не желала возвращаться на фронт.

В ноябре—декабре большевистским ревкомам и большевизированным солдатским комитетам пришлось столкнуться с принявшими обвальный характер погромами зажиточных хозяйств в прифронтовых районах. Многочисленные сводки сведений командования, приказы рев-

комов, солдатских комитетов и другие документы свидетельствовали о массовости участия солдат в аграрных беспорядках¹⁰⁸.

На Северном фронте борьба с погромами крупных хозяйств была на повестке дня даже солдатских съездов. Об этом свидетельствует, например, протокол съезда представителей частей 49-го армейского корпуса (12-я армия) от 27 ноября, где рост «погромного движения в районе расположения корпуса», выразившегося в разгромах имений и расхищениях, обсуждался на съезде. Было рекомендовано «всем комитетам самым энергичным образом бороться с этим возмутительным явлением, кладущим пятно на революционную армию, привлекать виновных к товарищескому суду, а также препровождать в военно-революционные суды»¹⁰⁹. Воззвание выборного командира 17-го армейского корпуса (5-я армия) Федорова к солдатам также призывало бороться с погромами. В возвании указывалось, что гибнет не помещичье добро, а народное достояние¹¹⁰. 27 ноября ВРК 35-й пехотной дивизии (5-я армия) издал приказ о борьбе с погромами хозяйств и предании военно-революционному суду их участников¹¹¹.

На Западном фронте фронтовой ВРК в связи с участием солдат 3-го Сибирского стрелкового полка (10-я армия) в аграрных беспорядках предписал 3 ноября ревкому этого полка «принять экстренные меры к недопущению разгрома имений... а равно оказывать содействие волостному комитету в борьбе с грабежами, предварительно расследуя [дело] при участии представителя комитета Сибирского полка»¹¹². 8 ноября ревком Западного фронта вновь обратил внимание на эту проблему: в его приказе предписывалось «гражданскому отделу ВРК разбить на районы тыл фронта и назначить в них комиссаров для ор-

ганизации борьбы с грабежами и погромами»¹¹³. Однако это распоряжение, видимо, не дало желаемых результатов, так как 18 ноября фронтовой ревком в своем приказе вновь подчеркивал: «Военно-революционный комитет, обращаясь ко всем ВРК фронта, квалифицирует мародеров и погромщиков как врагов революции и призывает к беспощадной борьбе с ними. ВРК обращается к солдатам с просьбой помочь военно-революционным комитетам в этой борьбе»¹¹⁴.

Ревкомы частей и соединений фронта также старались бороться с этим негативным явлением. Так, 16 ноября только что образованный ВРК 8-го Сибирского стрелкового полка (10-я армия) в приказе № 2 требовал от всех ротных и командных комитетов полка «принимать меры против развивающегося зла — погромов, включительно до подавления таковых вооруженной силой; немедленно арестовывать зачинщиков погромов, кто бы это ни был — солдат или вольный, и предавать их военно-революционному суду»¹¹⁵. Следует отметить, что крестьянские организации прифронтовых районов Западного фронта нередко адресовали в военно-революционные комитеты просьбы о помощи. Например, Молодечненский волостной земельный комитет обратился с ходатайством в ВРК 10-й армии принять меры по охране лесов от порубок. В результате приказом от 28 декабря армейский ревком постановил «без ведома земельных комитетов рубку не производить»¹¹⁶.

Однако остановить погромную волну военно-революционные и большевизированные солдатские комитеты были не в силах. Как свидетельствовали сводки и донесения командования Северного и еще чаще Западного фронтов в Ставку Верховного главнокомандующего, в их тыловых районах «погромы перекидываются из пун-

кта в пункт, достигая больших размеров», «беспорядки и грабежи в армиях фронта (Западного. — С.Б.) начинают принимать организованный характер...» и т.д.¹¹⁷

Особенно сильное погромное движение крестьянства с участием солдат происходило в прифронтовых районах Юго-Западного и Румынского фронтов и в ноябре—декабре охватило огромные территории. Как заявлял один из видных деятелей Центральной рады генеральный секретарь труда Н.В. Порш, имения, сахарные заводы «уничтожаются солдатами и крестьянами на всем протяжении Волыни, Подолии». Вся Киевская губерния была охвачена аграрными беспорядками¹¹⁸. Многие солдаты армий Юго-Западного фронта агитировали местное крестьянство захватывать и громить имения. Как информировал Ставку Верховного главнокомандующего главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Н.Г. Володченко, в ближайшем фронтовом тылу уничтожались помещичьи хозяйства и зачинщиками в большинстве случаев являлись солдаты¹¹⁹. Иными словами, и прифронтовая полоса, и тыловой район Юго-Западного фронта были объаты пламенем крестьянско-солдатских аграрных выступлений.

Точно так же солдаты Румынского фронта, в частности частей и соединений 6-й и 8-й армий, находившихся на территории Подольской и Бессарабской губерний, громили помещичьи имения совместно с крестьянами. Уже в конце октября солдаты 41, 47 и 160-й пехотных дивизий (8-я армия) проводили так называемые конфискации помещичьих хозяйств в местечках Бессарабской губернии — Единцах, Яноуцах, Табани и других. Только солдаты 621-го пехотного Немировского полка (156-я пехотная дивизия, 8-я армия) за несколько дней разгромили 8 экономий. В районе же Хотина солдатами и крестьянами было разграблено 23 по-

мещичьих имения¹²⁰. В результате крупные хозяйства на Украине и в Молдавии прекратили функционировать, что привело к окончательной дезорганизации поставок продовольствия на Румынский и Юго-Западный фронты.

На фоне разгула погромного движения попытки некоторых большевистских ревкомов положить конец аграрным беспорядкам оказались безуспешными. Так, 27 ноября ВРК 3-го Кавказского армейского корпуса (Юго-Западный фронт) издал приказ, требовавший прекратить погромы и сурово наказывать всех участвовавших в них военнослужащих¹²¹. Большевистский ревком 16-го армейского корпуса (Румынский фронт) 6 декабря провел заседание комитета, специально посвященное проблеме погромного движения, и принял постановление «выработать по борьбе с погромами план». В изданном на следующий день, 7 декабря, приказе корпусной ВРК извещал военнослужащих о том, что «всех солдат и граждан, призывающих к погрому, арестовывать и препровождать их в Военно-революционный комитет той части, где они арестованы, или же в Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов для предания их суду народной власти». Далее приказ требовал: «для предотвращения всяких погромов и насилий» организовывать «специальные революционные отряды» или назначать «в полках дежурные роты, находящиеся в распоряжении полковых комитетов, [которые] должны быть использованы последними в случае, если будет неизбежно применение вооруженной силы»¹²². Однако, как на Северном и Западном фронтах, большевистские ревкомы частей и соединений Румынского и Юго-Западного, несмотря на «грозные» приказы, были не в состоянии справиться с аграрно-погромной стихией, распространившейся в их тыловых районах.

В частях и соединениях Кавказского фронта аграрный вопрос приобрел весьма специфический характер. После обнародования декрета о земле ситуация во всех казачьих областях обострилась, что катастрофическим образом отозвалось на целостности Кавказского театра военных действий, так как значительная часть военнослужащих здесь были терскими и кубанскими казаками. В частности, борьба иногородних крестьян за землю в казачьих областях, желание казаков сохранить как собственные наделы, так и дарованные встарь привилегии приводили к сильному стремлению и тех и других уйти с фронта домой для защиты своих аграрных интересов.

Резолюции по земельному вопросу о правах иногородних, принятые в ноябре на 1-м съезде иногородних Кубанской области и на крестьянском областном Донском съезде, вызвали волнения казаков Кавказского фронта и соответствующую реакцию иногородних крестьян в пехотных частях. Все противоречия между казаками и солдатами наглядно отражают резолюции и указы каждой из противоборствующих сторон на этом фронте. Так, наказ крестьянских ячеек Трапезундского укрепленного района своим делегатам, направленным во ВЦИК Советов в Петроград, предлагал конфисковывать все казачьи офицерские участки, войсковые свободные земли и участки, превышающие трудовую норму, требовал учреждения в казачьих областях сельских и земельных комитетов, а также ликвидации привилегий казачества¹²³.

Из писем с родины, периодической печати солдатские массы Кавказского фронта были информированы о тревожном положении в казачьих областях. Как сообщала меньшевистская газета «Новая жизнь», правом голоса при выборах Кубанской рады пользовались лишь казаки,

горцы и крестьяне-общинники, а «бедное крестьянство, рабочие и все пришлое население политических прав лишено»¹²⁴. Кадетская газета «Речь» указывала, что кубанская казачья верхушка испугалась «погромно-аграрной заразы», однако «лишение значительной части населения политических прав» производит тяжелое впечатление. Далее газета отмечала, что право распоряжения казенной землей оставалось в руках «глав казачьей общины»¹²⁵.

Со своей стороны, казаки, главная масса которых на Кавказском фронте состояла из кубанцев и терцев, с тревогой наблюдали за ростом большевизации гарнизонов, расквартированных в Кубанской и Терской областях, за угрозами и стремлениями служивших в них солдат и местного иногороднего крестьянства отобрать войсковые, офицерские земли и имущество казачьей верхушки. В начале ноября председатель Кубанского краевого правительства Л.Л. Быч выдвинул даже требование о немедленном отзыве казаков с фронта для защиты своих прав и хозяйств в Кубанской области¹²⁶. На Кавказском фронте кубанские и терские казаки принимали резолюции, в которых выдвигались требования об обязательном сохранении их дореволюционных привилегий и ограничении прав иногородних крестьян, сочувственно встреченные казаками других областей России¹²⁷.

В войсках Кавказского фронта, расположенных в Персии, господствовали такие же настроения. Здесь находилось два корпуса — 7-й Кавказский армейский и 1-й Кавказский кавалерийский, около половины военнослужащих которых составляли казаки. Среди казаков и солдат царило возбуждение, и все они стремились на родину, так как полученные из дома письма и газетные сообщения о событиях в казачьих областях, вызывали тревогу. Как сообщалось

в Ставку Верховного главнокомандующего, состоявшийся в ноябре Чрезвычайный войсковой круг оренбургских казаков в связи с начавшимся в стране аграрным движением потребовал от фронтового командования вывода из Персии и отправки на родину всех казачьих оренбургских полков с артиллерией¹²⁸. Уже в ноябре—декабре в 1-м Кавказском кавалерийском корпусе положение настолько обострилось (чему способствовал усиливавшийся голод и падеж лошадей), что его командир генерал от кавалерии Н.Н. Баратов потребовал 3 декабря от командования фронта немедленно отвода войск из Персии, так как назревал самовольный отход не только солдат, но и казаков. Сложившуюся ситуацию в войсках генерал напрямую связывал с событиями на Северном Кавказе и тревожными письмами, полученными казаками и солдатами из дома¹²⁹.

13 ноября 39-я пехотная дивизия, состоявшая в основном из крестьян Северного Кавказа, ссылаясь на декрет о мире, стала самовольно стходить в тыл. Для организации отхода дивизии армейскими большевиками, как уже отмечалось выше, был создан дивизионный ревком, который взял на себя руководство дивизией. Ее командование доносило в штаб фронта, что одной из основных причин самовольного отхода дивизии является недовольство солдат действиями казачьих областных правительств Кубани и Терека и возникшими в связи с декретом о земле беспорядками в казачьих областях¹³⁰. Командующий Кавказской армией генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе в своей телеграмме, адресованной главнокомандующему войсками Кавказского фронта генералу от инфантерии М.А. Пржевальскому, всю ответственность за отход дивизии возложил на созданный большевиками дивизионный ревком¹³¹.

После ухода с фронта 39-й пехотной дивизии на Северный Кавказ, в том же направлении начал выдвижение 1-й Кавказский армейский корпус. Его примеру последовал 6-й Кавказский армейский корпус, а вскоре отход принял стихийный характер и захватил 4-й и 5-й Кавказские армейские корпуса¹³².

Таким образом, аграрный вопрос в значительной степени способствовал развалу Кавказского фронта, который выразился в начавшемся самовольном возвращении войск в тыл, а на других фронтах та же земельная проблема деморализовала широкие слои солдатских масс.

Вместе с тем солдатские комитеты и ревкомы действующей армии оказывали материальную помощь бедным крестьянским хозяйствам прифронтовой полосы, разоренной войной: выдавали лишних и негодных для армии лошадей, повозки и другое армейское имущество, которое можно было использовать в сельском хозяйстве. Такое решение, например, было принято на заседании 27 ноября ВРК 16-го армейского корпуса (Румынский фронт, 8-я армия): «Так как корпус стоит на фольварке, то если поступят организованные требования сельских властей о выдаче земельных орудий и машин, то с нашей стороны препятствий не будет»¹³³. 14 декабря ВРК 17-го мортирного артиллерийского дивизиона (Северный фронт, 5-я армия) также обратился в вышестоящий ревком 17-го армейского корпуса с ходатайством разрешить передать выбракованных лошадей беднейшему крестьянству Кубецкой волости по просьбе волостного земельного комитета¹³⁴.

16 января 1918 г. военно-революционный совет Сунженской линии (Кавказский фронт) принял решение, в котором, в частности, отмечалось: «предложить командирам дивизионов лишних лошадей раздать по реше-

нию станичных кругов домохозяевам на прокорм, с тем, чтобы домохозяева могли работать на этих лошадях»¹³⁵. 3-й съезд представителей частей 39-й пехотной дивизии (Кавказский фронт), состоявшийся 15—16 февраля, также принял решение о передаче лошадей крестьянам: «годных к военной службе — сохранить для Красной армии. Остальных распродать населению, действительно нуждающемуся в лошадях, по весьма доступным ценам»¹³⁶. 15 февраля ВРК 3-й артиллерийской бригады (Северный фронт) принял аналогичное постановление — раздать 160 лишних лошадей нуждающимся крестьянам¹³⁷. И подобных примеров можно найти множество.

В заключение следует подчеркнуть, что участие значительной массы солдат действующей армии в возникших в связи с обнародованием декрета о земле аграрных беспорядках в прифронтовых районах сильно подорвало и без того пошатнувшуюся дисциплину на фронте. Причем большевистские ревкомы и большевизированные солдатские комитеты практически были бессильны прекратить это негативное явление. И наконец, проблемы, вызванные декретом о земле, такие, как дезертирство и погромное движение, создавали дополнительные трудности армейским большевикам, ревкомам и большевизированным солдатским комитетам, отвлекала часть сил от непрекращавшейся борьбы за власть с их политическими противниками в действующей армии.

ДЕКРЕТЫ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ АРМИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПАДЕНИЕ ВОИНСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА ФРОНТЕ

Одновременно с заключением перемирия на фронте происходил процесс демократизации действующей армии. Его важнейшими составными частями после взятия власти

в войсках большевистскими ревкомами и большевизированными солдатскими комитетами были: отстранение от должностей преобладающей части генералитета и офицерского корпуса, нелояльно настроенной по отношению к новой власти; замена комиссаров Временного правительства советскими комиссарами; введение выборности командного состава и установление над ним контроля.

Подчеркнем, что по сложившейся в отечественной историографии традиции, с которой в целом согласен и автор, ход демократизации на фронте в послеоктябрьский период можно условно разделить на три этапа. Первый продолжался с конца октября до конца ноября: демократизация развертывалась преимущественно снизу, причем главным образом на ближних к столицам наиболее большевизированных Северном и Западном фронтах. Второй охватил временной промежуток с конца ноября до середины декабря, когда демократизация в связи с активным включением в нее значительной части солдатских масс ускорилась и расширилась, распространившись на Юго-Западный и отчасти на Румынский и Кавказский фронты. Третий, заключительный, этап проходил со второй половины декабря по начало 1918 г., когда Совнарком издал декреты («Об уравнивании всех военнослужащих в правах», «О выборном начале и об организации власти в армии»), в соответствии с которыми демократизация была завершена там, где этому не противодействовали национально-политические факторы, упомянутые ранее¹³⁸.

Как известно, 26 октября II Всероссийский съезд советов принял постановление, сыгравшее важную роль в демократизации действующей армии. Съезд в обращении «К фронту» предложил всем армиям создать временные революционные комитеты, на которые возлагалась бы от-

ветственность за сохранение порядка и прочность фронта. Они, таким образом, ставились над командным составом. Одновременно объявлялось о ликвидации института комиссаров Временного правительства и замене его советскими комиссарами: «комиссары Временного правительства сменяются; комиссары Всероссийского съезда выезжают»¹³⁹.

Вскоре по поручению Совнаркома Комитет по военным и морским делам (Наркомвоен) разработал проекты деклараций о переустройстве армии на демократических началах. 8 и 23 ноября совет Наркомвоена опубликовал эти документы. В них излагались основные принципы демократизации армии: расширение прав выборных солдатских организаций, полная выборность командного состава, уравнивание всех военнослужащих в правах с одновременным уничтожением всех чинов и знаков отличий. Во втором проекте декларации формулировалась главная цель демократизации: «Создать свободную армию вооруженных граждан... с широким самоуправлением выборных солдатских организаций»¹⁴⁰. В соответствии с проектами деклараций были изданы приказы о введении выборного начала в Петроградском, Московском, Казанском и других военных округах, а также разработаны положения о демократизации на ближних к Петрограду и Москве Северном и Западном фронтах, где, как уже отмечалось, благодаря большевизации солдатских комитетов процесс демократизации начался раньше, чем на других.

Северный фронт. 1 ноября большевистский ВРК 42-го отдельного армейского корпуса, дислоцировавшегося в Финляндии, приказал назначить во всех его частях советских комиссаров и определил их полномочия¹⁴¹. На следующий день корпусной ревком отстранил прислан-

ного Временным правительством комиссара корпуса подпоручика Соколова и 4 ноября утвердил временную инструкцию советским комиссарам, на которых возлагался контроль за деятельностью командного состава¹⁴². 7 ноября советским комиссаром корпуса ревком утвердил большевика Г.З. Заонегина¹⁴³, а 9 ноября отдал приказ об установлении контроля над командным составом. Приказ требовал, чтобы «все распоряжения от имени учреждений и командного состава отдавать только по утверждении их комиссарами или представителями существующих военно-революционных организаций... всех лиц командного состава, которые открыто не подчиняются настоящему приказу и откажутся исполнять распоряжения Военно-революционного комитета, по возможности немедленно отстранить...»¹⁴⁴ 7 декабря военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии издал приказ, в котором говорилось, что вся полнота власти в частях, соединениях и учреждениях корпуса принадлежит солдатским комитетам, войска подчиняются Совнаркому, а солдатским самоуправлениям предоставляется право избрания, утверждения и смещения с должностей командного состава¹⁴⁵.

Быстро проводилась большевиками демократизация в 5-й армии. Здесь, как уже упоминалось, созданный ими 26 октября армейский ВРК в обращении ко всем солдатским комитетам армии заявил, что «рассылает в корпуса своих комиссаров... Комиссарам Временного правительства надлежит сдать полномочия комиссарам Военно-революционного комитета... О лицах командного состава, не желающих подчиниться власти революционного комитета 5-й армии, надлежит немедленно сообщить комиссарам Военно-революционного комитета»¹⁴⁶. В тот же день

армейский комиссар Временного правительства В.С. Долгополов и его заместитель Пирогов заявили в армейском исполнительном комитете (армискоме) 5-й армии, что при сложившихся обстоятельствах не могут оставаться на своих постах, и покинули 5-ю армию¹⁴⁷. Для замещения комиссаров Временного правительства армискомом была создана комиссия из трех членов ВРК 5-й армии. В ее состав вошли большевики Н.Д. Собакин, Г.Я. Мерэн и Петин. Советским комиссаром 5-й армии был назначен солдат Собакин. В своем приказе армейский ревком указывал, что все комиссары Временного правительства с 1 ноября лишаются своих полномочий¹⁴⁸.

Вскоре после этого приказа начали избирать советских комиссаров в ряде частей и соединений 5-й армии. Экстренное заседание солдатского комитета 37-го армейского корпуса 26 октября избрало на пост корпусного комиссара солдата Жукова, а его помощником — прапорщика Шаропова¹⁴⁹. В инструкции, разработанной ВРК 17-го армейского корпуса и разосланной 25 ноября во все части корпуса, указывалось, что «комиссары избираются: а) для контроля над командным составом части; б) для действительного проведения в жизнь всех распоряжений и мероприятий, которые исходят от Военно-революционного комитета»¹⁵⁰.

Военно-революционные комитеты 5-й армии приняли активное участие в установлении контроля над деятельностью командного состава и отстранении от должности не признающего новой власти офицерства. Так, 8 ноября ВРК 3-й артиллерийской бригады (17-й армейский корпус) постановил «установить фактический контроль над всем командным составом»¹⁵¹. 10 ноября армейский ревком направил всем солдатским комитетам телеграмму, в которой заявлял, что «вся власть в армии переходит к

военно-революционному комитету, коему должен подчиниться весь командный состав»¹⁵². А 13 ноября ВРК армии арестовал командующего 5-й армией генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева. Поводом, как ранее упоминалось, послужил отказ генерала подчиняться советскому Верховному главнокомандующему Н.В. Крыленко. Напомним, что в тот же день армейский ревком сместил с занимаемых должностей за неподчинение новой власти генерал-квартирмейстера штаба армии генерал-майора К.И. Гейдемана и командира 27-го армейского корпуса генерал-лейтенанта В.В. Рычкова¹⁵³.

Армейский ревком с учетом проекта декларации о принципах демократизации армии, опубликованного 8 ноября советом Комитета по военным и морским делам (Наркомвоенном), разработал и издал 17 ноября приказ, положивший начало широкой демократизации 5-й армии. В телеграмме армейского ВРК с текстом приказа, разосланной в ее части и соединения, говорилось, что вся верховная власть в армии принадлежит военно-революционному комитету при армискоме 5-й армии, действующему в полном согласии с Совнаркомом и советским Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко. Далее армейский ВРК обязывал все солдатские комитеты и всех советских комиссаров армии контролировать действия командного состава в оперативном отношении; комитетам предоставлялось право выборов начальников до командиров полков включительно; командиры дивизий и корпусов назначались советским Верховным главнокомандующим по представлению комитетов соответствующих частей¹⁵⁴.

В приказе от 23 ноября армейский ревком уже предписывал образовывать в частях армии комиссии для контроля над управлением войск. Эти органы, как отмечалось

в приказе, необходимо создавать «для способствования управления частями и для безболезненного проведения демократизации частей армии...». Они должны были состоять из семи членов в корпусных и дивизионных комитетах и из трех — в полковых и ротных комитетах¹⁵⁵.

Во исполнение приказа армейского ВРК такие комиссии стали вскоре создаваться во многих частях и соединениях армии. Так, 29 ноября на заседании ВРК 3-й пехотной дивизии (17-й армейский корпус) был рассмотрен вопрос «о выделении комиссии для контролирования всех органов управления дивизии, согласно приказу по 5-й армии» и принято решение «выделить комиссию из числа членов ВР Комитета дивизии в составе семи человек и одного секретаря». Члены нового органа были избраны путем открытого голосования и вскоре приступили к работе¹⁵⁶. Затем такие комиссии были созданы под руководством корпусных военно-революционных комитетов в 14-м и 27-м армейских корпусах¹⁵⁷.

В 12-й армии процесс демократизации также возглавили местные большевики. 22 ноября дивизионное совещание полковых солдатских комитетов 5-й кавалерийской дивизии приняло постановление об установлении контроля со стороны большевистского дивизионного ВРК за деятельностью командного состава. «Все офицеры, не пользующиеся доверием солдат и отказывающиеся в удовлетворении требований солдатских масс, — говорилось в постановлении, — удаляются и, в случае протеста со стороны части, не могут быть переводимы в другие части... В случае явной контрреволюционности офицера он должен быть предан суду». Полковым комитетам вменялось в обязанность «контролировать, чтобы в полки принимались офицеры, только имеющие аттестаты от демократических войсковых организаций»¹⁵⁸.

В тот же день состоялось заседание ротных и полковых комитетов 7-го Сибирского инженерного полка, постановившее переименовать солдатский полковой комитет в ВРК и передать ему всю полноту власти в полку. В принятом постановлении отмечалось, что перед полковым ревкомом «ответственны все начальствующие лица полка», а также предписывалось «немедленно приступить во всех ротах, в [артиллерийском] парке и командах полка к выбору начальствующих лиц... Избранными на должности начальствующих лиц полка могут быть все люди полка независимо от чинов и званий»¹⁵⁹.

Вскоре, 24 ноября, ревком 7-го Сибирского инженерного полка издал приказ № 1, в котором извещал солдат и офицеров о взятии им власти в полку и о перевыборах командного состава. В приказе, в частности, отмечалось, что «всех денщиков, находящихся как у офицеров, так и у чиновников полка, так равно и вестовых, немедленно откомандировать в свои роты... Всех казенных лошадей, находящихся у офицеров, передать в обоз соответствующих рот. Прислугу офицерского собрания немедленно откомандировать по своим ротам»¹⁶⁰.

28 ноября большевистский Исполнительный комитет совета солдатских депутатов 12-й армии разослал частям и соединениям армии «Временную инструкцию для производства выборов командного состава в 12-й армии, до командира полка включительно»¹⁶¹. Она устанавливала, что все командиры избираются прямым, равным и тайным голосованием по ротам или по полкам. Организация выборов возлагалась на солдатские и военно-революционные комитеты. Офицеры, не признающие новой власти, подлежали немедленному отстранению от должности. Во всех полках, дивизиях и корпусах избирались советские

комиссары, наделявшиеся большими контрольными правами¹⁶².

30 ноября инструкция была опубликована в печатном органе большевистской организации 12-й армии — газете «Окопная правда». И уже 1 декабря председатель ВРК района 12-й армии большевик С.М. Нахимсон сообщал в Военно-политический отдел Ставки об успешном ходе первого этапа демократизации армии: «Командный состав подчинен полковым, дивизионным, корпусным и армейскому комитетам. Выборное начало армии проводится согласно инструкции армискома. На командные должности выбираются солдаты и офицеры»¹⁶³.

В 1-й армии для контроля над командным составом большевистский армиском 17 ноября утвердил «Временное положение об организации комиссариата 1-й армии». Согласно этому документу во всех полках, дивизиях и корпусах армии требовалось избрать комиссаров, наделенных правом осуществлять строгий контроль над командным составом¹⁶⁴. А 23 ноября голковой съезд 6-го Сибирского инженерного полка (28-й армейский корпус) выступил с инициативой образовать корпусной ревком, который «должен немедленно отстранять, если таковые окажутся, всех контрреволюционных генералов и высший командный состав корпуса... и назначить в каждую часть комиссара... комиссару части должна принадлежать вся высшая власть части совместно с полковым комитетом»¹⁶⁵.

В конце ноября армиском 1-й армии выработал «Временное положение о демократизации армии». В нем говорилось о прерогативе солдатских комитетов отстранять от должностей и выбирать лиц командного состава¹⁶⁶. Вскоре, 5 декабря, товарищ председателя армискома 1-й армии В. Осовский сообщил комиссару Военно-политического от-

дела Ставки Верховного главнокомандующего И.А. Апетеру: «Передача власти комитетам проходит постепенно и за немногими исключениями безболезненно. Выработано положение для комиссаров 1-й армии с подробной инструкцией вплоть до полковых, а также контроль устанавливается, где необходимо, комитетами. Комиссар [и] выборные (лица командного состава. — С.Б.) являются контролирующим органом. Выработано временное положение по демократизации, которое проводится в жизнь безболезненно»¹⁶⁷.

Важную роль в проведении демократизации на этом фронте сыграл 1-й съезд солдатских депутатов Северного фронта, принявший 28 ноября «Основы переустройства армии на выборных началах». Они включали: отмену всех чинов, званий, знаков отличия и связанных с ними привилегий; повсеместное осуществление выборного начала; утверждение избранных начальствующих лиц солдатскими и военно-революционными комитетами высших степеней и право смещения командиров общим собранием избравшей их части. Все военные управления и учреждения также подлежали перестройке на началах выборности. Фронтной съезд представил «Основы переустройства армии на выборных началах» на рассмотрение в Совнарком и просил его безотлагательно издать соответствующие декреты¹⁶⁸.

В последний день работы, 2 декабря, съезд поручил избранному фронтовому комитету организовать орган по руководству фронтом на коллегиальных началах. В соответствии с этим было образовано Управление армиями Северного фронта. В его состав вошли большевики Б.П. Позерн, А.Д. Щерабков и левый эсер М.В. Крутов, которые 4 декабря приступили к работе. В своей деятельности новый орган был подотчетен перед фронтовым военно-революционным комитетом¹⁶⁹. Вскоре, 7 декабря, ВРК

Северного фронта сообщил всем армиям фронта, что «с упразднением главкосева (главнокомандующего армиями Северного фронта. — С.Б.) все боевые обязанности возложены на ВРК Северного фронта. Военно-революционный к[омитет], вступив в исполнение обязанностей, доводит до сведения всех армий Сев[ерного] фронта, что место главнокомандующего Сев[ерным] фронтом исполняет как высшая инстанция Исполнительный комитет Северного фронта, выделенный первым съездом армий Сев[ерного] фронта. Боевые же обязанности возложены на В[оенно]-р[еволюционный] комитет Сев[ерного] фронта, получаемые от Коллегии, состоящей из 3-х лиц. Все приказы, полученные откуда бы то ни было без санкции этих организаций, не действительны»¹⁷⁰.

Западный фронт. Достаточно быстро проводилась демократизация в войсках Западного фронта. Здесь большевистские военно-революционные комитеты раньше, чем на других фронтах, перешли от контроля над командным составом к его выборности. 4 ноября приказом ВРК Западного фронта был отстранен от должности комиссар Временного правительства Западного фронта правый эсер В.А. Жданов и назначен советский комиссар большевик С.Е. Щукин¹⁷¹. Вскоре, 12 ноября, приказом фронтового ВРК за неподчинение новой власти генерал от инфантерии П.С. Балув был смещен с поста главнокомандующего армиями Западного фронта и вместо него утвержден подполковник большевик В.В. Каменщиков¹⁷².

Как и на Северном фронте, фронтовой ревком, не имея инструкций из Петрограда, самостоятельно разработал специальные правила по проведению выборов командного состава, которые под названием «Временные положения о командном составе» были объявлены войскам

фронта 12 ноября. В «Положениях» определялся порядок выборности командиров, контроль за соблюдением которого возлагался на солдатские и военно-революционные комитеты¹⁷³. В дальнейшем «Положения» были развиты, конкретизированы и положены в основу «Положения об организации армий Западного фронта», принятого 20 ноября на 2-м фронтовом съезде, о чем речь пойдет ниже. 15 ноября советский главнокомандующий армиями Западного фронта Каменщиков издал приказ № 4 о демократизации армии и введении «Временных положений о командном составе»¹⁷⁴, которым и руководствовалось большинство военно-революционных комитетов частей и соединений фронта при проведении демократизации.

Первыми на Западном фронте к этим преобразованиям приступили большевики 2-й армии, где предварительно достаточно быстро прошла большевизация солдатских комитетов. 2 ноября ВРК 2-й армии в приказе № 1 объявил о переходе к нему всей полноты власти в армии и заявил, что всем лицам командного состава впредь надлежит «работать в тесном контакте с войсковыми организациями (т.е. солдатскими комитетами. — С.Б.), безусловно подчиняясь всем распоряжениям армейского Военно-революционного комитета». В том же приказе армейский ВРК призывал солдат и их организации «немедленно отстранить от должности и арестовать... всех лиц командного состава, которые открыто не подчиняются настоящему приказу и откажутся выполнить распоряжения военно-революционных комитетов»¹⁷⁵. На следующий день по приказу армейского ревкома был смещен за неподчинение новой власти командующий 2-й армией генерал от инфантерии Н.А. Данилов и утвержден в этой должности избранный 2-м чрезвычайным съездом этой армии поручик А. Киселев¹⁷⁶.

В частях и соединениях 2-й армии большевистские военно-революционные комитеты также активно проводили демократизацию. В сводке донесений о настроении армии за период с 15 по 30 ноября, поступившей в Военно-политический отдел Управления помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего, отмечалось, что «в 3-м Сибирском (армейском) корпусе 2-й армии вся власть перешла в руки Военно-революционного комитета, над командным составом установлен контроль... выборы командного состава прошли без особых трений»¹⁷⁷. 30 ноября председатель ревкома 50-го армейского корпуса Арсеньев доносил комиссару Военно-политического отдела Ставки И.А. Апетеру, что «комитеты... взяли власть. Командный состав контролируется комиссариатами и комиссиями. Выборное начало производилось согласно приказу главкозапа (главнокомандующего армиями Западного фронта. — С.Б.) № 4»¹⁷⁸. Аналогичные сведения поступали в Ставку и из других корпусов 2-й армии¹⁷⁹.

В 10-й армии 3-й армейский съезд в принятой 10 ноября резолюции заявил, что властью в армии являются солдатские комитеты, которым надлежит установить строгий контроль за действиями командного состава. Комитетам предоставлялась полная свобода «в выборе и отчислении начальствующих лиц» и немедленном удалении из армии всех не признающих новую власть. В резолюции также подчеркивалось: «признать единственно авторитетными органами для борьбы с восставшей контрреволюцией военно-революционные комитеты, приказы которых беспрекословно выполнять», а также «признать необходимым немедленную организацию военно-революционных комитетов при армейских, корпусных, дивизионных и полковых комитетах»¹⁸⁰.

Во исполнение принятой съездом резолюции при вновь избранном армискоме был создан армейский ВРК. В своем приказе № 1 от 10 ноября армейский ревком объявил о переходе всей власти в его руки и заявил, что «командующий армией, все должностные лица и войсковые комитеты обязаны подчиняться всем требованиям Военно-революционного комитета. Ни один приказ и распоряжение без санкций Военно-революционного комитета или уполномоченных им на это комиссаров не имеют силы и не могут быть исполнены»¹⁸¹.

В частях и соединениях 10-й армии большевистские военно-революционные комитеты также быстро проводили демократизацию войск. 27 ноября заседание комитетов 73-й артиллерийской бригады (3-й армейский корпус) постановило переименовать солдатский комитет бригады в ревком, а также утвердило переизбранный командный состав, представленный на рассмотрение батарейнными комитетами¹⁸². В приказе № 1 от 29 ноября бригадный ВРК предписывал «председателям батарейных комитетов следить строго за принятием вновь назначенными лицами должностей». В том же приказе предписывалось: «согласно телефонограмме Военно-революционного комитета 3-го армейского корпуса от 28-го ноября за № 3073 снять все ордена и знаки отличия, кроме Георгиевских крестов, погоны должны быть у всех рядового звания без всяких отличий и разграничений офицеров, чиновников и солдат»¹⁸³.

На состоявшемся 28—29 ноября заседании ВРК воздухоплавательных частей 10-й армии также был утвержден новый командный состав, представленный на рассмотрение отрядными комитетами¹⁸⁴. Аналогичные заседания были проведены и другими большевизированными солдатскими и военно-революционными комитетами 10-й армии.

Руководство процессом демократизации в частях и соединениях 10-й армии взял на себя армейский ревком. 30 ноября им было разослано предписание, адресованное всем солдатским и военно-революционным комитетам армии о присылке сведений о ходе демократизации. В предписании предлагалось срочно ответить по телеграфу на многочисленные вопросы, связанные с проведением демократизации. «Подробные же данные в цифрах и со всеми деталями, — говорилось в предписании, — сообщить 3 декабря письменно, прислав особые протоколы с делегатами»¹⁸⁵.

В 3-й армии власть перешла в руки большевистского армейского ВРК 15 ноября. На следующий день, 16 ноября, армейский ревком в приказе № 1 предписал учреждениям и лицам командного состава «беспрекословно исполнять все распоряжения и приказы военно-революционных комитетов. Немедленно и полностью проводить в жизнь выборное начало в частях и учреждениях армии, согласно приказу главкозапа № 4». Приказ требовал немедленно приступить к демократизации, для чего «всем военно-революционным комитетам частей и учреждений армии срочно донести о выдающихся качествах лиц командного состава для замещения высших ответственных должностей в армии»¹⁸⁶. Своим следующим приказом, № 2 от 19 ноября, за отказ подчиниться новой власти армейский ВРК отстранил от должности командующего 3-й армией генерал-лейтенанта Д.П. Парского и назначил на это место подпоручика большевика С.А. Анучина¹⁸⁷.

В частях и соединениях 3-й армии демократизация также проводилась под руководством большевизированных солдатских и военно-революционных комитетов. Так, на состоявшемся в ночь на 19 ноября заседании ВРК 15-го армейского корпуса было принято постановление о де-

мократизации. «Командный состав всех ступеней, — отмечалось в постановлении, — должен быть выборным... Чиновничество упраздняется, их должности занимаются выборными лицами». Важное значение в постановлении было уделено знакам отличия командиров: «Старая офицерская форма упраздняется. До выработки новой общей для всей армии формы, временно комитет 15-го [армейского] корпуса постановил: иметь отличительные знаки выборному начальству». Командирам рот предлагалось иметь один прямоугольник на рукаве, батальонов — два, полков — три прямоугольника, дивизий — треугольник, корпусов — треугольник с поперечной лентой¹⁸⁸. Следует отметить, что впоследствии в Красной армии использовался приблизительно такой же принцип знаков различия командиров.

29 ноября товарищ председателя ревкома 35-го армейского корпуса Жуков доносил в Военно-политический отдел Ставки о том, что «вся власть находится в руках военно-революционных комитетов. Все распоряжения и мероприятия командного состава делаются с ведома военно-революционных комитетов. В корпусе безболезненно проводится в жизнь выборное начало»¹⁸⁹.

6 декабря состоялось заседание ВРК 20-го армейского корпуса совместно с представителями военно-революционных комитетов полков, посвященное перевыборам командного состава. Присутствующие утвердили в должностях командира корпуса, начальника штаба корпуса, инспектора артиллерии, корпусного интенданта и корпусного инженера. В частности, командиром корпуса подавляющим числом голосов был избран сочувствующий большевикам командир 111-го пехотного Донского полка (28-я пехотная дивизия) полковник А.А. Колчин¹⁹⁰.

Руководил процессом демократизации в частях и соединениях 3-й армии ее ВРК. Для придания этому процессу единообразия в масштабе армии армейский ревком созвал съезд представителей от корпусных и дивизионных солдатских комитетов «для обсуждения вопроса о демократизации армии»¹⁹¹. На нем, в числе прочего, было выработано «Положение о комиссарах», в чьи обязанности входил «контроль над администрацией»¹⁹².

Таким образом, главным инструментом осуществления демократизации на Западном фронте являлись различные положения и инструкции, в основе которых лежали «Временные положения о командном составе», разработанные фронтовым ВРК и введенные приказом № 4 главнокомандующего армиями фронта подполковника В.В. Каменщикова 15 ноября.

Важную роль для завершения процесса демократизации на Западном фронте 2-й фронтовой съезд, принявший 20 ноября «Положение об организации армий Западного фронта». Оно закрепляло передачу всей полноты власти в частях и соединениях фронта солдатским комитетам и устанавливало обязательную выборность командного состава. Солдатским комитетам предоставлялось право избирать, утверждать и смещать с должности командиров. Командиры, до полкового включительно, должны были избираться общим голосованием своих рот, батальонов, полка, выше полкового — совещаниями или съездами представителей солдатских комитетов соединения.

«Положением» упразднялись офицерские и унтер-офицерские звания, вводилась единообразная форма одежды без всяких знаков отличий. Все части и рода войск уравнивались в правах и условиях службы, командный состав различался только по занимаемым должностям. Высшим

органом управления фронтом являлся избранный съездом фронтовой комитет. Наконец, в документе подчеркивалась необходимость строгой дисциплины в рядах войск, которая «поддерживается силой товарищеского влияния, авторитетом комитетов и действиями товарищеского суда»¹⁹³. Нельзя не отметить, что значение принятого съездом «Положения» вышло за рамки Западного фронта: его важнейшие пункты легли в основу последующих актов Совнаркома по этому вопросу и прежде всего проекта «Положения о демократизации армии», утвержденного в конце ноября ВРК при Ставке Верховного главнокомандующего.

После 2-го фронтового съезда демократизация на Западном фронте приняла единообразный и повсеместный характер. Причем одним из главных критериев, которыми руководствовались солдатские и военно-революционные комитеты при назначении однополчан на ту или иную командную должность, являлось признание кандидатом новой власти. А так как офицерство в основной массе не пользовалось доверием солдат, то на многие командные должности выдвигались политически благонадежные по отношению к большевикам лица из солдатской среды. Офицеров, не избранных на командные должности, разжаловали в рядовые¹⁹⁴.

В целом в войсках Западного фронта процесс демократизации проходил достаточно быстро. Уже в начале декабря в Военно-политический отдел Ставки поступили многочисленные донесения от солдатских и военно-революционных комитетов частей и соединений о ходе демократизации. Так, 1 декабря ВРК 533-го пехотного Новониколаевского полка (10-я армия) сообщал, что «демократизация полка проводится ежедневно по мере получения приказов высших военно-революционных комитетов. Перевыборы ко-

мандного состава и удаление контрреволюционных элементов идут полным темпом без всяких эксцессов»¹⁹⁵.

На другой день в Ставку пришло донесение и от ВРК 3-го армейского корпуса (10-я армия). В нем говорилось, что «выборное начало почти уже проведено везде, согласно полученным инструкциям»¹⁹⁶. А 6 декабря из ВРК 10-й армии прибыла телеграмма, в которой отмечалось, что «контроль над командным составом производится посредством оперативных комиссий. Выборность начальства производится благоприятно»¹⁹⁷. В тот же день аналогичная информация поступила от ВРК 2-го Кавказского армейского корпуса (10-я армия). Корпусной ревком сообщал, что «передача власти комитетам над командным составом по мере ознакомления с делом прогрессирует... На местах выборы произошли до начдива включительно в [Кавказской] гренадерской дивизии»¹⁹⁸.

Быстрый ход демократизации и повсеместные перевыборы командного состава на Северном и Западном фронтах, развертывание подобных процессов на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах вызвали у руководства Ставки необходимость выработки общих инструкций по этому вопросу. Ведь в ВРК при Ставке и в штаб Верховного главнокомандующего военно-революционные и солдатские комитеты многих частей и соединений действующей армии обращались за указаниями и разъяснениями о проведении выборного начала.

Учитывая, что в масштабе вооруженных сил страны демократизация проходила неравномерно и нецентрализованно, ВРК при Ставке выработал «Положение о демократизации армии» и 30 ноября радиогаммой направил всем военно-революционным и солдатским комитетам действующей армии. 1 декабря Верховный главнокоман-

дующий Н.В. Крыленко издал циркулярное предписание войскам: «В видах достижения однообразия предлагаю руководствоваться Положением о демократизации армии, разосланным военно-революционным комитетом при Ставке, до издания общего Положения Советом народных комиссаров». В тот же день оно было опубликовано в газете «Революционная Ставка», а 3 декабря Крыленко издал приказ № 976, согласно которому «Положение» ревкома при Ставке вступало в силу и распространялось на всю действующую армию¹⁹⁹.

В основу этого документа, как уже отмечалось, легло «Положение об организации армий Западного фронта», оглашенное 20 ноября на 2-м съезде армий Западного фронта. По «Положению о демократизации армии» вся полнота власти в пределах частей и соединений передавалась солдатским комитетам, а высшим органом солдатского самоуправления объявлялась солдатская секция ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. Солдатским комитетам предоставлялось право избрания, утверждения и смещения с должностей лиц командного состава. Согласно «Положению» упразднялись все воинские чины, погоны и ордена (кроме Георгиевских крестов и Георгиевских медалей), устанавливалась единая форма одежды. «Положением» вводилась выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, по полковое звено включительно, должны были избираться общим собранием полка, выше полкового — съездом или совещаниями при соответствующих солдатских комитетах²⁰⁰.

Это «Положение» легло в основу принятых 16 декабря Совнаркомом декретов «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии»²⁰¹. Первый из них упразднял все воинские

чины и связанные с ними преимущества, а также ордена (кроме Георгиевских крестов и Георгиевских медалей) и прочие знаки отличия, объявлял распущенными все офицерские организации. Второй декрет официально закреплял переход к принципиально новым основам управления войсками: провозглашал полновластие солдатских советов и комитетов в армии. Таким образом, утверждалась сложившаяся к данному моменту система выборности командного состава.

Юго-Западный фронт. «Положение о демократизации армии», выработанное ВРК при Ставке, было доведено до сведения частей и соединений Юго-Западного фронта приказом большевистского фронтового ревкома № 3 от 1 декабря. Приказ гласил: «По предписанию ВРК при Ставке Главковерха (Верховного главнокомандующего. — С.Б.) от 30 ноября 1917 г. ВРК Юго-Западного фронта приказывает всем армейским, корпусным, дивизионным, полковым и прочим войсковым организациям, главкому, командующим армиями, корпусами, дивизиями, полками и другими войсковыми частями и учреждениями принять к немедленному исполнению нижеследующее: “Положение о демократизации армии”»²⁰². Это явилось дополнительным стимулом для переизбрания командного состава, проводившегося большевизированными солдатскими и большевистскими военно-революционными комитетами, принявшего здесь со второй половины ноября массовый характер.

Стремительно проходила демократизация в частях и соединениях 11-й армии. 18 ноября приказом № 1 ее большевистский ВРК объявил себя высшей властью в районе 11-й армии и предоставил всем корпусным, дивизионным, полковым и равным им военно-революционным комитетам «право контроля всех распоряжений строево-

го начальства, не исключая оперативных». Ревком также заявил, что «все распоряжения строевого начальства принимаются к исполнению лишь с санкциями надлежащих военно-демократических организаций». В том же приказе армейский ВРК извещал солдат о том, что «контроль над отделениями штаба армии осуществляется непосредственно Военно-революционным комитетом армии»²⁰³.

В войсках 11-й армии военно-революционные комитеты после издания армейским ВРК приказа № 1 также приступили к демократизации. 21 ноября на заседании ревкома 6-й Сибирской стрелковой дивизии (5-й Сибирский армейский корпус) была принята резолюция о порядке переизбрания командного состава. В ней говорилось, что «по отношению отвода начальствующих лиц постановлено выделить из дивизионного Военно-революционного комитета двух членов, которые совместно с двумя членами ротного комитета и двумя делегатами исполнительного полкового комитета разбирают материалы по поводу нежелательности иметь данное лицо ротным (или иным) командиром и в случае нахождения его не соответствующим своему назначению, отстраняют его, а на его место временно назначают выставленного ротным комитетом кандидата. По отношению же смены более высших начальников в полку в помощь двум членам от дивизионного военно-революционного комитета назначают трех делегатов от полкового исполнительного комитета и совместно с двумя делегатами, заявивших жалобу, разбирают дело, выработанный материал представляют в дивизионный военно-революционный комитет»²⁰⁴.

22 ноября ревком 50-й пехотной дивизии направил телеграмму всем полковым, ротным и другим солдатским комитетам частей дивизии. В ней сообщалось, что с 23 но-

ября дивизионный ВРК приступает к исполнению своих обязанностей, и требовалось выполнять только те «приказы и предписания, исходящие из штаба дивизии, которые санкционированы военно-революционным комитетом»²⁰⁵. 23 ноября приказом № 1 ревком 25-го армейского корпуса также объявил, что «все приказы и распоряжения строевого начальника, не исключая и оперативных, должны быть строго контролированы [военно-революционным] Комитетом данной части»²⁰⁶.

Помимо установления контроля над командным составом, большевистские военно-революционные комитеты нередко сами, без перевыборов, отстраняли от должности неугодных им офицеров и генералов. 26 ноября приказом ВРК 5-го Сибирского армейского корпуса был смещен командир корпуса генерал-лейтенант А.Ф. Турбин и на его должность назначен сочувствующий большевикам капитан А.И. Тодорский²⁰⁷. «В нашей армии, — сообщал в своем донесении от 28 ноября генерал-квартирмейстер 11-й армии полковник В.К. Токаревский временно исполняющему должность главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенанту Н.Н. Стогову, — самочинно проводится в жизнь проект Декларации Народных Комиссаров по военным делам: в корпусах — революционные комитеты, а в штабе армии — возникший штабной, или, как он себя называет, командный, комитет осуществляют фактически выборное начало. Как уже доносил вчера командарм (командующий армией. — С.Б.) и наштарм (начальник штаба армии. — С.Б.), за последние два дня сменен комкор (командир корпуса. — С.Б.) 5-го Сибирского [армейского корпуса] генерал Турбин, в штарме (штабе армии. — С.Б.) в дежурстве сменены несколько старших адъютантов, казначей, вся комендантская часть.

Завтра или в ближайшие дни также смещения предстоят в отделе НЭХО (начальника этапно-хозяйственного отдела. — С.Б.) и генкварма (генерала-квартирмейстера. — С.Б.)»²⁰⁸. Вскоре, 1 декабря, приказом № 5 армейский ВРК отстранил от должностей командующего 11-й армией генерал-лейтенанта М.Н. Промтова и начальника штаба армии генерал-майора С.А. Кирпотенко. «Всем остальным начальствующим лицам штаба армии, — говорилось в приказе, — оставаться на своих местах и продолжать работу, памятуя, что за всякий саботаж они подлежат суровой ответственности перед революционной властью»²⁰⁹.

В Особой армии наиболее широкий размах приобрела демократизация в 39-м, 44-м армейских и 7-м кавалерийском корпусах, охватив все звенья от низших до высших²¹⁰. На 4-м армейском съезде Особой армии 27 ноября был избран новый большевистский армейский ревком, объявивший себя высшей властью в армии. Съезд постановил ввести в Особой армии выборное начало и избрал ее командующим перешедшего на сторону новой власти генерал-лейтенанта В.Н. Егорьева²¹¹. Вскоре ВРК Луцкого гарнизона на основе постановления съезда Особой армии предписал приказом № 3 всем частям «выбрать должностных лиц и комиссаров от рот, команд и отдельных частей... Всем офицерам, военным врачам, чиновникам и солдатам снять погоны, ордена, кокарды и всякого рода знаки. Отобрать денщиков и вестовых, которые находятся для личных услуг у офицеров, чиновников и проч.»²¹².

В частях и соединениях 7-й армии также достаточно быстро развертывался процесс демократизации. Состоявшееся 28 ноября заседание большевистского ВРК 295-го пехотного Свирского полка постановило: «Выборное начало во всех воинских частях вообще и в нашем полку

в частности в видах полной демократизации армии... признать желательным и немедленно приступить к подготовке почвы для проведения этого решения в жизнь. Подготавливая это, избрать комиссию, которой поручить немедленно приступить к составлению списков кандидатов на все командные и распорядительные должности полка и выработки инструкции о принципах и правилах избрания... которой руководствоваться впредь до составления таковой вообще в государственном масштабе»²¹³. Заседание ревкома 1-го Гвардейского корпуса, проходившее 1 декабря, тоже приняло решение немедленно начать перевыборы командного состава²¹⁴. 3 декабря на заседании ВРК 51-го Сибирского стрелкового полка (7-й Сибирский армейский корпус) обсуждался «вопрос о демократизации армии в связи с полученными распоряжениями». Было постановлено «избрать комиссию для ведения дел по выборам командного состава»²¹⁵.

На 2-м съезде представителей солдат частей 7-й армии 2 декабря за неподчинение новой власти был смещен командующий 7-й армией генерал-лейтенант Я.К. Цихович и на его должность назначен сочувствующий большевикам штабс-капитан 6-го Финляндского стрелкового полка В.К. Триандафиллов²¹⁶. В целом же только в первой половине декабря на дивизионных, корпусных и армейских съездах Юго-Западного фронта были смещены с должностей 32 антибольшевистски настроенных генерала и на их место избраны представители командного состава, признающие новую власть²¹⁷.

Румынский фронт. Процесс демократизации в армиях Румынского фронта развернулся позднее и проходил медленнее, чем на соседнем Юго-Западном. Одной из основных причин, тормозивших демократизацию на этом фрон-

те, являлось отсутствие здесь поначалу большевистских ревкомов, которые, как было показано выше, в основном ее и проводили. Однако в тех частях и соединениях, где имелись военные организации большевиков, большевизированные солдатские комитеты или были созданы большевистские ревкомы (вместо эсеров-меньшевистских), начал разворачиваться процесс демократизации.

Среди частей и соединений Румынского фронта наиболее активно демократизация проходила в 8-й армии, где переизбрание эсеров-меньшевистских ревкомов и замена их большевистскими начались раньше, чем в других армиях фронта. Так, солдатский комитет штаба 33-го армейского корпуса 8-й армии 22 ноября в обращении к только что образованному большевистскому корпусному ревкому писал: «Мы верим, что революционный комитет примет самые решительные меры для обновления той части командного состава, которая, будучи неревolutionно настроена, не имеет веры в силы революционной демократии»²¹⁸. Вскоре корпусной ВРК телеграфировал частям и соединениям корпуса, что «новые военно-революционные комитеты являются высшими и единственными органами власти, которым в пределах части должны подчиняться все остальные организации и командный состав этой части»²¹⁹. Согласно этой телеграмме большевистский ревком 33-го корпусного воздухоплавательного отряда постановил, что «все приказания, исходящие от командного состава, действительны лишь только за подписью... членов в[оенно]-р[еволюционного] к[омите]та отряда»²²⁰.

Созданный большевиками ВРК 32-го мортирного артиллерийского дивизиона приказом № 1 от 25 ноября объявил, что «функции военно-революционного комитета будут заключаться в полном контроле всех оператив-

ных и строевых приказов командного состава... Военно-революционный комитет, приступая к исполнению своих обязанностей, предлагает командиру дивизиона и командирам батарей все приказы, секретную переписку направить сначала непосредственно в в[оенно]-р[еволюционный] к[омитет] при управлении дивизиона»²²¹. В тот же день, 25 ноября, большевистский ревком 4-й Заамурской пограничной пехотной дивизии постановил, «чтобы все распоряжения по дивизии и сведения, идущие сверху вниз и обратно, подписывались председателем и секретарем или другими членами ревкома»²²².

30 ноября 2-й съезд 8-й армии по предложению большевистской фракции принял резолюцию о демократизации, в которой требовалось «признание за войсковыми организациями, от ротных комитетов до армейского, права отвода лиц командного состава от должностей по всем мотивированным принципам. Назначение лиц командного состава только по утверждению комитета части. Права немедленного смещения комитетами части хозяйственных чинов за бездеятельность. Отобрание вестовых для личных услуг у лиц командного состава»²²³. В соответствии с этой резолюцией большевизированный армиском 8-й армии 1 декабря принял постановление о демократизации армии²²⁴.

После армейского съезда, на котором верх одержали большевики, процесс демократизации 8-й армии значительно ускорился. Так, 3 декабря большевистский ВРК 16-го армейского корпуса доносил в Ставку Верховного главнокомандующего, что «30 ноября получена резолюция II армейского съезда 8-й армии с указанием немедленного введения в армии выборного начала, на основании которой Военревком 16 будет в дальнейшем руководствоваться»²²⁵.

5 декабря большевистский ревком 117-го паркового артиллерийского дивизиона, заслушав телеграмму председателя армискома 8-й армии большевика Б.И. Солерса о демократизации армии, постановил: «в парках дивизиона общими собраниями солдат парков приступить к выборам командного состава, во всем строго руководствуясь инструкцией, копии постановлений о выборах представить на утверждение в дивизионный военно-революционный комитет»²²⁶. 11 декабря большевистский ревком 1-го Заамурского конного полка «согласно предписанию ВРК при Ставке главковерха (Верховного главнокомандующего. — С.Б.) от 30 ноября 1917 года и приказу Комитета 8-й армии о демократизации армии» произвел пере выборы командного состава полка²²⁷.

14 декабря съезд большевистских военно-революционных комитетов 8-й армии за сотрудничество с Центральной радой сместил с должности командующего армией генерал-лейтенанта Н.А. Юнакова и назначил на его место прапорщика большевика Л.А. Александровича. Начальником штаба армии съезд избрал штабс-ротмистра большевика А.И. Геккера²²⁸. Кроме того, были переизбраны командиры 11, 16, 23 и 33-го армейских корпусов. В частности, командиром 33-го армейского корпуса делегатами корпусного съезда был избран большевик С.М. Овчинников²²⁹.

В 4-й армии процесс демократизации возглавил новый армейский ревком, образованный большевиками 24 ноября. На следующий день, 25 ноября, им было принято постановление о немедленном проведении полной демократизации командного состава снизу доверху на основе выборного начала. Однако, учитывая то обстоятельство, что среди лиц командного состава были офицеры, лояльно относившиеся к новой власти, ревком 4-й армии в дополнение к телеграм-

ме, оповещающей части и соединения армии о принятом постановлении о демократизации, сообщал, что выборное начало следует применять только там, где против лиц командного состава возникает недовольство подчиненных и за смещение командира выскажется большинство солдат или соответствующий солдатский комитет.

К тому же армейский ревком призвал командный состав беспрекословно исполнять только распоряжения и телеграммы за подписью председателя или дежурного члена ВРК²³⁰. 26 ноября председатель армейского ревкома большевик К. Старостин телеграфировал начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-майору М.Д. Бонч-Бруевичу о том, что «комиссариат 4-й армии прекратил свое существование. Всю работу комиссариата взял на себя революционный комитет 4-й армии»²³¹. ВРК 4-й армии разослал 29 ноября солдатским комитетам ее корпусов телеграмму с предписанием упразднить корпусные суды и немедленно освободить всех солдат, арестованных еще в дооктябрьский период за неподчинение распоряжениям Временного правительства²³².

Созванный по инициативе большевистского армейского ревкома 2-й Чрезвычайный съезд 4-й армии 2 декабря принял резолюцию о выборном начале. В ней говорилось: «Поручаем комитетам немедленно провести в IV армии разработанное Ревкомом при Ставке положение о демократизации армии, которым руководствоваться впредь до опубликования общегосударственного положения»²³³. 3 декабря съезд за неподчинение новой власти сместил с поста командующего 4-й армией генерала от инфантерии А.Ф. Рагозу и назначил на его место прапорщика левого эсера И.С. Кондурушкина, поддерживавшего советскую власть²³⁴.

Решения съезда о демократизации ускорили ее процесс в частях и соединениях 4-й армии. Так, большевистский ревком 30-го армейского корпуса 11 декабря постановил «немедленно же приступить к выборам командного состава при штабе 30-го армейского корпуса, а также произвести во всех частях корпуса выборы командного состава, начиная с отделенного командира (командира отделения. — С.Б.) и кончая начальником дивизии»²³⁵. На следующий день на общем собрании корпусного ВРК совместно с представителями частей корпуса состоялось избрание командного состава при штабе корпуса, в том числе командира корпуса, начальника штаба корпуса, адъютанта по хозяйственной части, начальника связи, коменданта корпуса, инспектора артиллерии. Общим собранием был также избран и утвержден советский комиссар корпуса²³⁶.

В 9-й армии во главе процесса демократизации встал большевистский армейский ревком, избранный на 3-м армейском съезде, работавшем 2—9 декабря. От имени съезда армейский ревком постановил провести полную демократизацию армии в соответствии с проектом, разработанным и разосланным ВРК при Ставке²³⁷. 9 декабря советом солдатских депутатов 9-й армии за неподчинение новой власти был смещен с должности командующего армией генерал-лейтенант А.К. Келчевский, а на его место избран прапорщик большевик Г.П. Сафронов²³⁸.

9 декабря большевистский ревком 6-й армии разослал всем комитетам армии телеграмму, в которой требовал на основании постановления ВРК при Ставке о демократизации немедленно приступить к выборам командного состава. «Выборы, до полкового командира включительно, — говорилось в телеграмме, — производятся всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Началь-

ников дивизий, командиров корпусов и штабы дивизий [и] корпусов назначает и смещает Военно-революционный комитет 6-й армии, по представлению соответствующих дивизионных и корпусных комитетов»²³⁹. После получения телеграммы армейского ВРК приступили к пере-выборам командного состава большевистские военно-революционные комитеты 4-го армейского корпуса, 30-й и 40-й пехотных дивизий²⁴⁰.

По инициативе большевиков в городе Яссы (Румыния), где находился штаб фронта, 2 декабря был образован новый ВРК Румынского фронта во главе с большевиком П.И. Барановым. Большевистский фронтовой ревком тут же заявил о переходе к нему всей полноты власти на Румынском фронте и «проведении в жизнь приказа Главко-верха (Верховного главнокомандующего. — С.Б.) о демократизации армии»²⁴¹. Однако руководство процессом демократизации в масштабе всего фронта большевистскому фронтовому ревкому начать так и не удалось.

Как было показано ранее, существование этого органа продлилось не более суток, так как в ночь на 4 декабря по распоряжению главнокомандующего русскими армиями Румынского фронта генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева его члены были арестованы. Затем вооруженными отрядами Центральной рады были разогнаны все больше-вистские армейские ревкомы 4, 6, 8 и 9-й армий. В связи с таким развитием событий Щербачев по договоренности с Центральной радой 12 декабря отменил «Положение о демократизации армии», выработанное ВРК при Ставке, прекратив тем самым процесс демократизации на вве-ренном ему фронте²⁴². К тому времени на дивизионных, корпусных и армейских съездах фронта были смещены с постов 22 не признавших новую власть генерала²⁴³.

Таким образом, на Румынском фронте мероприятия большевиков по демократизации наиболее полно были проведены только в 8-й и частично в 4-й армиях.

Кавказский фронт. Процесс демократизации на этом фронте, так же как и на других, начал активно разворачиваться именно в тех частях и соединениях, где большевиками были созданы военно-революционные комитеты или проведена большевизация солдатских комитетов. Так, 13 ноября в 39-й пехотной дивизии был создан дивизионный ревком, который, помимо своей главной задачи — отвода дивизии в тыл, о чем говорилось ранее, ставил своей целью провести и демократизацию. Для этого было постановлено «избрать комиссаров как дивизии, так и отдельных входящих в нее частей»²⁴⁴. На следующий день дивизионный ревком в приказе № 1 объявил, что он «принимает власть контроля действий и распоряжений командного состава дивизии», и потребовал от командования «неизменного сохранения порядка управления и руководства частями дивизии». Этим же приказом комиссарам частей дивизии предписывалось «немедленно приступить к исполнению обязанностей по контролю распоряжений и действий командного состава. Все распоряжения должны быть санкционированы комиссаром за его подписью...»²⁴⁵.

27 декабря ВРК дивизии постановил «провести полную демократизацию в дивизии»²⁴⁶ и приступил к перевыборам командного состава. 29 декабря начальник дивизии генерал-майор Е.П. Масловский доносил об этом главнокомандующему войсками Кавказского фронта генералу от инфантерии М.А. Пржевальскому: «Ныне... Военно-революционным комитетом дивизии... начинается проведение в жизнь выборного начала и отмена внешних знаков отличия (т.е. демократизация)». Далее Мас-

ловский сообщил, что в 153-м пехотном Бакинском полку этой дивизии уже проведены выборы командного состава, а на «8 января назначен съезд для выборов начальника дивизии и начальника штаба дивизии»²⁴⁷.

В начале декабря организованное большевиками общее собрание солдат 601-й Тобольской пешей дружины постановило сместить с постов командира дружины полковника Крамаренко и шесть офицеров, как «несоответствующих духу времени». Командиром дружины солдаты избрали прапорщика Ещенко, а его помощником — прапорщика большевика Павленкова²⁴⁸. Вскоре постановил провести демократизацию в своих частях и большевизированный солдатский дивизионный комитет 6-й Кавказской стрелковой дивизии. Командный состав был уравнен в правах с солдатами, а советским комиссаром дивизии был избран солдат Чепурной²⁴⁹.

О введении выборного начала сообщал в середине декабря в штаб 7-го Кавказского армейского корпуса также командир 261-го пехотного Ахульгинского полка (66-я пехотная дивизия): «Власть в полку захвачена большевиками. Избран командиром полка солдат Павлов, главным его помощником по агитации подпоручик Михайловский. Я и все офицеры покидают полк». Бывший командир полка также просил отменить намечавшийся ранее переезд корпуса в район расположения этого полка, так как солдаты собираются «разгромить его и перебить генералов»²⁵⁰.

Далее, состоявшийся 27 декабря съезд 5-го армейского корпуса большинством голосов тоже постановил провести в своих частях и соединениях демократизацию. Однако поскольку они уже начали отход с линии фронта, съезд решил ввести в них выборное начало после того, как корпус прибудет в тыловой район, и временно оставить на

своих должностях командный состав, но при этом постановил всем чинам корпуса снять погоны²⁵¹.

Процесс демократизации разворачивался и в войсках Трапезундской укрепленной позиции. Его возглавил большевизированный совет солдатских депутатов города Трапезунд (Турция). Как сообщал в конце декабря в штаб фронта начальник этой укрепленной позиции генерал-майор Колосовский, «совет объявил себя верховной властью, издает приказы, привлекает за их неисполнение к революционному суду, непосредственно распоряжается войсками, формирует [красную] гвардию, отобрал автомобили, типографию, уничтожил чины, снял погоны, объявил выборы командного состава без различия для офицеров и солдат; такие выборы уже были проведены в телеграфной роте, избраны частью солдаты, частью офицеры»²⁵².

Демократизацию войск в масштабе всего Кавказского фронта возглавил Революционный краевой совет Кавказской армии, созданный, как уже отмечалось, на 2-м Краевом съезде Кавказской армии, проходившем в Тифлисе с 10 по 23 декабря. В воззвании к солдатам Революционный краевой совет Кавказской армии 28 декабря объявил, что «военно-революционные комитеты немедленно проводят полную демократизацию армии, согласно декретам правительства народных комиссаров»²⁵³, а на следующий день сообщил солдатам фронта о создании своего исполнительного органа — большевистского ВРК Кавказской армии. Революционный краевой совет определил его первоочередную задачу — «провести в жизнь все постановления II Кавказского краевого съезда: о демократизации армии, о вооружении, о борьбе с контрреволюцией и проч.»²⁵⁴

В соответствии с решениями 2-го Краевого съезда Кавказской армии во всех войсках Кавказского фронта в тот

же день, 29 декабря, приказом № 2 ревкома Кавказской армии вводились в действия декреты Совнаркома «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии»²⁵⁵. А приказ № 5 от 1 января 1918 г. ревкома Кавказской армии предписывал солдатам и их организациям немедленно провести в войсках «полную демократизацию армии»²⁵⁶.

Согласно приказам ВРК Кавказской армии в ряде частей и соединений Кавказского фронта состоялись выборы командного состава. В частности, на объединенном заседании 2-го съезда представителей частей 39-й пехотной дивизии и дивизионного ревкома 11—12 января были переизбраны начальник дивизии, начальник штаба дивизии и дивизионный интендант²⁵⁷. По распоряжению дивизионного ВРК 17 и 23 января состоялись также выборы командного состава в 39-й артиллерийской бригаде: были переизбраны ее командир, командиры артиллерийских дивизионов и батарей²⁵⁸.

Однако процесс демократизации здесь так и не успел развернуться в полную силу (как это было, например, на Северном и Западном фронтах) из-за начавшегося отхода войск Кавказской армии с линии фронта в тыловые районы, о причинах которого говорилось выше. Были и другие факторы, тормозившие процесс демократизации на этом фронте, — слабость и малочисленность местных большевистских организаций, враждебная по отношению к советской власти политика Закавказского комиссариата, большой процент, по сравнению с другими фронтами, казачьих войск и т.д.

Как отражалось проведение демократизации на боеспособности действующей армии? Начальник штаба Ставки генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич уже к началу декабря накопил достаточный материал о введении выборного

начала назначения на командные должности. С целью предотвращения развала военного аппарата и спасения опытных офицерских кадров он направил 4 декабря на фронты циркулярную телеграмму. В ней особое внимание обращалось на то, чтобы при проведении выборов командиров «не наносился вред аппарату управления войсками, потому что порча этого аппарата приведет неминуемо к невозможности» обеспечить демобилизацию армии и разрушит хрупкую систему управления и снабжения на фронтах²⁵⁹. Однако эта телеграмма не возымела действия, в результате в частях и соединениях действующей армии продолжался разгон офицерского корпуса.

Уже во второй половине декабря Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко фактически остался без аппарата, чрезвычайно нужного для руководства войсками. Об этом убедительно свидетельствовал его приказ № 998 от 21 декабря. «В целях сохранения столь необходимого в настоящее время существующего аппарата управления войсками, — гласил документ, — распространить выборное начало в полной мере на штабы, управления, учреждения и заведения действующей армии ныне не представляется возможным». В соответствии с этим распоряжением Крыленко выборы личного состава штабов, управлений и заведений представлялись на усмотрение начальников этих военных учреждений²⁶⁰. Для продолжения же функционирования военного аппарата Крыленко был вынужден «временно» сохранить прежнее денежное содержание офицерам и военным чиновникам²⁶¹.

Однако это были запоздалые меры, так как в ходе демократизации уже развалились и штабной, и командный аппарат управления войсками. Как сообщал 4 января в Совнарком начальник штаба Ставки Бонч-Бруевич, на

протяжении декабря «громадное большинство опытных боевых начальников или удалено при выборах или ушло при увольнении от службы солдат их возраста», а переизбранный «командный состав не имеет достаточных знаний и боевого опыта». Он указывал, что скоро штабы автоматически прекратят работу, причем в них совсем отсутствуют офицеры Генерального штаба.

Особенно губительно демократизация отозвалась на артиллерийских частях в связи с уходом квалифицированных офицеров. Бонч-Бруевич констатировал развал штабной службы во всех армиях и «невозможное расстройство управления». Полковые штабы также фактически оказались неработоспособными из-за отсутствия технически подготовленного персонала. Переизбранный командный состав в строевых частях не был подготовлен к выполнению своих обязанностей и малоопытен. В итоге генерал констатировал: «общее заключение фронтов таково, что армии совершенно небоеспособны и не в состоянии сдерживать противника не только на занимаемых позициях, но и при отнесении линии обороны в глубокий тыл»²⁶².

Выборное начало коснулось и военных врачей, что совершенно дезорганизовало работу медико-санитарной службы в действующей армии. Происходило удаление врачей и замена их санитарями. Это положение было осложнено к тому же и тем обстоятельством, что опытные врачи старше сорока лет были по возрасту отпущены из частей в связи с начавшейся демобилизацией. Некомплект медицинского персонала в связи с этим уже к середине января 1918 г. достиг огромных размеров²⁶³.

Больше всего и раньше всех остальных фронтов были разрушены именно те, на которых демократизация была доведена до конца, — Северный и Западный. Солдаты

здесь еще в большей степени не подчинялись командованию (ими же выбранному), чем на других фронтах, а о поддержании воинской дисциплины не было и речи, процесс развала шел ускоренным темпом, деморализация войск достигла крайних пределов. Об этом положении более чем убедительно свидетельствовали сообщения начальника штаба Ставки Бонч-Бруевича, направленные им 4, 14, 16 и 18 января в Совнарком²⁶⁴.

В политическом и оперативном аспекте проведение демократизации не только не способствовало оздоровлению действующей армии, а наоборот, окончательно ее развалило. И наконец, демократизация, несомненно, способствовала активному пополнению создававшихся в то время белогвардейских формирований квалифицированными офицерскими кадрами, которым не нашлось места в «демократизированной» армии.

УЧАСТИЕ СОЛДАТ-ФРОНТОВИКОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕКРЕТОВ О ДЕМОБИЛИЗАЦИИ АРМИИ

Процесс демобилизации²⁶⁵, развернувшийся в действующей армии к середине ноября, был неразрывно связан с декретом о мире. Как было показано ранее, на фронте он начал воплощаться в жизнь после ленинского призыва выбирать «тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем», переданного 9 ноября по радиотелеграфу и адресованного солдатам. Причем в телеграмме указывалось, что Совнарком дал солдатам на это права²⁶⁶. Поводом к такому неординарному шагу советского правительства, как известно, послужило то, что временно исполняющий должность Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант

Н.Н. Духонин отказался выполнить его распоряжение о немедленном вступлении в переговоры о перемирии с противником.

Следует напомнить, что привлечение солдат к выполнению столь несвойственной им задачи сильно подорвало и без того уже едва державшуюся дисциплину на фронте. После ленинского обращения отношение к подписанию перемирия стало главным признаком, по которому вся армия разделилась на два лагеря — противников и сторонников заключения перемирия. К первому относился практически весь офицерский корпус и руководство эсеро-меньшевистских солдатских комитетов (что, несомненно, играло на руку большевикам в их борьбе за власть), а ко второму — большинство рядового состава, который в условиях начавшейся демократизации перестал подчиняться командованию.

В создавшейся обстановке Совнарком 10 ноября принял декрет «О постепенном сокращении численности армии», согласно которому в бессрочный запас увольнялись солдаты призыва 1899 г. В тот же день декрет по радиотелеграфу был передан в штабы всех фронтов и армий²⁶⁷, сильно взбудоражив солдатские массы и породив множество недоразумений из-за своей расплывчатости и нечеткости. Главным же изъяном этого документа было то, что в нем не было указано, кто должен был отвечать за проведение демобилизации.

Поспешность в проведении демобилизации (буквально на следующий день после ленинского обращения к солдатам), несомненно, была вызвана не просто наблюдавшимся дезертирством, а массовым самовольным уходом солдат с фронта после объявления первых декретов, особенно о земле, о чем ранее уже говорилось: крестьяне,

одетые в солдатские шинели, торопились успеть к земельному дележу. Так, в сводке сведений, отправленной 11 ноября из штаба 1-й армии Северного фронта в Ставку Верховного главнокомандующего, сообщалось: «Количество дезертиров увеличивается, отпускные во многих случаях совершенно не возвращаются»²⁶⁸. В тот же день с другого фланга театра военных действий — Румынского — из штаба его 8-й армии в Ставку пришло сообщение, также констатирувавшее, что количество самовольно оставивших место службы непрерывно растет, причем «письма из тыла о страшной дороговизне, отсутствии многих продуктов, почти голоде вызывают у солдат сильное беспокойство за свои семьи и создают стихийную тягу в тыл, которая выливается в форму дезертирства и постановлений комитетов о разрешении отпусков по уважительным причинам»²⁶⁹.

Регулярно получая из штабов фронтов и армий сводки сведений о настроении, Ставка требовала обязательно указывать данные о количестве дезертиров. И тревожные сводки, полученные ею в ноябре, постоянно содержали сведения о значительном количестве самовольно покинувших окопы. В целом за ноябрь и первую декаду декабря только на Северном и Западном фронтах число оставшихся в строю солдат уменьшилось более чем на 26 %. Причем лишь не более 11 % из них приходилось на демобилизованных, следовательно, остальные дезертировали или не возвратились из отпусков²⁷⁰.

Остановить столь пагубное в условиях войны явление в тот период было, по сути, некому: офицерский корпус в связи с проведением демократизации повсеместно отстранялся от командования, большевистские ревкомы и большевизированные солдатские комитеты боролись за

власть, одновременно проводя и демократизацию, и заключение локальных перемирий с противником.

В этой связи заслуживает внимания оценка деятельности большевистских ревкомов, данная 27 ноября начальником штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом Н.Н. Стоговым в разговоре по прямому проводу с начальником штаба Ставки генерал-майором М.Д. Бонч-Бруевичем. «Мы стоим перед неизбежным следствием, — отмечал Стогов, — что корпус офицеров и командный состав, терроризированный и фактически лишенный всяких прав, так или иначе вынужден будет оставить армию и последняя будет самоуправяема выборными лицами, которые, как показывает жизнь, далеко не всегда являются подготовленными... Между тем мы стоим перед самочинной демобилизацией, которая, на мой взгляд, опаснее для Родины, чем нашествие грозной армии противника». Далее генерал заключил, что «более или менее безболезненное осуществление демобилизации возможно только при наличии (в войсках и штабах. — С.Б.) лучших сил офицерского состава... Если не будут приняты какие-либо чрезвычайные меры, то при настоящем течении жизни мы идем с каждым днем все ближе и ближе к ужасной развязке, когда дезорганизованная голодная армия двинется в тыл и уничтожит свое же Отечество»²⁷¹.

Фактически наблюдавшаяся в послеоктябрьский период в действующей армии обстановка гражданской войны, о чем говорилось ранее, не только усилила никем не пресекавшееся массовое дезертирство, но и породила процесс самочинной демобилизации, то есть проходящей вне общего плана, незаконно, по собственной инициативе местных солдатских организаций. Кроме того, обстановку накалял разразившийся в конце октября — ноябре острый

продовольственный кризис на фронте, вызванный, во-первых, всероссийской железнодорожной забастовкой, объявленной Викжелем (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза), как известно, в связи с октябрьскими событиями в Петрограде, а во-вторых, усилением разрухи на транспорте вследствие ухудшения общей экономической ситуации в стране.

Эти обстоятельства заставили Совнарком вплотную заняться проблемой демобилизации армии. На 26 ноября в Петрограде был назначен Всероссийский съезд по продовольствию, снабжению и демобилизации армии. Но так как фронтовых представителей собралось мало, он объявил себя совещанием по продовольствию. Его открыл народный комиссар по военным делам Н.И. Подвойский, поставив перед делегатами две задачи: организовать обеспечение продовольствием военнослужащих; выработать условия и порядок демобилизации армии. Этим совещание и ограничилось. В конце его работы был сформирован Центральный комитет по снабжению продовольствием армии²⁷².

На 28 ноября в Петрограде вновь было назначено открытие съезда по демобилизации армии, однако опять ввиду недостаточного числа делегатов-фронтовиков было проведено совещание. Председателем избрали заместителя народного комиссара по военным делам, комиссара по демобилизации армии М.С. Кедрова. Совещание почитало себя неправомочным решать сложные вопросы демобилизации и приняло решение созвать 15 декабря общеармейский съезд, посвященный этой проблеме. Для его подготовки делегаты избрали из своего состава организационное бюро, а в заключение приняли достаточно расплывчатую резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость еще до начала общей демобилизации при-

ступить к увольнению в запас военнослужащих по возможности большего числа сроков призыва²⁷³. Таким образом, оба совещания так и не приступили к выработке программных документов о планомерной демобилизации, а перепоручили это важное дело назначенному на середину декабря общеармейскому съезду.

Тем временем обстановка на фронте продолжала ухудшаться. Не имея от советского правительства конкретных указаний по проведению демобилизации, действующая армия вынуждена была решать этот вопрос самостоятельно. В конце ноября — первой половине декабря в ее частях и соединениях проходили фронтовые и армейские съезды, не последнее место в повестке дня которых занимали вопросы демобилизации. Так, на состоявшемся в Пскове 28 ноября — 2 декабря 1-м съезде солдатских депутатов армий Северного фронта была принята резолюция о демобилизации армии, определившая организационные основы этого процесса. Подчеркивалось, что его следует организовывать, строго соблюдая сроки призыва, начиная со старших годов (1900 г.). Особо указывалось на необходимость создания комиссии по демобилизации при фронтовом солдатском комитете, которая должна руководить деятельностью демобилизационных комиссий на местах²⁷⁴, которые к тому времени уже были образованы большевизированными солдатскими и военно-революционными комитетами в ряде дивизий, полков и прочих подразделениях.

Однако деятельность таких органов часто сопровождалась неразберихой и проявлением местничества. Например, на заседании ВРК 1-го Кавказского стрелкового полка 1-й армии, состоявшемся 1 декабря, была избрана полковая демобилизационная комиссия, сразу приступившая к работе. А при исполнении самой армии вскоре была

создана армейская, и между двумя комиссиями начались неизбежные трения, что было зафиксировано на прошедшем 14 декабря малом съезде солдатских депутатов 1-й армии. «Если начатые работы комиссией будут расстраиваться самочинной демобилизацией отдельных частей на местах, — отмечалось в принятом на нем постановлении, — то этой работы демобилизационной комиссии привести в исполнение не придется, а поэтому малый съезд обращается с призывом к товарищам солдатам выждать терпеливо на местах общих распоряжений от армейской демобилизационной комиссии». Кроме того, съезд потребовал от корпусных и дивизионных солдатских комитетов «организовать у себя демобилизационные комиссии, чтобы приступить к проведению в жизнь всех постановлений армейской демобилизационной комиссии и отнюдь не заниматься демобилизацией сепаратным образом»²⁷⁵.

Съезды с аналогичной повесткой дня вскоре состоялись на соседних Западном и Юго-Западном фронтах. В Могилеве с 11 по 16 декабря работал общearмейский съезд при Ставке, на котором присутствовали 46 делегатов от частей и соединений действующей армии, и среди других в его повестке дня стоял вопрос о демобилизации. Съездом было принято постановление о создании в подразделениях демобилизационных комиссий для осуществления практических мер по демобилизации армии²⁷⁶.

Таким образом, в период с конца ноября по середину декабря действующая армия сама приступила к решению проблемы демобилизации, создавая в различных частях и соединениях демобилизационные комиссии. Но единого координационного центра, ведающего вопросами перевода вооруженных сил с военного на мирное положение, так и не было образовано. Созданные же (далеко не повсемест-

но) для этой цели комиссии еще только разворачивали свою деятельность, руководствуясь разработанными на местах нормативными документами, и вынуждены были прилагать значительные усилия для борьбы с захлестывающей действующую армию волной самочинной демобилизации. Участвовавшие случаи данного тревожного явления постоянно отмечались в многочисленных сводках сведений о настроении на фронте, поступавших в этот период в Ставку²⁷⁷.

Следует напомнить, что параллельно с малоуправляемой демобилизацией в действующей армии шел процесс перемирия с противником. Как известно, после подписания локальных соглашений на всех пяти фронтах советская делегация достигла договоренности с противником об общем перемирии, вступившей в силу 4 декабря. Для процесса демобилизации это событие имело немаловажное значение. Дело в том, что у большевизированных солдатских комитетов и большевистских ревкомов, занятых до того в основном борьбой за власть и вопросами достижения перемирия, высвободилось время и появились возможности для более четкого руководства процессом демобилизации. Впрочем, как было сказано ранее, ни опыта, ни единых нормативных документов они не имели и действовали на свой страх и риск, нередко внося разброд и сумятицу в солдатские умы и фактически провоцируя рядовой состав на противоречащие понятию о воинском долге поступки.

И если вопрос о перемирии с противником на фронте в начале декабря Совнаркомом был решен, то не менее важная проблема демобилизации армии практически не сдвинулась с места (если не считать единственного декрета о демобилизации военнослужащих призыва 1899 г., вызвавшего столько волнений у солдат, и двух бесплодных попыток созвать общеармейский съезд по демобили-

зации). И это несмотря на то, что в этот период набирала силу самочинная демобилизация.

В такой обстановке 15 декабря в Петрограде наконец открылся Общеармейский съезд по демобилизации армии²⁷⁸ (закончил работу 3 января 1918 г.). На него прибыли 272 делегата от советов рабочих и солдатских депутатов, фронтовых, армейских и корпусных солдатских комитетов и других выборных организаций, 230 из присутствовавших имели право решающего голоса. По партийной принадлежности здесь насчитывалось 119 большевиков и 45 левых эсеров²⁷⁹. Основной задачей съезда стала выработка мер по внесению организованности и порядка в демобилизационный процесс в армии, а также обсуждение проблем создания новых вооруженных сил.

Участники съезда разделились на четыре секции. В первой рассматривались аспекты организации новой армии, во второй — общие вопросы демобилизации (о порядке увольнения, об оружии и другие), в третьей — технические (транспорт, материально-техническое снабжение), в четвертой — организация управления демобилизацией. Разделение на секции позволило глубоко и детально проработать все положения этой важной проблемы, а имевшийся у части делегатов некоторый опыт в ее решении — избежать ряда ошибок.

Так, 21 декабря съезд принял актуальное и, как показало время, верное постановление о порядке демобилизации, согласно которому следовало «при общей демобилизации увольнение производить в порядке старшинства сроков призыва начиная со старшего»²⁸⁰. Это позволило решить острый вопрос, вызывавший споры среди солдат. Ведь часть солдат старших возрастов была мобилизована лишь в 1916 г., и фронтовики «со стажем» считали несправедли-

вым начинать демобилизацию по возрасту, то есть по срокам призыва, требуя, чтобы главным принципом очередности демобилизации был срок пребывания на фронте. Однако если бы такой принцип был принят, он лишь запутал бы дело и сильно задержал бы сроки демобилизации.

Впоследствии были объявлены сроки демобилизации отдельных возрастов призыва. Как отмечалось выше, декретом от 10 ноября демобилизовывались солдаты 1899 г. призыва, затем до конца декабря — 1900 и 1901 гг.; 3 января 1918 г. была объявлена демобилизация солдат призыва 1902 г.; 10 января — 1903 г.; 16 января — 1904—1907 гг.; 29 января — 1908—1909 гг.; 16 февраля — 1910—1912 гг.; 2 марта — 1913—1915 гг. Солдаты же последних четырех годов призыва (1916—1919 гг.) были демобилизованы до 12 апреля²⁸¹. Такой подход внес некоторую организованность в дело демобилизации и отчасти успокоил солдатские массы.

Кроме того, на съезде были разработаны и приняты связанные с демобилизацией важные постановления, касающиеся военного имущества, оружия и т.д. Дело в том, что на повестке дня стоял вопрос о создании новой армии, которую необходимо было вооружить и обмундировать, а солдаты старой армии требовали раздела военного имущества и сохранения за демобилизуемыми фронтовиками оружия.

Надо сказать, солдатским и военно-революционным комитетам постоянно приходилось разрешать конфликты, связанные с разделом военного имущества между демобилизованными солдатами, о чем постоянно сообщалось в донесениях и сводках сведений о настроении, поступавших в декабре—январе в Ставку. Так, из одной части 5-й армии Северного фронта в январе доносили, что в Двинске из денежного ящика увольнявшиеся от служ-

бы солдаты похитили 80 тыс. рублей, а в 302-м пехотном Суражском полку разграбили цейхгауз, забрав имущество на 40 тыс. рублей. В донесении отмечалось, что все демобилизуемые солдаты в категорической форме требовали «нового обмундирования, обуви, раздела экономических сумм или денежных пособий»²⁸².

В конце декабря в 1-й и 2-й пулеметных командах 182-го пехотного Гроховского полка 11-й армии Юго-Западного фронта демобилизуемые солдаты пытались поделить имущество этих подразделений. Инцидент рассматривался на заседании демобилизационной комиссии при полковом ревкоме. В принятой им резолюции отмечалось, что «полковой ВРК резко осуждает товарищей пулеметчиков [за] намерения расточ[ить] имущество, так как таковое есть общенародное достояние. [Он] категорически требует от комитетов и командного состава пулеметных команд никаких самочинных действий не допускать»²⁸³.

Весьма острый характер приняла в действующей армии и проблема оружия. Вопрос о том, оставлять ли демобилизуемым солдатам винтовки, приобрел политическую окраску. Солдаты стремились унести их с собой. Здесь следует напомнить, что первый декрет Совнаркома о демобилизации от 10 ноября однозначно давал ответ на этот вопрос: оружие следует сдавать полковым комитетам. Но данный декрет касался увольнения солдат только призыва 1899 г., и его не приняли как общую директиву. Солдаты настаивали, чтобы оружие было сохранено за ними, принимая на митингах, фронтовых и армейских съездах соответствующие резолюции, наказания, решения. Например, в наказе своему делегату, избранному в начале декабря на 3-й чрезвычайный съезд солдатских депутатов 3-й армии Западного фронта, солдаты 8-й пехотной дивизии внесли

в пункт о демобилизации требование о том, чтобы «увольняемые домой отправлялись с оружием в руках»²⁸⁴.

Аналогичных наказов и резолюций было немало. Зачастую солдатские и военно-революционные комитеты, не желая вступать в конфликт с солдатами, удовлетворяли эти требования. Именно так, к примеру, поступил в созданный 16 декабря демобилизационный комитет при ВРК 21-й пехотной дивизии 7-й армии Юго-Западного фронта. Проводя увольнение от службы солдат 1900 и 1901 гг. призыва, комитет постановил: «Увольнять с оружием тех, у которых таковое имеется на руках»²⁸⁵. То же сообщалось в рапорте штаба Кавказской армии, отправленном 22 декабря в штаб Кавказского фронта: в 24-м Кавказском стрелковом полку «по постановлению полкового комитета увольняемые домой и в отпуск уходят с винтовками»²⁸⁶.

Нередки были и случаи самовольного уноса оружия. В докладе, поступившем 16 декабря в Ставку с Юго-Западного фронта, в частности, сообщалось, что казаки 5-й Донской казачьей дивизии, подлежащей расформированию, «винтовок не возвращают»²⁸⁷. Командование пыталось предотвратить подобные случаи. Так, выборный главнокомандующий армиями Западного фронта большевик прапорщик А.Ф. Мясников в специальном приказе, изданном в начале декабря, писал: «До моего сведения дошло, что солдаты, увольняемые от службы... при своем отъезде из частей берут с собой для отвоза на родину оружие и снаряжение. Это совершенно недопустимо. Прошу указанное теперь же разъяснить солдатам и ответственность за неисполнение настоящего моего приказа возлагаю на соответствующие комитеты и командный состав»²⁸⁸. Как воспринимались в войсках подобного рода приказы, можно судить по тому, что редакция опу-

бликовавшей распоряжение Мясникова газеты «Известия ВРК 3-й армии» сочла возможным в том же номере напечатать подборку наказов солдат, выражавших требование демобилизовать их только с оружием.

13 декабря Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко направил в войска телеграмму, в которой объявлялось, что «согласно полученному от народных комиссаров извещению в настоящее время разрабатывается план перехода от постоянной армии к всеобщему вооружению народа, ввиду чего приказываю солдатам, увольняемым от службы, оружия и снаряжения не выдавать»²⁸⁹.

В близком к приказу Крыленко духе вопрос об оружии трактовал и Общеармейский съезд по демобилизации. В его решении, принятом 2 января, указывалось, что «при частичной демобилизации солдаты отпускаются на родину без оружия», при общей же демобилизации, которая будет проведена только после заключения мирного договора с противником, «все оружие равномерно распределяется по территории Российской республики» по указанию ВЦИК Советов и «по его же указанию определяется и способ вооружения народа»²⁹⁰.

Ясность, внесенная Общеармейским съездом во многие спорные вопросы, позволила местным демобилизационным комиссиям в дальнейшем проводить демобилизацию более организованно и планомерно, да и намного быстрее. Если за ноябрь—декабрь домой были отпущены военнослужащие трех возрастов призыва, то за один январь — восьми (с 1902 по 1909 гг.)²⁹¹.

Однако и в начале 1918 г. этот процесс не везде проходил гладко. Если на ближних фронтах — Северном, Западном — и отчасти Юго-Западном он шел относительно спокойно, то на дальних — Румынском и Кавказском —

дело обстояло иначе. На Румынском фронте работа по демобилизации серьезно осложнялась враждебными действиями Центральной рады и командования румынских войск, стремившихся завладеть огромным военным имуществом Русской армии. Чтобы не допустить вооруженных столкновений с румынскими войсками и украинскими вооруженными формированиями, Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко 8 января отдал приказ «немедленно приступить к организации планомерного отхода частей с территории Румынии»²⁹².

Такие вынужденные действия, естественно, вносили коррективы в ход демобилизации, и местным большевизированным солдатским комитетам приходилось в сжатые сроки решать связанные с ней проблемы. Однако в целом солдатские организации частей и соединений Румынского фронта, преодолевая огромные трудности, смогли организовать планомерный отход значительной части войск и вывоз военного имущества с территории Румынии в тыл — в районы Тирасполя, Луганска и другие, где в марте — начале апреля и была завершена демобилизация.

На Кавказском фронте данный процесс также проходил в условиях отхода частей и соединений в тыловой район. В приказе ВРК Кавказской армии от 31 декабря предписывалось всем военно-революционным комитетам частей и соединений фронта «немедленно приступить к планомерному отводу значительной части войск, оставив необходимые позиционные заслоны по охране для складов, средств связи и транспорта»²⁹³. В изданном в тот же день другом приказе армейского ревкома солдатам разъяснялось, что «оружие может быть оставлено в руках эшелонов, уходящих в полном порядке с фронта, или команд, увольняемых со службы, и отпускных, идущих

ших организованно под командой. У солдат, уходящих с фронта самовольно, одиночным порядком, оружие должно отбираться на одной из узловых станций Закавказской железной дороги»²⁹⁴.

Такие меры принимались для того, чтобы оружие и другое военное имущество было сохранено и доставлено в пункты расформирования воинских частей, а также не стало добычей местных вооруженных формирований, созданных, как уже говорилось, Закавказским комиссариатом. Как и на других фронтах, на Кавказском были почти повсеместно созданы демобилизационные комиссии. Начало их созданию положил приказ ВРК Кавказской армии № 6 от 2 января, опубликованный 14 января в «Известиях Бакинского Совета». А 7 марта ревком Кавказской армии выпустил постановление о завершении демобилизации на Кавказском фронте. В документе, в частности, говорилось, что «всем уволенным солдатам военно-революционные комитеты должны оказать содействие охраной и сопровождением бронированными поездами при передвижении безоружных эшелонов»²⁹⁵.

Темп демобилизации с начала января все время нарастал и достиг пика к середине февраля. По подсчетам исследователя Е.Н. Городецкого, около половины действующей армии было демобилизовано еще до заключения Брестского мира²⁹⁶.

Одновременно с демобилизацией Совнарком предпринимал усилия по созданию новой армии. 15 января В.И. Ленин подписал декрет о создании Красной армии. Однако в действующей армии кампания по записи добровольцев в новые вооруженные силы, организованная большевизированными солдатскими комитетами и ревкомаами, не принесла ощутимых результатов. Так, по подсчетам исследователя

П.А. Голуба, фронт дал к весне 1918 г. только около 70 тыс. добровольцев, что равнялось приблизительно одному проценту (как известно, осенью 1917 г. в действующей армии находилось около 7 млн. человек)²⁹⁷.

Если этот факт объясняется усталостью крестьян, одетых в серые шинели, от фронтовой жизни, стремлением вернуться домой, к мирному труду, то, может быть, они все же поддерживали партию большевиков, обещавшую дать и мир и землю? И поскольку каждый второй солдат-фронтовик, как утверждал В.И. Ленин, шел за большевиками, то, возможно, советскому правительству не потребовалось бы ее срочно демобилизовывать и создавать новую Красную армию?

Действительное отношение солдатских масс к большевикам ярко продемонстрировали результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшихся в стране и армии в ноябре 1917 г. Напомним: из войск действующей армии были образованы Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский фронтовые избирательные округа, а также округ русских экспедиционных войск во Франции и на Балканах. В отдельные округа были выделены Балтийский и Черноморский флоты. Все округа должны были делегировать в будущий состав Учредительного собрания своих депутатов. Вместе с фронтовиками предстояло голосовать и служащим Союза земств и городов, обеспечивавшим разнообразные нужды фронта.

Всего действующая армия, согласно «Положению о выборах в Учредительное собрание», утвержденному еще Временным правительством, избирала около 80 депутатов. Военнослужащие тыловых гарнизонов должны были голосовать вместе с местным населением за общие списки кандидатов. Но при этом в крупных гарнизонах

создавали отдельные избирательные участки, обычно на основе какой-либо относительно большой воинской части — запасного полка, артиллерийского дивизиона, дружины. В небольших гарнизонах такие участки не открывали. Военнослужащие, по разным причинам оказавшиеся в период выборов вне своих воинских частей, могли голосовать в гражданских участках, если своевременно были внесены в списки избирателей.

Вначале Всероссийская по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия установила очень сжатые для фронтовых условий сроки составления списков голосования — за 10 дней до начала выборов. Еще два дня давалось на их уточнение. Естественно, при таком порядке многие военнослужащие могли остаться за пределами избирательного участка, что вызвало их справедливые протесты, разрешаемые, как правило, в пользу настаивавших на своем праве голоса. В случае передислокации воинская часть создавала свою избирательную комиссию.

И если в гражданских округах военнослужащие должны были голосовать в одни сроки с местным населением, то во фронтовых выборы планировали начать 8 ноября и продолжать семь дней, а на самом удаленном фронте, Кавказском, с его особо сложными природными условиями, — на неделю раньше, т.е. на 1 ноября, а закончить 15-го. Однако в отведенные Комиссией сроки действующая армия не уложилась: на Румынском фронте голосование завершилось только 17 ноября, на Северном — 21-го, на Западном и Юго-Западном — 22-го, на Кавказском — 24-го. Однако несмотря на такую задержку, вызванную главным образом фронтовой спецификой, в целом выборы в действующей армии прошли успешно. Так, согласно сводке сведений, составленной в штабе Юго-Западного

фронта, «выборы прошли с большим подъемом и без эксцессов»²⁹⁸. Аналогичные сообщения шли и с остальных фронтов.

Явка фронтовиков на избирательные участки была достаточно высокой. На Румынском фронте она составила 79 %, на Северном — не менее 80 %, а на Черноморском флоте — 93 %. В общефронтовом масштабе, по подсчетам Л.Г. Протасова (без Кавказского фронта), в выборах участвовало не менее 72 % солдат и офицеров²⁹⁹.

Подобная активность фронтовиков сама по себе является мерилom ожиданий Учредительного собрания и подтверждением его популярности среди фронтовиков. Политическая же роль самой действующей армии отчетливо выразилась в том, что она явочным порядком увеличила свое представительство в Учредительном собрании. Так, уже в разгар выборов фронтовые окружные комиссии по инициативе Юго-Западного фронта изменили норму представительства (число избирателей, представляемых одним депутатом) со 100 тыс. человек до 75 тыс. Принятое решение подтвердил съезд представителей фронтовых избирательных комиссий, проходивший 15 ноября в Ставке Верховного командующего в Могилеве. Совнарком санкционировал эту норму представительства с тем, чтобы избранные считались кандидатами до утверждения их в качестве полномочных членов Учредительного собрания³⁰⁰.

Итоги выборов в Учредительное собрание показали: пять фронтов и два действующих флота суммарно избрали 80 депутатов: 35 эсеров, 34 большевика, 7 украинских эсеров, 1 меньшевика 1 украинского социал-демократа, 2 украинских социалистов. Таким образом, все депутаты были избраны по спискам социалистических партий. Среди них преобладали видные деятели большевистских

и эсеровских военных организаций, такие, как большевики В.А. Антонов-Овсеенко, Н.В. Крыленко, Н.И. Подвойский, Э.М. Склянский, эсеры В.Н. Филипповский, И.И. Бунаков-Фондаминский, В.Л. Утгоф, Б.Ф. Соколов.

Депутатом на Северном фронте и Балтийском флоте был избран В.И. Ленин. Как известно, он отдал свой мандат в округе Северного фронта следующему в списке кандидатов большевику А.Г. Васильеву, а сам стал депутатом от Балтийского флота. Здесь оба мандата получили большевики. Если среди матросов-балтийцев (114 433 избирателя) большевики собрали 57,4 % голосов, эсеры — 38,8 %, то на Черноморском флоте (52 629 избирателей) за большевиков голосовало только 20,5 %, а за эсеров — 42,3 %³⁰¹.

На Северном фронте, наиболее большевизированном из-за близости к Петрограду, из 780 тыс. избирателей за большевиков голосовало 480 тыс. (56,1 %) ³⁰². На соседнем, Западном, фронте выборы принесли еще более убедительную победу большевикам: из 976 тыс. избирателей им отдали голоса 653 430 человек (67 %) ³⁰³. Размах влияния большевизма на этом фронте, исключительно важном в военно-стратегическом отношении, определился уже после корниловского выступления и, естественно, учитывался большевиками при подготовке вооруженных восстаний в Петрограде и Москве.

На дальних же фронтах — Юго-Западном и Румынском — победили эсеры. Несмотря на то что здесь, как и на ближайших к столицам Западном и Северном, имели место частые антивоенные выступления, большевистское влияние было все же недостаточным. В тыловых районах этих фронтов крупные большевистские организации отсутствовали, солдатские комитеты, как уже отмечалось, почти везде находились в руках эсеров и меньшевиков, а

местным большевикам не удалось создать свои военно-революционные комитеты и взять власть, как это имело место на Западном и Северном фронтах.

На Юго-Западном фронте из 1 007 423 избирателей 463 000 (41 %) отдали голоса эсерам, а 300 000 (31 %) — большевикам³⁰⁴. На Румынском фронте (1 128 600 имевших право голоса) за эсеров проголосовали 679 400 (60 %) человек, а за большевиков — 167 000 (15 %)³⁰⁵. Необходимо отметить, что значительной антибольшевистской силой здесь, помимо меньшевиков и эсеров, было украинское национальное движение. Соединенные силы украинских социалистов собрали примерно шестую часть голосов избирателей.

На самом отдаленном фронте — Кавказском — политическая обстановка в целом была такой же, как на Юго-Западном и Румынском, что принесло победу эсеровской партии. Из 420 тыс. избирателей ей отдали предпочтение 360 тыс. (69,6 %), а большевикам — 60 тыс. (18,4 %)³⁰⁶.

Если учесть голоса фронтовиков, отданные за национальные партии, стоявшие близко к платформе эсеров, в общей сложности превысившие 750 тыс. на четырех фронтах (без Кавказского), то получится, что большинство солдат действующей армии поддерживали эсеров³⁰⁷. Так, из общего количества фронтовиков, участвовавших в выборах (4 479 085 человек), по нашим подсчетам, в основном за эсеров, а также за меньшевиков и национальные социалистические партии проголосовало 2 741 698 избирателей (61,2 %), а за большевиков — соответственно остальные 1 737 387 (38,8 %). Как видим, последние собрали в действующей армии голосов намного больше, чем по стране в целом (напомним, 24, 6 %).

Позже, в декабре 1919 г., в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» Ленин, об-

ратившись к итогам голосования в действующей армии, сделал вывод: «большевики получили немногим менее, чем эсеры. Армия была, следовательно, уже к октябрю—ноябрю 1917 года наполовину большевистской»³⁰⁸. Однако приведенные выше цифры говорят о другом.

Почему же действующая армия не отдала в большинстве голоса большевистской партии? Современник тех событий видный эсеровский лидер, один из организаторов партийной работы в действующей армии Б.Ф. Соколов считал: «Были, однако, серьезные причины, почему победа осталась именно за эсерами. Победа не только на фронте, но и почти по всей стране. Две причины...

Первая — это то, что крестьянско-солдатская масса — я говорю о выборах в армии — считала партию социалистов-революционеров своей, крестьянской. Ее убеждало в этом то обстоятельство, что список № 1 был общим от Совета крестьянских депутатов и от армейских социалистов-революционеров. А то, что эсеры больше всего и любознее всего беседовали о земельном вопросе и о крестьянских делах, говорило солдатам о правильности их мнения.

Голосуя за партию социалистов-революционеров, солдаты-крестьяне считали, что голосуют за свою партию.

Вторая причина стояла в непосредственной связи с предыдущей. Благоприятная почва позволила весьма широко и полно развить партийную работу в армии. Уже с апреля месяца мы начали готовиться к выборам, поставив себе неотложной задачей организацию непременно во всех, даже в самых малых, воинских частях партийных ячеек. Эта организационная работа дала чрезвычайно продуктивные результаты во время выборной кампании»³⁰⁹.

Действительно, в то время (конец октября — середина ноября), когда местные армейские эсеры всецело зани-

мались предвыборной агитацией, большевикам приходилось вести ожесточенную борьбу за власть в действующей армии. Они создавали военно-революционные комитеты, ставили командование под их контроль, смещали комиссаров Временного правительства и заменяли их советскими, проводили на фронте первые декреты новой власти — о мире, земле, демократизации, демобилизации и многое другое. Иными словами, для серьезной агитации за своих кандидатов в Учредительное собрание у большевиков просто не хватало ни людей, ни времени. К тому же, напомним, еще с весны 1917 г. большевистское руководство отдавало предпочтение советам, являвшимся, как оно заявляло, органами «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», рассматривая Учредительное собрание как буржуазную форму государственности.

Тем временем в Брест-Литовске продолжались мирные переговоры советской делегации с представителями стран германского блока. К концу января германская сторона начала вести переговоры в безапелляционном тоне, хотя ультиматума не предъявляла. Однако глава советской делегации Л.Д. Троцкий 28 января, как известно, выступил с декларацией о том, что Советская Россия войну прекращает, армию демобилизует, а мира не подписывает. В тот же день без согласования с Совнаркомом он послал телеграмму Верховному главнокомандующему Н.В. Крыленко, в которой потребовал немедленно издать приказ по действующей армии о прекращении состояния войны с державами германского блока и о демобилизации русской армии. Крыленко, также без ведома советского правительства, рано утром 29 января издал и отправил на все фронты телеграмму с соответствующим приказом, и

вскоре ее содержание стало известно солдатам. Узнав о случившемся, Ленин предписал Ставке немедленно отменить принятое без его санкции распоряжение³¹⁰.

Германская сторона заявила, что неподписание Советской Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия, после чего советская делегация покинула Брест-Литовск, оставив там своего представителя А.А. Самойло. 16 февраля глава германской делегации генерал-майор М. Гофман уведомил последнего, что 18 февраля в 12 ч дня Германия начнет наступление на Восточном фронте.

Возобновление германской стороной после долгого перерыва боевых действий стало еще одним фактором, ускорившим развал и окончательную потерю боеспособности русской действующей армии. Только этим можно объяснить, почему немцы с легкостью захватили значительные территории страны и большое количество военного имущества. Застигнутые врасплох в местах дислокации войска Северного и Западного фронтов (армии других фронтов, как уже отмечалось, были к тому времени в основном отведены в тыл), понесли серьезный урон. Большое количество штабов, учреждений и частей попало в плен. Особенно сильно пострадали армии Западного фронта, где, как известно, в плен попал даже штаб фронта, расположенный в Минске.

Неразбериха, царившая в управлении войсками, не позволила оперативно реагировать на неблагоприятное развитие событий, а потеря штабов, особенно фронтового, еще более усилила дезорганизацию. Нарушилась связь с частями и соединениями Западного фронта. На Северном фронте были оставлены Двинск, где находился штаб 5-й армии, и другие города. В эти дни В.И. Ленин признал, что

большевики «смотрели сквозь пальцы на гигантское разложение быстро демобилизующейся армии, уходящей с фронта». Он получал «мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве»³¹¹. В такой обстановке в ночь на 24 февраля ВЦИК Советов и Совнарком сообщили немецкому правительству о готовности подписать перемирие на условиях Германии. Противник приостановил продвижение вглубь нашей страны.

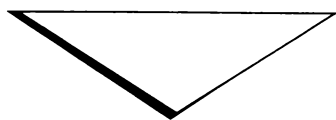
После прекращения наступления германских войск планомерная демобилизация действующей армии была продолжена. Уже 2 марта, то есть за день до подписания Брестского мира, приказом Комиссариата по военным делам была объявлена одновременная демобилизация следующих призывных годов — с 1913 по 1915 г. включительно³¹². Солдаты последних годов призыва демобилизовывались в середине марта — первой половине апреля в тыловых районах страны.

После заключения Брестского мира на фронте остались лишь небольшие отряды завесы, учрежденной, как известно, Высшим военным советом для обороны демаркационной линии, которая была установлена по условиям Брестского мира. 9 марта постановлением Совнаркома Н.В. Крыленко был освобожден от обязанностей Верховного главнокомандующего³¹³, 16 марта специальным приказом временно исполняющего обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего прекратила свою деятельность Ставка, а 27 марта последовал приказ Народного комиссариата по военным и морским делам о расформировании и ликвидации штабов, управлений и

солдатских комитетов³¹⁴. На этом Русская армия прекратила существование.

Таким образом, если от участия в борьбе за власть между большевиками и их политическими противниками в послеоктябрьский период солдаты-фронтовики в своей массе уклонялись, занимая в основном выжидательную позицию, то в претворении в жизнь декретов о мире, земле, демократизации и демобилизации они приняли чрезвычайно активное участие, так как это напрямую касалось их личных интересов. Объективно это обстоятельство значительно облегчило большевикам борьбу за власть, особенно на Северном и Западном фронтах, где эти декреты были наиболее полно реализованы. Однако на практике их претворение в жизнь нанесло решающий удар по дисциплине и обороноспособности действующей армии, а уход солдат с фронта, вызванный декретом о мире и первым декретом о демобилизации («О постепенном сокращении численности армии»), явился началом необратимого процесса ее развала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развал русской армии начался задолго до Февральской революции 1917 г. и явился объективным необратимым результатом краха самодержавия. Уже начальные месяцы Первой мировой войны показали неспособность царизма руководить государством и управлять армией в военной обстановке.

Массовая мобилизация самой трудоспособной части населения страны привела к большим качественным экономическим и политическим сдвигам как в народном хозяйстве, так и во всем комплексе классовых и межнациональных взаимоотношений. Именно в годы первого глобального вооруженного конфликта XX в. армия как никогда была тесно связана с российским обществом. Поэтому отрицательное отношение значительной части гражданского населения к ведению царским правительством войны (особенно после поражений на полях сражений 1915 г.), снижению жизненного уровня, массовых мобилизаций на фронт и т.д. не обошло и действующую армию. К тому же затяжной характер войны, недостаточное материальное и продовольственное снабжение, всевозможные тяготы и лишения фронтовой жизни и другие негативные факторы явились причиной падения воинской дисциплины и, как следствие, начала разложения армии.

Февральская революция вызвала радикальные перемены в различных областях жизни российского общества,

в том числе и в армии. Пришедшее к власти Временное правительство с подачи Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов начало осуществлять свою военную политику с заигрывания с солдатской массой, помня, что именно армия внесла решающий вклад в дело победы Февральской революции. Ярким примером такой политики стал знаменитый Приказ № 1 Петроградского совета, узаконивший стихийно возникшие в Февральские дни солдатские комитеты. Именно он положил начало двоевластию в вооруженных силах и, как показали последующие события, ускорил их развал. В течение марта—апреля все тыловые гарнизоны и действующая армия были покрыты густой сетью солдатских комитетов, главной целью которых был контроль над командным составом.

Крупной ошибкой Временного правительства стало и узаконение солдатских митингов, так как выступавшие на них большевики не только активно агитировали солдат против войны, но и открыто призывали их к неповиновению своим же солдатским комитетам, проводившим проправительственную политику. Поскольку с точки зрения революции бунтовать было вполне законно, то солдаты и бунтовали, причем без пропаганды большевиков, а лишь согласно своей «революционной совести», как тогда говорили. Особенно крупные антивоенные солдатские выступления произошли в период Июньского наступления, когда целые полки отказывались идти в бой, что в конечном счете привело к провалу всей операции.

Не сумело Временное правительство в полной мере использовать и вспышку революционного патриотизма, охватившего весной-летом 1917 г. часть российского общества, в том числе и военнотружущих. Созданные наспех добровольческие воинские формирования — удар-

ные батальоны — были тут же брошены на самые опасные участки в период Июньского наступления, где и были в основном уничтожены противником. Замены же их личного состава уже не было.

После ликвидации корниловского выступления деятельность большевиков в действующей армии значительно активизировалась, что проявилось в резкой большевизации солдатских комитетов. В это время стихийные антивоенные митинги, отказы солдат выполнять боевые приказы, массовые братания (как и весной 1917 г.) уже становились нормой. И волна этих акций неуклонно нарастала по мере приближения к Октябрю, к которому большевики тщательно готовились, создавая явочным порядком как в стране, так и в действующей армии свои боевые органы по взятию власти — военно-революционные комитеты.

Начавшаяся сразу после Октября борьба за власть в действующей армии между местными большевистскими организациями, большевизированными солдатскими комитетами, с одной стороны, и местными партийными организациями их политических противников, эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами, комиссарами Временного правительства и командованием, с другой, ускорила ее окончательный развал. В ходе этого противостояния каждая из противоборствующих сторон создавала свои оперативные органы взятия власти: большевики — военно-революционные комитеты и институт советских комиссаров, а их политические противники — комитеты спасения родины и революции, комитеты общественной безопасности и эсеро-меньшевистские военно-революционные комитеты (как это было на Румынском фронте) и др.

Наибольшее число военно-революционных комитетов большевики создали на самых важных для победы Октя-

бря фронтах — Северном и Западном, чему, среди прочего, способствовало и то обстоятельство, что из-за близости к Петрограду и Москве эти фронты еще в дооктябрьский период были наиболее подвержены воздействию большевистской пропаганды. Несмотря на то что в целом большевики здесь владели политической инициативой, в первые послеоктябрьские дни они действовали крайне осторожно, избегая риска и опасной перспективы возникновения гражданской войны на столь близком к столицам участке. Их главные усилия были нацелены на недопущение вмешательства войск Северного фронта в петроградские события, а Западного — в московские. Когда же опасность вмешательства миновала, большевики этих фронтов через ревкомы и советских комиссаров, которые были назначены во все армии, корпуса, дивизии и полки, буквально в течение ноября установили полный контроль над командованием, переизбрали солдатские комитеты, в которых раньше преобладали эсеры и меньшевики, и ликвидировали институт комиссаров Временного правительства.

Политические же противники большевиков, тоже имевшие свои очаги сопротивления — в лице командования, эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, комиссаров Временного правительства, а также сравнительно немногочисленных комитетов спасения революции, тем не менее не смогли противостоять хорошей организованности, оперативности и готовности к борьбе местных большевиков (в частности, на Северном фронте они начали создавать военно-революционные комитеты еще накануне Октября).

По иным сценариям развивались события на отдаленных от столиц Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах. Большевистское влияние на солдатские массы здесь в целом было невелико. В тылу этих фронтов также

не было крупных большевистских организаций, которые могли бы стать источниками такого влияния. Информация о политических событиях, поступающая из Петрограда и Москвы, тщательно фильтровалась командованием и эсеро-меньшевистскими солдатскими комитетами. Кроме того, внушительной «третьей силой» на Юго-Западном и Румынском фронтах была украинская Центральная рада, а на Кавказском фронте — правительство Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), т.е. Закавказский комиссариат.

На этих фронтах эсерами, меньшевиками и представителями местных национальных партий велась массированная и небезуспешная контрбольшевистская пропаганда, хотя ее воздействие на солдатские массы не было глубоким, а политические симпатии солдат отличались терпимостью. Несмотря на это в сложившейся ситуации эсеро-меньшевистское руководство солдатских комитетов и командование дальних фронтов смогло перехватить политическую инициативу у большевиков.

Так, на Юго-Западном и Кавказском фронтах раньше, чем большевистские ревкомы, были созданы комитеты спасения революции (фронтowej и во всех армиях Юго-Западного фронта) и Закавказский комитет общественной безопасности, распространивший свою власть на все части и соединения Кавказского фронта. На Румынском же фронте в первые послеоктябрьские дни были образованы фронтowej и армейские эсеро-меньшевистские военно-революционные комитеты, а по своей сути те же комитеты спасения революции или комитеты общественной безопасности.

Однако местные большевики по примеру Северного и Западного фронтов также начали создавать свои ревкомы и явочным порядком назначать в части и соединения своих

комиссаров. Наиболее успешно сеть большевистских ревкомов росла в низовых звеньях — ротах и полках. Предпринимались большевиками и попытки переизбрания солдатских комитетов. Впрочем, нельзя не отметить, что время большевиками в общем было упущено. К тому же командование этих фронтов имело сильную поддержку в лице вооруженных формирований Центральной рады и Закавказского комиссариата, а солдатские массы, как и на других фронтах, всячески уклонялись от оказания военной помощи как большевикам, так и их политическим противникам.

В значительной степени благодаря такому нейтралитету многие военачальники на Румынском и Кавказском фронте смогли сохранить свои посты до окончательной демобилизации действующей армии. И вполне естественно, что в сложившейся ситуации главнокомандующие армиями Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов отказались признать нового Верховного главнокомандующего большевика Н.В. Крыленко, даже несмотря на взятие им Ставки в Могилеве. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что на трех фронтах (из пяти), причем на самых многочисленных, над командованием и солдатскими комитетами большевистский контроль в лице военно-революционных комитетов и советских комиссаров так и не был установлен.

Следует подчеркнуть, что непосредственно в борьбе за власть в действующей армии участвовал сравнительно небольшой процент военнослужащих обоих противоборствующих лагерей. Это в основном члены большевистских ревкомов, большевизированных солдатских комитетов, советские комиссары, с одной стороны, и представители командования, комиссары Временного правительства, члены эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, с другой.

Включились в это противоборство также некоторые солдаты и офицеры, вовлеченные как большевиками, так и их политическими противниками в небольшие вооруженные отряды и группы, предназначенные для захвата и взятия под контроль тех или иных объектов, арестов и др.

Основная же масса солдат, как показал ход послеоктябрьских событий на фронте, в целом занимала выжидательную позицию и даже, благодаря первым советским декретам о мире и о земле, проявляла весьма благожелательный для большевиков нейтралитет. Впрочем, было заметно явное желание солдатских масс всячески избежать гражданской войны в самой действующей армии, что наиболее отчетливо проявилось в их решительном отказе оказать вооруженную помощь как сторонникам Временного правительства, так и большевикам.

О том, что большевики так и не смогли охватить своим влиянием преобладающую часть действующей армии, наглядно свидетельствовали результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшихся на фронте в ноябре 1917 г. Напомним, что если на Северном и Западном фронтах, самых распропагандированных большевиками еще в дооктябрьский период, за них голосовало 56 % и 67 % соответственно, то на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах — 31 %, 15 % и 18 % соответственно¹. Всего же за большевиков в действующей армии отдали голоса менее 39 % избирателей, а не «половина армии», как заявлял В.И. Ленин². Отметим, что сам факт достаточно активного участия в выборах (в среднем 72 %)³ указывал на значение, которое солдаты-фронтовики придавали Учредительному собранию. Новую советскую власть солдаты понимали как демократическую, общесоциалистическую, но не однопартийную.

Если от участия в борьбе за власть в действующей армии между большевиками и их политическими противниками солдаты в своей массе уклонялись, занимая в основном выжидательную позицию, то в претворении в жизнь первых советских декретов — о мире, о земле, о демократизации и демобилизации — они приняли весьма активное участие, так как эти правовые акты напрямую касались их кровных интересов. Особенно ярко активность фронтовиков проявилась в реализации декрета о мире. Значительное их число вошло в различные мирные делегации, сформированные солдатскими комитетами для заключения локальных перемирий («солдатских миров»), еще больше участвовало в организованных братаниях.

Однако следует подчеркнуть, что заключение перемирий с противником проходило в острой борьбе большевиков с командным составом, так как последний, в частности на Северном и Западном фронтах, саботировал все подобные мероприятия новой власти. Это противостояние, как известно, закончилось смещением с постов и арестом командования фронтов и подписанием перемирия большевистскими ревкомами. В сложившихся условиях командованию Юго-Западного, Румынского и Кавказского фронтов ничего другого не оставалось, как вслед за Северным и Западными фронтами самим заключить такие перемирия.

Декрет о земле породил огромную волну аграрных беспорядков в прифронтовой полосе, в которых активными участниками, а зачастую и организаторами погромов были солдаты-фронтовики.

Декреты о демократизации и демобилизации претворялись в жизнь под руководством большевизированных солдатских и военно-революционных комитетов (в основном на Северном, Западном и отчасти Юго-Западном фронтах),

хотя солдаты часто вмешивались в дела комитетчиков, внося выгодные им коррективы и предложения. Между тем претворение в жизнь этих декретов наносило сильнейший удар по дисциплине и обороноспособности действующей армии, а самочинная демобилизация, спровоцированная декретом о мире и первым декретом о демобилизации («О постепенном сокращении численности армии»), явилась началом уже необратимого процесса развала армии.

Значительный урон нанесла действующей армии и послеоктябрьская демократизация, целью которой был слом сопротивления преобладающей части генералитета и офицерского корпуса политике сепаратного мира и приобщение деморализованной армии к политическим целям новой власти. Это в конечном итоге привело к параличу и так уже надломленного аппарата управления на фронтах. Взятие Ставки вооруженными отрядами Н.В. Крыленко и ее «чистка», массовое удаление и аресты лиц командного состава и замена их неквалифицированным контингентом из солдатской среды, единственным критерием для избрания которых являлась политическая благонадежность к новой власти, привели к полной оперативно-организационной неспособности аппарата управления войсками справляться со своими задачами. К тому же солдатские массы по мере участия в претворении в жизнь первых декретов советской власти все меньше поддавались какому бы то ни было воздействию, переставая подчиняться и большевистским ревкомам, и солдатским комитетам, и советским комиссарам, и даже выбранным ими же из своей среды командирам.

Новая власть не нашла и ощутимой военной опоры в солдатских массах действующей армии. В этом отношении показателен упоминавшийся ранее факт, что к весне

1918 г. в Красную армию записалось только около 70 тыс. добровольцев-фронтовиков, что равнялось приблизительно одному проценту (как известно, осенью 1917 г. в действующей армии находилось около 7 млн. человек)⁴.

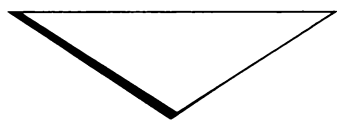
Словом, пока большевики и их политические противники вели ожесточенную борьбу за власть в действующей армии, солдаты громили помещичьи имения и зажиточные хозяйства в прифронтовых районах, занимались меновой торговлей с противником, самодемобилизировались, да и просто дезертировали, и ряды армии катастрофически таяли, а те, кто еще оставался на фронте, представляли собой недисциплинированную, малоуправляемую вооруженную толпу. Начавшееся 18 февраля 1918 г. немецкое наступление показало, что Русской армии больше нет. Разрозненные ее остатки фактически бежали перед наступающими малочисленными германскими отрядами, которые легко заняли ряд прифронтовых городов и вышли на широкий оперативный простор. Здесь не лишне напомнить, что, готовя вооруженное восстание в Петрограде, В.И. Ленин убеждал колеблющихся соратников: если мирные предложения новой власти будут отвергнуты, война станет революционной, что сделает Россию «во много раз более сильной и в военном отношении»⁵.

Однако в действительности все произошло иначе. Бесконечно усталая, надломленная военными неудачами и антивоенной агитацией, Русская армия уже не годилась для защиты отечества. Из нее исходили волны безудержной ярости и ожесточенности, она заражала своим распадом еще здоровые ткани общественного организма. Отбросив прежние иллюзии относительно революционности армии, Ленин в феврале 1918 г. сделал единственно возможный в сложившейся обстановке вывод о том,

что всякие попытки сохранить ее не только бесполезны, но и опасны, «ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство»⁶.

Таким образом, борьба большевиков со своими политическими противниками за власть в армии не принесла победу никому. Последние части и соединения были окончательно расформированы, а солдаты демобилизованы в конце марта 1918 г. Такой результат вполне закономерен: если разваливается тыл, то аналогичный процесс происходит и в вооруженных силах. Если политические бури лихорадят общество, то же самое происходит и с военно-служащими, так как страна и армия — единый организм.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1. Пролог катастрофы: Русская армия от февраля к октябрю

1. Цитата по кн.: *Семанов С.Н.* Брусилов. М., 1980. С. 237.
2. Там же. С. 237.
3. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 204—205.
4. Цитата по кн.: *Пчелов Е.В.* Романовы. История династии. М., 2001. С. 312.
5. *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 205.
6. *Шамбаров В.Е.* За веру, царя и Отечество! М., 1993. С. 595.
7. *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 363.
8. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль—сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 141.
9. *Жилин А.П.* К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 159.
10. Подробнее об этом см.: Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). Автор-составитель С.Н. Базанов. М., 2010. С. 9—130.
11. *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 329.
12. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 181.
13. *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 147.

14. Подробнее об этом см.: *Базанов С.Н.* Братание — одна из причин развала русской армии в 1917 году. // Мир и политика, 2011, № 3. С. 50—55.

15. *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 266.

16. Правда. 1917. 4 мая; *Крыленко Н.В.* Почему побежала русская революционная армия. Пг., 1917. С. 21.

17. *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 137—138.

18. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 7. М., 1923. С. 157.

19. *Базанов С.Н.* «Смелость, какая присуща только большим полководцам» // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 53.

20. Разложение армии в 1917 году. М.—Л., 1925. С. 68.

21. Там же. С. 68.

22. Подробнее об этом см.: *Базанов С.Н.* Роль А.А. Брусилова в создании добровольческих частей в русской армии в 1917 г. // Великая война 1914—1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: вып. 2. М., 2013. С. 98—113.

23. Разложение армии в 1917 году. М.—Л., 1925. С. 64—65.

24. Там же. С. 65.

25. Там же. С. 65.

26. *Кибовский А.* Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. № 8. С. 31.

27. Разложение армии в 1917 году. С. 66.

28. Там же. С. 66—67.

29. *Голуб П.А.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — февраль 1918 г.). Киев. 1958. С. 79; Казачий архив. 2004. Май. С. 17.

30. Разложение армии в 1917 году. С. 66—67.

31. Там же. С. 67.

32. Вестник Временного правительства. 1917. 26 мая.

33. Разложение армии в 1917 году. С. 68.
34. «Мой батальон не осрамит России...» Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8—9. С. 78.
35. Там же. С. 78.
36. *Кибовский А.* Указ соч. С. 31.
37. Разложение армии в 1917 году. С. 68—69.
38. О попытках Временного правительства России реорганизовать армию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 89—90.
39. Там же. С. 93.
40. *Кибовский А.* Указ соч. С. 33—35.
41. Жилин А.П. Указ. соч. С. 163—164.
42. Военная энциклопедия: в 8 тт. Т. 1. М., 1997. С. 385.
43. *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 199.
44. Подробнее об этом см.: *Поляновский Э. Юрочка* // Известия. 1996. 2 ноября; *Аверченко С.В. Юрий Гильшер* // Мир авиации. 1999. № 1. С. 2—7.
45. *Базанов С.Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 56.
46. *Сенин А.С.* Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 163—164.
47. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. В 2-х тт. Т. 1. М., 1923. С. 21.
48. Там же. С. 21.
49. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 4. С. 151—187.
50. *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 217.
51. *Деникин А.И.* Указ. соч. С. 451—452.
52. История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972. С. 169—170.
53. История гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 199.
54. *Брусилов А.А.* Указ. соч. С. 219.

55. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 96—97.

56. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 230—231.

57. *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 297.

58. Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 183.

59. *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900—1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 66.

60. *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 233.

61. *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 303.

62. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 10. С. 112—113.

63. Там же. Т. 13. С. 321—322.

64. Там же. Т. 14. С. 162.

65. Там же. Т. 34. С. 247.

66. Там же. С. 265.

67. Там же. С. 340—341, 382—390.

68. *Орехова Е.Д.* О составе Петроградского военно-революционного комитета // История СССР. 1971. № 2; *Поликарпов В.Д.* Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11.

69. *Подвойский Н.И.* Год 1917. (Воспоминания). М., 1958. С. 104.

70. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 1. М., 1966. С. 40—41.

71. *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 2. С. 831—833.

72. *Рипа Е.И.* Военно-революционные комитеты района XII армии в 1917 г. на неоккупированной территории Латвии. Рига, 1969. С. 8—9.

73. Там же. С. 10, 12, 13.

74. *Смольников А.С.* Большевизация XII армии Северного фронта в 1917 г. М., 1979. С. 154.

75. *Кайминь Я.* Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции (1917—1918 гг.). Рига, 1961. С. 305.

76. *Смольников А.С.* Указ. соч. С. 156.

77. Рабочий путь. (Петроград). 1917. 18 октября.

78. Там же. 22 октября.

79. *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февр. 1918. М., 1967. С. 223; Щелок П. Октябрь на Северном фронте // Война и революция. 1926. Январь — февраль. С. 78.

80. Звезда (Минск). 1917. 19 октября.

81. *Сулима В.Ф.* Штаб повстанческих отрядов. Военно-революционный комитет Эстонского края (октябрь 1917 — январь 1918). Таллин, 1971. С. 55.

Глава 2. Послеоктябрьские события на ближних к столицам фронтах

1. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977. С. 137—138.

2. Там же. С. 139—140.

3. Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. М., 1963. Ч. 1. С. 440.

4. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 569.

5. *Гаврилов Л.М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983. С. 134.

6. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957. С. 572—573.

7. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 387.

8. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 140.

9. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 709.

10. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 617.

11. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 25.

12. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 134.

13. Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г. — 10 января 1918 г. М., 1962. С. 72.

14. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 134.

15. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 617.

16. Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. С. 208—209.

17. *Киуру М.Х.* Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Петрозаводск. 1965. С. 180.

18. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 134.

19. Большевистские военно-революционные комитеты. Сборник документов. М., 1958. С. 419.

20. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 150.

21. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 27.

22. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 156.

23. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 140.

24. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 578; *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 140.

25. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 210.

26. *Поликарпов В.Д.* Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11. С. 26.

27. *Сулима В.Ф.* Штаб повстанческих отрядов. Военно-революционный комитет Эстонского края (октябрь 1917 — январь 1918). Таллин. 1971. С. 67.

28. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. М., 1966. Т. 1. С. 154.
29. Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. (Ревель). 28 октября.
30. Там же. 28 октября.
31. *Якупов Н.М.* Борьба за армию в 1917 году. Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975. С. 194.
32. Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 167—168.
33. *Сулима В.Ф.* Указ. соч. С. 67—68.
34. Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 182—183.
35. Там же. С. 167—168.
36. Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 83—84.
37. *Сулима В.Ф.* Указ. соч. С. 70.
38. *Голуб П.А.* Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 270—271; *Сулима В.Ф.* Указ. соч. С. 70—71.
39. *Сулима В.Ф.* Указ. соч. С. 71.
40. Большевицские военно-революционные комитеты. С. 416, 422, 428—429.
41. *Капустин М.И.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 295.
42. *Сулима В.Ф.* Указ. соч. С. 73.
43. *Капустин М.И.* Указ. соч. С. 251—252.
44. Рижский фронт. (Валк). 1917. 31 октября.
45. *Минц И.И.* История Великого Октября. В трех томах. 2-е издание. М., 1979. Т. 3. С. 325, 327.
46. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 618—619.
47. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 754.
48. История гражданской войны в СССР. В пяти томах. 2-е издание. М., 1947. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь—ноябрь 1917 года). С. 451.

49. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 618.
50. Правда. (Петроград). 1917. 27 октября.
51. *Миц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 325, 327.
52. Там же. С. 325.
53. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. С. 468.
54. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 150—151.
55. Псковский набат. (Псков). 1917. 8 ноября.
56. Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. (Псков). 1917. 3 ноября.
57. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 35.
58. Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 5. С. 105—106.
59. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 150—151.
60. Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. (Псков). 1917. 10 ноября.
61. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 180—182.
62. Окопный набат. (Венден). 1917. 26 октября. Экстренное добавление.
63. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 136—137.
64. Окопный набат. (Венден). 1917. 28 октября.
65. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 618.
66. Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года. М., 1968. С. 550—552.
67. Окопная правда. (Венден). 1917. 2 ноября.
68. Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 163—177.
69. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 38.
70. История гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 443—444.

71. Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. (март 1917 — февраль 1918 г.). Рига, 1963. С. 751—752.
72. Там же. С. 539, 546.
73. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 144.
74. Окопная правда. (Венден). 1917. 13 ноября.
75. *Смольников А.С.* Большевизация XII армии Северного фронта. М., 1979. С. 168.
76. Окопная правда. (Венден). 1917. 12 ноября.
77. Рижский фронт. (Валк). 1917. 7 ноября.
78. *Смольников А.С.* Указ. соч. С. 170—171.
79. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 142.
80. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 147—148.
81. Там же. С. 149—150, 618.
82. *Смольников А.С.* Указ. соч. С. 171.
83. *Рипа Е.И.* Военно-революционные комитеты района XII армии в 1917 г. на неоккупированной территории Латвии. Рига, 1969. С. 48.
84. *Смольников А.С.* Указ. соч. С. 173—174.
85. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 149.
86. Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. С. 266—267.
87. *Рипа Е.И.* Указ. соч. С. 52.
88. Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. (март 1917 — февраль 1918 гг.). С. 519—520.
89. Окопная правда. (Венден). 1917. 14 ноября.
90. Там же. 17 ноября.
91. Рижский фронт. (Валк). 1917. 31 октября.
92. *Капустин М.И.* Указ. соч. С. 288.
93. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 598.

94. Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 152.
95. Рижский фронт. (Валк). 1917. 31 октября.
96. Минц И.И. Указ. соч. Т. 3. С. 330.
97. Известия армейского исполнительного комитета 1-й армии. 1917. 23 ноября.
98. Правда. (Петроград). 1917. 5 ноября.
99. Там же. 5 ноября.
100. Бюллетень № 4 Военно-революционного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Пскова. (Псков). 1917. 2 ноября.
101. Правда. (Петроград). 1917. 5 ноября.
102. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 380.
103. Базанов С.Н. Указ. соч. С. 44.
104. Там же. С. 45.
105. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 206—207.
106. Там же. С. 179.
107. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 293; Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 1. С. 450, 507.
108. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 199, 200, 211, 621.
109. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 134—135.
110. Известия армейского исполнительного комитета 1-й армии. 1917. 28 ноября.
111. Там же. 28 ноября.
112. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 211.
113. Большевистские военно-революционные комитеты. С. 502—503.
114. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 199, 220, 622.

115. *Базанов С.Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 71—91.
116. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 1. С. 431; Из дневника ген. В.Г. Болдырева // Красный архив. 1927. № 23. С. 273.
117. Окопная правда. (Венден). 1917. 9 ноября.
118. Рабочий путь. (Петроград). 1917. 26 октября.
119. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 1. С. 431.
120. Октябрь на фронте // Красный архив, 1927. № 5 (24). С. 105—106.
121. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 567.
122. Бюллетень армейского исполнительного комитета 1-й армии. 1917. 27 октября.
123. Двинское слово. (Двинск). 1917. 28 октября.
124. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). С. 47.
125. Деревенская правда. (Москва). 1917. 10 ноября; Солдатская правда. (Петроград). 1917. 2, 10 ноября.
126. Октябрская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 29; *Якупов Н.М.* Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 — март 1918 г.). М., 1980. С. 138.
127. *Капустин М.И.* Указ. соч. С. 282.
128. Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 190.
129. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 30.
130. Двинское слово. (Двинск). 1917. 31 октября.
131. Документы Великой пролетарской революции. Из протоколов переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. М., 1938. Т. 1. С. 127—128.
132. Двинское слово. (Двинск). 1917. 1 ноября.
133. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 49.

134. Рабочий путь. (Петроград). 1917. 26 октября.

135. Известия Северо-Западного Военно-революционного комитета. (Псков). 1917. 4 ноября; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 146.

136. Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. (Двинск). 1917. 2 ноября.

137. Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 30; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 639.

138. *Фарсоби́н В.В.* Большевизация Режицкого Совета: (К истории установления власти Советов в Латгалии) // История СССР. 1967. № 5. С. 50—51.

139. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 146.

140. См.: *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 г. — февраль 1918 г. М., 1967. С. 259.

141. Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. Сборник документов. М., 1977. С. 446—447.

142. *Мерэн Г.* Октябрь в V армии Северного фронта // Знамя. 1933. № 11. С. 147.

143. Окопная правда. (Венден). 1917. 2 ноября.

144. Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 71—72; Знамя. 1933. № 11. С. 147.

145. Двинское слово. (Двинск). 1917. 27 октября.

146. Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 71.

147. Известия армейского исполнительного комитета 5-й армии. (Двинск). 1917. 3 ноября.

148. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 140.

149. Борьба партии большевиков за армию в социалистической революции. С. 446—447.

150. Установление и упрочение Советской власти в Псковской губернии 1917—1918 гг. Сборник документов. Псков. 1957. С. 132.

151. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 166, 619.
152. Там же. С. 623.
153. *Базанов С.Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. С. 116.
154. Псковский набат. (Псков). 1917. 24 ноября.
155. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 117—118.
156. Вооруженные силы Великого Октября. М., 1977. С. 233—234.
157. *Голуб П.А.* Большевики и армия в трех революциях. С. 290.
158. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 209.
159. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 576.
160. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 243, 623.
161. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Минск, 1957. Т. 2. С. 30—31.
162. *Гапоненко Л.С.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). М., 1953. С. 116.
163. Звезда. (Минск). 1917. 5 ноября.
164. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 335.
165. Звезда. (Минск). 1917. 5 ноября.
166. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 264—265.
167. Там же. С. 264—265.
168. Там же. С. 263.
169. Там же. С. 264—265.
170. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. С. 109.
171. Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 23. С. 216—218.

172. Бюллетень Военно-революционного комитета Западного фронта. (Минск). 1917. 17 ноября.

173. *Гаврилов Л.М.* Первые комиссары Советской власти в действующей армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С. 72.

174. См.: Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. С. 208—209, 340.

175. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 337.

176. *Петров Н.Г.* Скоро грянет буря // Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С. 135—136.

177. Звезда. (Минск). 1917, 4 ноября; Солдатская правда. (Петроград). 1917. 7 ноября.

178. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 394—395.

179. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 257—258.

180. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. С. 14.

181. *Смолянинов М.М.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск. 1981. С. 133.

182. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 г.). С. 60.

183. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 259.

184. Известия Исполнительного комитета Гренадерского корпуса. 1917. 8 ноября.

185. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 60.

186. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 260.

187. *Петров Н.Г.* Большевики на Западном фронте в 1917 году. Воспоминания. М., 1959. С. 80—81.

188. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 311.

189. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 61.
190. Звезда. (Минск). 1917. 20 декабря.
191. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 341.
192. Правда. (Петроград). 1917. 2 ноября.
193. Звезда. (Минск). 1917. 7 ноября.
194. Правда. (Петроград). 1917. 12 ноября.
195. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 341.
196. Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 143.
197. Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 12 ноября.
198. *Мясников А.Ф.* (Мясникян). Избранные произведения. М., 1985. С. 251.
199. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. С. 154—156.
200. Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. (Молодечно). 1917. 12, 16 ноября.
201. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 270.
202. *Смолянинов М.М.* Указ. соч. С. 133.
203. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 148.
204. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 290.
205. Там же. С. 322.
206. Там же. С. 325.
207. Там же. С. 633.
208. *Смолянинов М.М.* Указ. соч. С. 133.
209. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 275—276.
210. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 138.
211. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября — 1917 г. — март 1918 г. С. 295.

212. Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. (Молодечно). 1917. 5 декабря.
213. Там же. 9 декабря.
214. Там же. 12 декабря.
215. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 65.
216. Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. (Молодечно). 1917. 1 декабря.
217. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 354—355.
218. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 343.
219. Там же. С. 343.
220. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. М., 1957. С. 469.
221. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 256.
222. Там же. С. 624.
223. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 687—688.
224. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 626.
225. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 415.
226. Правда. (Петроград). 1917. 8 ноября.
227. Там же. 9 ноября.
228. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 59.
229. Документы Великой пролетарской революции. Из протоколов и переписки Военно-революционного комитета Петроградского Совета 1917 года. Т. 1. С. 162.
230. *Смолянинов М.М.* Указ. соч. С. 134.
231. Голос 3-й армии. (Полоцк). 1917. 16 ноября.
232. Там же. 16 ноября.
233. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 277.

234. Голос 3-й армии. (Полоцк). 1917. 16, 18 ноября.
235. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 285, 629.
236. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 9 декабря.
237. Там же. 23 ноября, 1 декабря.
238. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 71.
239. Цит. по кн.: *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 149.
240. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 23 ноября.
241. Там же. 26 ноября.
242. ЦГВИА СССР. Путеводитель. В трех частях. Ч. 3. М., 1979. С. 624.
243. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 72.
244. Там же. С. 72.
245. Там же. С. 72.
246. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 168.
247. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 631; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 168.
248. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 72.
249. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 220.
250. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 300—302.
251. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 344—345.
252. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 9 декабря.
253. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. С. 405—472.
254. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 632.
255. Там же. С. 632—633.

256. Звезда. (Минск). 1917. 13 декабря.

257. Номинально главнокомандующим армиями Румынского фронта был румынский король Фердинанд I. На практике командовал войсками помощник главнокомандующего генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев.

258. *Кавтарадзе А.Г.* Октябрь и ликвидация контрреволюционной Ставки // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 117.

259. *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 118; *Поликарпов В.Д.* Революционные органы при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.) // Исторические записки. М., 1970. Т. 86. С. 18; Он же. Военная контрреволюция в России. 1905—1917 гг. М., 1989. С. 314—315; *Базанов С.Н.* Последние дни генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина в Ставке // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 59.

260. Социал-демократ. (Москва). 1917. 19 ноября; Русское слово. (Москва). 1917. 16 ноября.

261. *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976. С. 227—230.

262. *Кавтарадзе А.Г.* Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 118—119.

263. Там же. С. 119.

264. *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 216.

265. *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914—1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 159.

266. Там же. С. 159.

267. *Базанов С.Н.* Указ. соч. // Военно-исторический журнал. 2001. № 11. С. 59.

268. *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 220.

269. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 377.

270. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2. С. 214—215.

271. Там же. С. 225.

272. Подробнее об убийстве Н.Н. Духонина см.: *Иванов Б.* Генерал-лейтенант Н.Н. Духонин // Первопоходник (Лос-Анджелес, США). 1975. № 23. С. 18—21; *Прокопцев Е.* Смерть генерала Духонина (Заметки очевидца) // Известия Гомельского губернского комитета РКП. 1921. № 15. С. 49; Последняя русская Ставка (воспоминания) // Донская волна. 1918. 25 ноября. С. 11—13; *Гончаренко Ю.* Смерть Духонина. Из дневника очевидца. 1922. С. 1—2.

273. *Лелевич Г.* Октябрь в Ставке. Гомель. 1922. С. 90.

274. *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 293—294.

275. Правда. (Петроград). 1917. 22 ноября; Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 22 ноября; Армия и флот рабочей и крестьянской России. (Петроград). 1917. 23 ноября.

276. *Поликарпов В.Д.* Революционные органы при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917 — март 1918 г.) // Исторические записки. Т. 86. С. 20.

277. Там же. С. 20.

278. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 158.

279. *Крыленко Н.В.* Указ. соч. // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. С. 295.

280. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 613—614.

Глава 3. Послеоктябрьские события на дальних фронтах

1. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1973. С. 71—79, 80—83, 100—105.

2. *Минц И.И.* История Великого Октября. В трех томах. 2-е издание. Т. 3. М., 1979. С. 352.

3. *Голуб П.А.* Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 — февраль 1918). Киев. 1958. С. 190.

4. Могилевская жизнь. (Могилев). 1917. 7 ноября.

5. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 350.

6. Там же. С. 350.

7. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 61, 415; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977. С. 635.

8. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 61.

9. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 362—363.

10. Там же. С. 370, 636.

11. Там же. С. 368—369, 379, 636—637.

12. Там же. С. 378—379.

13. Там же. С. 370—373.

14. Там же. С. 386—387.

15. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 169—170.

16. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 429—430.

17. Там же. С. 637.

18. Там же. С. 383.

19. Там же. С. 399.

20. Там же. С. 379—381, 387, 396, 404, 426, 449.

21. Там же. С. 322, 416—417.

22. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 91.

23. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 55, 63.

24. *Децинский Л.Е.* Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте (Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции). Львов. 1982. С 178, 180—181.

25. Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 2. М., 1967. С. 381—382.

26. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С.91.

27. Там же. Л. 6 об.

28. *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 179.

29. Деревенская беднота. (Петроград). 1917. 19 ноября.

30. *Гаврилов Л.М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983. С. 154—155.

31. Там же. С. 179.

32. Там же. С. 179.

33. Там же. С. 180—181.

34. *Малаховский В.А.* Финляндцы // Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С. 168—173

35. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 93.

36. Там же. С. 93.

37. Там же. С. 93.

38. Известия Военно-революционного комитета 7-й армии. 1917. 5, 6 декабря.

39. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 639.

40. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 94.

41. Известия Военно-революционного комитета 7-й армии. 1917. 9, 10, 17 декабря.

42. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 375—377, 637; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 108—109; *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 354—355; *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 179—180.

43. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 369, 636—637; *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 180.

44. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 639.

45. См.: *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 180.

46. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 441—443, 576.

47. Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 — апрель 1918. Сборник документов и материалов. В трех томах. Т. 2. Киев. 1957. С. 526.

48. Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта. (Бердичев). 1917. 30 ноября.

49. *Голуб П.А.* Указ. соч. С. 285.

50. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 390, 631; *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 356.

51. Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта. (Бердичев). 1917. 28 ноября.

52. Там же. 1917. 2 декабря.

53. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 398.

54. Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта. (Бердичев). 1917. 2 декабря.

55. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 640.

56. Там же. С. 641—642.

57. Там же. С. 642.

58. *Валь Э.Г.* К истории Белого движения. (Деятельность генерал-адъютанта Д.Г. Щербачева). Таллин. 1935. С. 23.

59. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 102.

60. *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 623—624.

61. Там же. С. 624.

62. Румчерод (Центральный исполнительный комитет Советов и солдатских (матросских) комитетов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области) был создан 10—27 мая в Одессе на I съезде представителей Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области. В его составе преобладали эсеры, меньшевики и представители партий украинских эсеров и меньшевиков.

63. *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев, 1973. С. 95—96; *Гициу М.М.* Деятельность солдатских Советов и комитетов на Румынском фронте и в Молдавии в 1917 г. Кишинев. 1983. С. 92—93.

64. *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 96; *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 93.

65. *Френкин М.С.* Указ. соч. С. 624—625; *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 96—98; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 643; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 71—79.

66. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 362; *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 98—99; *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 94—97; *Френкин М.С.* Указ. соч. С. 625.

67. Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Кишинев). 1917. 30 ноября.

68. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 106.

69. *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 98.

70. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 359—362; *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 95—119; *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 91—132; *Френкин М.С.* Указ. соч. С. 623—633.

71. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). Кишинев. 1967. С. 109.

72. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 469—470.

73. Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 г.). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 169.

74. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 108.

75. Там же. С. 108.

76. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 126—127.

77. Известия 2-го армейского съезда 8-й армии. 1917. 25 ноября.

78. *Френкин М.С.* Указ. соч. С. 626.

79. *Ткачук А.Г.* Військово-революційні комітети на Південно-Західному та Румунському фронтах (жовтень 1917 р. — лютий 1918 р.) // Український історичний журнал. 1966. № 5. С. 65.

80. Известия армейского комитета 8-й армии. (Могилев-Подольский). 1917. 30 октября.

81. *Френкин М.С.* Революционное движение на Румынском фронте (1917 г. — март 1918 г.). Солдаты VIII армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. С. 254.

82. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 133—134.

83. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 476—477.

84. Там же. С. 643.

85. Там же. С. 485.

86. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 111.

87. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 184—190.

88. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 425—426.

89. *Гаврилов Л.М.* Первые комиссары Советской власти в действующей армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С. 73.

90. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 502, 646.

91. Там же. С. 509.

92. *Хохлов Т.Н.* За власть Советов // Октябрь на фронте: Воспоминания. М., 1967. С. 237; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 513.

93. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 164.

94. См.: *Кондурушкин И.С.* На Румынском фронте // Октябрь на фронте: Воспоминания. С. 248—249.

95. См.: *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 183; Гициу М.М. Указ. соч. С. 122.

96. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 197—202, 225.

97. Там же. С. 201—202.

98. *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 123.

99. Там же. С. 123.

100. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 489.

101. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 286.

102. Вестник 4-й армии. 1917. 20 декабря.

103. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 276.

104. Бюллетень Вестника 4-й армии, 1917. 3, 5, 6 декабря; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 274—278.

105. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 476, 643; Воин-гражданин (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917. 9 ноября.

106. *Децинский Л.Е.* Указ соч. С. 183.

107. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 168; Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 г. — март 1918 г.). С. 188.

108. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 171.

109. *Зискин М.Д.* Побеждали слова большевистской правды // Под знаменем Великого Октября. Кишинев. 1967. С. 40.

110. *Дегтярев Л.С.* Октябрь Румынского фронта (По личным воспоминаниям) // Красная летопись. 1923. № 6. С. 218—219.

111. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 117.

112. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 163.

113. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 160.

114. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 230—233.

115. Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917. 7 декабря.

116. Там же. 9 декабря.

117. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 513, 648.

118. Там же. С. 648.

119. *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 127.

120. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 28 октября — 2 ноября; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 471, 642.

121. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 100—101.

122. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 119.

123. *Дещинский Л.Е.* Указ. соч. С. 183.
124. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 132.
125. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 26, 28, 29, 30 ноября.
126. Там же. 1917. 23 ноября.
127. *Гицу М.М.* Указ. соч. С. 127.
128. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 23 ноября.
129. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 367.
130. *Дещинский Л.Е.* Указ. соч. С. 188.
131. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 5, 9 декабря.
132. Как отмечалось выше, в 9-й армии были выделены пять украинизированных дивизий, подчинявшихся Центральной раде.
133. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 10 декабря; Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917. 14 декабря.
134. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 409—429; Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 239—264.
135. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 388—389.
136. Там же. С. 284.
137. Республиканец (Яссы). 1917. 12 декабря; Бюллетень Бюро военных комиссаров (Яссы). 1918. № 4. Январь.
138. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. С. 489—493.
139. Республиканец. (Яссы). 1917. 12, 14 декабря.
140. *Френкин М.С.* Русская армия и революция. 1917—1918. С. 634.

141. Революция на фронте. (Документы) // Летопись революции. Харьков. 1925. № 1. С. 106.

142. *Хаит Т.М.* II съезд Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского округа (Румчерод) // Исторические записки. Т. 88. М., 1971. С. 368—383.

143. Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. 2-е изд. Кишинев, 1968. С. 73; Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917, 24 декабря.

144. Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.). С. 205—229.

145. Большевистские военно-революционные комитеты. Сборник документов. М., 1958. С. 493—494.

146. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 431.

147. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 646.

148. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 431.

149. Там же. С. 297.

150. Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1918. 11 января.

151. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 370.

152. *Дещинский Л.Е.* Указ. соч. С. 207.

153. Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918 гг.). С. 268—269.

154. *Минц И.И.* Указ. соч. С. 370.

155. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 519—520, 584.

156. *Стеклов А.П.* Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. Тбилиси, 1969. С. 138—139.

157. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 568.

158. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 80—83, 114—116.
159. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 151—162.
160. Там же. С. 162—163.
161. Кавказский рабочий. (Тифлис). 1917. 14 ноября.
162. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 164—165.
163. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 131.
164. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 648.
165. Там же. С. 562.
166. Там же. С. 562—564.
167. Там же. С. 565—566.
168. *Френкин М.* Указ. соч. С. 685—686.
169. Там же. С. 684.
170. Там же. С. 688—689.
171. Трапезундский листок. (Трапезунд). 1917. 23 ноября.
172. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 229—231.
173. *Френкин М.* Указ. соч. С. 708.
174. Бакинский рабочий. (Баку). 1917. 30 ноября.
175. Кавказский рабочий. (Тифлис). 1917. 24, 29 декабря.
176. Там же. 30 декабря.
177. Там же. 30 декабря.
178. Революция 1917 г. в Закавказье. Документы и материалы. Тифлис, 1927. С. 32, 33, 52.
179. *Френкин М.* Указ. соч. С. 709—710.
180. С 28 декабря 1917 г. по 5 января 1918 г. ВРК Кавказской армии находился в Тифлисе, затем переехал в Баку. (Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 582.)
181. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку). 1918. 6 января.
182. Там же. 6 января.
183. Первый номер еженедельной газеты «Известия Военно-революционного комитета Кавказской армии» вышел 15 января 1918 г. в г. Баку.

184. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку). 1918, 14 января.

185. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 650; *Меликян Г.С.* Источниковедение и историография революционного движения в Кавказской армии в 1914—1918 гг. Ереван, 1972. С. 20.

186. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 588—589.

187. Известия Военно-революционного комитета Кавказской армии. (Баку). 1918. 20 марта.

188. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку). 1918. 14 января.

189. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 257—259.

190. Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении. Сборник документов и материалов. Ереван, 1957. С. 159, 210.

191. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 140.

192. *Ставровский А.* Закавказье после Октября. Взаимоотношения с Турцией в первой половине 1918 г. М.—Л., 1925. С. 12.

193. Известия Военно-революционного комитета Кавказской армии. (Баку). 1918. 15 января.

194. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 287.

195. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 243—244; *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 204.

Глава 4. Претворение в жизнь советских декретов на фронте

1. См.: *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 139.

2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2, 19.

3. *Минц И.И.* История Великого Октября. В 3 тт. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1979. С. 295.

4. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1973. С. 48, 73, 76; *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917—1918. Мюнхен, 1978. С. 657.

5. *Кавтарадзе А.Г.* Октябрь и ликвидация контрреволюционной Ставки // Военно-исторический журнал. 1968. № 4. С. 117.

6. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.

7. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 119—120.

8. *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. The Road to Soviet Rower and Peace. Vol II. Princeton, New Jersey, 1987. P. 328.

9. *Подвойский Н.И.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и ВРК 1917 г. // Красная летопись. 1923. № 6. С. 36.

10. Борьба за мир в ноябре 1917 г. // Исторический архив. 1957. № 5. С. 152—154; Солдатская правда. (Петроград). 1917. 18 ноября.

11. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 145.

12. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 48.

13. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 146.

14. Там же. С. 146.

15. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. (Петроград). 1917. 26 ноября.

16. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1974. Т. 5. С. 50; Новая жизнь. (Петроград). 1917. 12 ноября.

17. *Поликарпов В.Д.* Работы Н.В. Крыленко по истории революции и армии // Исторические записки. Т. 94. М., 1974. С. 331.

18. Накануне перемирия. (Материалы Ставки) // Красный архив. 1927. № 23. С. 223.

19. Исторические записки. Т. 94. С. 331.
20. *Крыленко Н.В.* Смерть старой армии // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 290.
21. Красный архив. 1927. № 23. С. 208.
22. Там же. С. 222—223.
23. Двинское слово. (Двинск). 1917. 14 ноября.
24. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 147.
25. *Базанов С.Н.* В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 108—109.
26. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 г.). М., 2003. С. 148.
27. Там же. С. 148.
28. Дневник Барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. М., 1991. Т. 11—12. С. 253.
29. *Мерэн Г.* Перед Брестом. (Из воспоминаний) // Суд идет! 1928. № 1. С. 7; *Финн Э.* Как свершилось великое дело // Неделя. 1975. 1—7 декабря.
30. Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 25.
31. *Зимин Я.* На высоком военном посту // Военно-исторический журнал. 1967. № 4. С. 40.
32. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 149.
33. Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 27.
34. Суд идет! 1928. № 1. С. 11.
35. Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 28; Исторический архив. 1957. № 5. С. 154—158, 160.
36. Двинское слово. (Двинск). 1917. 16 ноября.
37. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М., 1982. С. 572.
38. Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 17 ноября.
39. История и историки. Историографический ежегодник. 1978. С. 291.

40. *Ознобишин Д.В.* От Бреста до Юрьева. М., 1966. С. 35.
41. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. М., 1977. С. 158—159.
42. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 151.
43. *Гаврилов Л.М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983. С. 168; *Базанов С.Н.* Солдаты Северного фронта в борьбе за мир в ноябре—декабре 1917 г. // Революционное движение в русской армии в 1917 году. М., 1981. С. 87.
44. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 252.
45. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 210.
46. Там же. С. 218.
47. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). С. 152.
48. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. В 2-х томах. Минск. 1957. Т. 2. С. 168—169.
49. Звезда. (Минск). 1917. 15 ноября.
50. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 272—273, 627.
51. Бюллетень ВРК Западного фронта. (Минск). 1917. 15 ноября.
52. Фронт. (Минск). 1917. 18 ноября.
53. Звезда. (Минск). 1917. 16 ноября.
54. Фронт. (Минск). 1917. 18 ноября.
55. *Ивашин В.Г.* Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск, 1972. С. 250.
56. Звезда. (Минск). 1917. 21 ноября.
57. Там же. 19 ноября.
58. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 23 ноября.

59. *Смолянинов М.М.* Революционное движение солдатских масс на Западном фронте в 1917 году. Минск. 1981. С. 138.
60. Звезда. (Минск). 1917. 19 ноября.
61. Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. М., 1963. Ч. 2. С. 26.
62. *Ивашин В.Г.* Указ. соч. С. 251—252; *Смолянинов М.М.* Указ. соч. С. 138—139.
63. *Якупов Н.М.* Революции и мир (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 — март 1918 г.). М., 1980. С. 158; *Ивашин В.Г.* Указ. соч. С. 252.
64. Звезда. (Минск). 1917. 23 ноября.
65. *Ивашин В.Г.* Указ. соч. С. 252—258; Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. С. 34—36.
66. *Захаркин Ф.Д.* Гренадеры в борьбе за Советскую власть // В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Воспоминания активных участников Октябрьской революции. Минск, 1957. С. 253.
67. *Саладков И.И.* Большевики Белоруссии в период подготовки проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Минск. 1959. С. 328.
68. *Якупов Н.М.* Указ. соч. С. 159.
69. Голос фронта. (Бердичев). 1917. 24 ноября.
70. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 157.
71. Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 23 ноября.
72. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 382—383.
73. Там же. С. 377—378.
74. Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 23 ноября.
75. Там же. 23 ноября.

76. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 169—170.

77. Базанов С.Н. Указ. соч. С. 159.

78. Там же. С. 159.

79. Голуб П.А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 295.

80. Голуб П.А. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов. Март 1917 — февраль 1918 г. Киев. 1958. С. 206.

81. Истрати Е.Н. Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев. 1973. С. 103.

82. Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917. 12 ноября.

83. Там же. 12 ноября.

84. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 643.

85. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). Документы и материалы. Кишинев, 1967. С. 240.

86. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 152, 161—162, 164—165, 167, 196, 240; Воин-гражданин. (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1917. 22 ноября.

87. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 106—107.

88. Там же. С. 113.

89. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 163; Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. С. 82.

90. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 644; Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 140; Хохлов Т.Н. За власть Советов // Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С. 233.

91. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 171—172.

92. *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 108; *Якупов Н.М.* Указ. соч. С. 161.

93. *Кондурушкин И.С.* На Румынском фронте // Октябрь на фронте. Воспоминания. С. 253; *Истрати Е.Н.* Указ. соч. С. 107—108; *Якупов Н.М.* Указ. соч. С. 160.

94. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 241.

95. Бюллетень Вестника 4-й армии. 1917. 22 ноября.

96. *Френкин М.* Указ. соч. С. 661.

97. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 242.

98. *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 174.

99. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 164.

100. Кавказ. (Тифлис). 1917. 12 декабря.

101. Революционная Ставка. (Могилев). 1917. 29 декабря.

102. *Базанов С.Н.* Братание — одна из причин развала русской армии в 1917 г. // Мир и политика. 2011. № 3. С. 50—55.

103. Накануне перемирия (Материалы Ставки) // Красный архив. 1927. № 4. С. 203.

104. *Френкин М.* Указ. соч. С. 676—677; *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918. М., 1992. С. 41—43.

105. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 252—253.

106. Там же. С. 253.

107. Там же. С. 302, 353, 375.

108. *Френкин М.* Указ. соч. С. 680—687.

109. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 194.

110. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). С. 168.

111. Там же. С. 168.

112. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 261.

113. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 122—123.

114. Там же. С. 207—208.

115. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 278.

116. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 645—646.

117. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 91, 93, 381.

118. 1917 год на Киевщине. Хроника событий. Киев, 1928. С. 363, 370, 371, 382, 392, 401, 407.

119. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). С. 169.

120. *Френкин М.* Указ. соч. С. 682.

121. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 170.

122. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 510—511.

123. Трапезундский листок. (Трапезунд). 1917. 9 ноября; Кавказ. (Тифлис). 1917. 23, 29 ноября.

124. Новая жизнь. (Петроград). 1917. 11 ноября.

125. Речь. (Петроград). 1917. 15 ноября.

126. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 172.

127. Трапезундский листок. (Трапезунд). 1917. 26 октября.

128. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 172.

129. Там же. С. 173.

130. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 562—566, 648; *Стеклов А.П.* Революционная деятельность большевистских

организаций на Кавказском фронте (1914—1917). Тбилиси, 1969. С. 245.

131. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 173.

132. Подробнее об этом см.: *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 226—262.

133. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 452.

134. Там же. С. 266.

135. Там же. С. 592.

136. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 522.

137. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 174.

138 *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 380.

139. Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. (Петроград). 1917. 27 октября.

140. *Кляцкин С.М.* На защите Октября. Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917—1920 гг. М., 1965. С. 63—64.

141. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 39.

142. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 148, 150.

143. Там же. С. 617.

144. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 1. С. 444—445.

145 *Гаврилов Л.М.* Указ. соч. С. 181.

146. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 135.

147. Двинское слово. (Двинск). 1917. 27 октября.

148. *Гаврилов Л.М.* Первые комиссары Советской власти в действующей армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 11. С. 70—71.

149. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 18.
150. Там же. С 189.
151. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 155.
152. Там же. С 157.
153. Архив русской революции. Т. 11—12. С. 253.
154. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 166.
155. Там же. С. 179—181.
156. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 179.
157. Там же. С. 179.
158. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 174.
159. Там же. С. 176—178.
160. Там же. С. 190—191.
161. Точная дата выработки «Временной инструкции» не установлена. М.И. Капустин указывает в своей работе — 18 ноября (*Капустин М.И.* Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 298—299). Е.Н. Городецкий считает, что она была принята Исполкомом 27 ноября. (*Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства. М., 1965. С. 370).
162. Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. С. 386.
163. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 205.
164. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 134—135.
165. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 187—189.
166. Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 576.
167. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 257.

168. Там же. С. 423—424.
169. Там же. С. 278.
170. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 216—217.
171. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 98—99.
172. Бюллетень Военно-революционного комитета Западного фронта. (Минск). 1917. 17 ноября.
173. *Смолянинов М.М.* Указ. соч. С. 140.
174. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 424.
175. Солдатская правда. (Петроград). 1917. 7 ноября.
176. Звезда. (Минск). 1917. 4 ноября.
177. Разложение армии в 1917 году. М.—Л., 1925. С. 146.
178. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 311.
179. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 221—222.
180. Фронт. (Минск). 1917. 15 ноября.
181. Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. (Молодечно). 1917. 12 ноября.
182. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 298—300.
183. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 184.
184. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 306—308.
185. Бюллетень Военно-революционного комитета 10-й армии. (Молодечно). 1917. 30 ноября.
186. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. С. 25—26.
187. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 285.
188. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 186.
189. Там же. С. 186.

190. Там же. С. 186.
191. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 24, 26 ноября.
192. Там же. 1917. 1 декабря.
193. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Т. 2. С. 282—285; *Гапоненко Л.С.* Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). М., 1953. С. 170.
194. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 314.
195. Там же. С. 324.
196. Там же. С. 325—326.
197. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 188.
198. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 633.
199. Там же. С. 612.
200. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 224—227.
201. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 243—245.
202. Известия Военно-революционного комитета Юго-Западного фронта. (Бердичев). 1917. 2 декабря.
203. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 378—379.
204. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 191.
205. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 387.
206. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 169.
207. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 394.
208. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 217.
209. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 408.

210. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 383.

211. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 639; *Дещинский Л.Е.* Большевики во главе революционного движения в армии и на флоте. (Деятельность большевистской партии по завоеванию солдатских и матросских масс Юго-Западного, Румынского фронтов и Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции). Львов, 1982. С. 194.

212. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 396.

213. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 193.

214. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 409.

215. Там же. С. 415.

216. Там же. С. 639.

217. См.: *Дещинский Л.Е.* Указ. соч. С. 194.

218. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 162.

219. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 485.

220. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 194.

221. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 488.

222. Там же. С. 486—487.

223. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 234.

224. Там же. С. 426.

225. Там же. С. 251.

226. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 195.

227. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 517—521.

228. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 431.

229. *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 194.

230. *Гициу М.М.* Деятельность солдатских Советов и комитетов на Румынском фронте и в Молдавии в 1917 г. Кишинев, 1983. С. 123, 157.

231. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 489.

232. *Гициу М.М.* Указ. соч. С. 123.

233. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 277.

234. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 428; Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 645.

235. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 516.

236. Там же. С. 522—523.

237. Известия армейского комитета 9-й армии. 1917. 9 декабря.

238. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 646.

239. Там же. С. 513.

240. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 197.

241. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. — январь 1918 г.). С. 388—389.

242. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 383—384.

243. *Децинский Л.Е.* Указ. соч. С. 194.

244. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 563.

245. Там же. С. 565.

246. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 198.

247. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 318—319; Борьба за победу Советской власти в Грузии. Документы и материалы. 1917—1921 гг. Тбилиси, 1958. С. 175.

248. *Стеклов А.П.* Указ. соч. С. 216—217.
249. Там же. С. 217.
250. Там же. С. 217.
251. Там же. С. 217—218.
252. Там же. С. 218.
253. Кавказский рабочий. (Тифлис). 1917. 30 декабря.
254. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку). 1918. 6 января.
255. Там же. 1918. 6 января.
256. Известия Военно-революционного комитета Кавказской армии. (Баку). 1918. 15 января.
257. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 585—587.
258. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 201.
259. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 253.
260. Там же. С. 299—300.
261. Революционная Ставка. (Могилев). 1917. 30 декабря.
262. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 350—352.
263. Там же. С. 380.
264. Там же. С. 350—351, 369—371, 375—383.
265. Подробнее о демобилизации действующей армии см.: *Городецкий Е.Н.* Демобилизация армии в 1917—1918 гг. // История СССР. 1958. № 1; *Базанов С.Н.* Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. — марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920 годы). М., 2009. С. 35—54.
266. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 82.
267. Декреты Советской власти. Т. 1. С. 66.
268. *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). С. 204.
269. Там же. С. 204.

270. *Минц И.И.* Указ. соч. Т. 3. С. 385.
271. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 205.
272. Армия и флот рабочей и крестьянской России. (Петроград). 1917. 28, 30 ноября, 3 декабря.
273. Там же. 1917. 3, 6 декабря.
274. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 210—211.
275. Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 213.
276. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 429—430.
277. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 208.
278. *Кораблев Ю.И.* Ленин и защита завоеваний Великого Октября. Издание второе. М., 1979. С. 158—162, 193—194.
279. Армия и флот рабочей крестьянской России. (Петроград). 1917. 16, 17 декабря.
280. Там же. 23 декабря.
281. *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 17.
282. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 211.
283. Там же. С. 211.
284. Известия Военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 6 декабря.
285. *Базанов С.Н.* Указ. соч. С. 212.
286. Там же. С. 212.
287. Там же. С. 212.
288. Известия военно-революционного комитета 3-й армии. 1917. 6 декабря.
289. *Базанов С.Н.* Демобилизация действующей армии в ноябре 1917 г. — марте 1918 г. и ее последствия // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918—1920 гг.). М., 2009. С. 35—54.
290. *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 26.
291. *Минц И.И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 72.

292. Воин-гражданин (Орган армейского исполнительного комитета 6-й армии. Болград). 1918. 9 января.

293. Известия Совета рабочих и солдатских депутатов Бакинского района. (Баку). 1918. 6 января.

294. Известия военно-революционного комитета Кавказской армии. (Баку). 1918. 15 января.

295. Там же. 1918. 7 марта.

296. *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 27.

297. *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февраль 1918. М., 1967. С. 292.

298. «Бюллетень Особой армии». 1917. 24 ноября.

299. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 241.

300. Там же. С. 242.

301. *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1967. С. 424—425.

302. Там же.

303. Там же.

304. Там же.

305. Там же.

306. Там же.

307. Там же.

308. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 9—10.

309. *Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного собрания // Октябрьская революция: Мемуары. М., 1991. С. 334—336.

310. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 394, 435.

311. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 394.

312. *Городецкий Е.Н.* Указ. соч. С. 28.

313. *Кораблев Ю.И.* Советская власть и военные специалисты (1918—1941 гг.) // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 309—310.

314. Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 411; Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. С. 533—535.

Заключение

1. *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 241.
2. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 9—10.
3. *Протасов Л.Г.* Указ соч. С. 243—245
4. *Голуб П.А.* Партия, армия и революция. Отвоевание партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февраль 1918. М., 1967. С. 292.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 233.
6. Там же. Т. 35. С. 250.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ПРОЛОГ КАТАСТРОФЫ: РУССКАЯ АРМИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ	6
Глава 2. ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА БЛИЖНИХ К СТОЛИЦАМ ФРОНТАХ	70
Глава 3. ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА ДАЛЬНИХ ФРОНТАХ	149
Глава 4. ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ СОВЕТСКИХ ДЕКРЕТОВ НА ФРОНТЕ	222
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	325
ПРИМЕЧАНИЯ.....	336

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Базанов Сергей Николаевич

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА:
как погибала Русская армия**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Р.В. Зайнуллина*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 21.07.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «PeterburgC». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 12. Тираж 2000 экз. Заказ № 2340.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА: КАК ПОГИБАЛА РУССКАЯ АРМИЯ

Книга доктора исторических наук С.Н. Базанова посвящена истории развала русской действующей армии начиная с марта 1917 г. и заканчивая ее демобилизацией в начале 1918 г. На основе разнообразных источников автор показывает, насколько разрушительна была военная политика Временного правительства по отношению к вооруженным силам, что в значительной степени ускорило их развал. Подробно рассмотрена борьба большевиков за власть в действующей армии с их политическими противниками в послеоктябрьский период. Раскрыто влияние первых советских декретов о мире, о земле, о демократизации и о демобилизации на процесс борьбы за власть в армии, закончившийся ее полным роспуском.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-2020-1

9 785444 420201

